

2/2018

SLAVICA NITRIENSIS

SLAVICA NITRIENSIA

časopis pre výskum slovanských filológií

2018

SLAVICA NITRIENSIA

časopis pre výskum slovanských filológií

Hlavný redaktor: prof. PhDr. Jana Sokolová, CSc. (Nitra, SR)

Redakčná rada: prof. Nikolaj F. Alefirenko, DrSc. (Belgorod, RF)
prof. PhDr. Juraj Dolník, DrSc. (Bratislava, SR)
doc. PhDr. Anton Eliáš, CSc. (Bratislava, SR)
prof. PhDr. Michal Harpáň, CSc. (Nový Sad, Srbsko)
doc. Jevgenij V. Jevpak, CSc. (Kemerovo, RF)
prof. PhDr. Natália Korina, CSc. (Viedeň, Rakúsko)
doc. PaedDr. Zuzana Kováčová, PhD. (Nitra, SR)
prof. PhDr. Ľubomír Kralčák, PhD. (Nitra, SR)
PhDr. Marián Macho, PhD. (Nitra, SR)
prof. Boris J. Norman, DrSc. (Minsk, Bielorusko)
prof. PhDr. Slavomír Ondrejovič, DrSc. (Bratislava, SR)
prof. PhDr. Ivo Pospíšil, DrSc. (Brno, ČR)
prof. PhDr. Jozef Sipko, PhD. (Prešov, SR)
doc. PhDr. Mária Hricková, PhD. (Nitra, SR)
doc. PhDr. Zdeňka Vychodilová, CSc. (Olomouc, ČR)
prof. PhDr. Miloš Zelenka, DrSc. (České Budejovice, ČR)

Vydavateľ: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre
Tr. A. Hlinku 1, 94974 Nitra
IČO: 00157716

Adresa redakcie: Katedra rusistiky FF UKF, Štefánikova 67, 949 74 Nitra
krusistiky@ukf.sk
www.krus.ff.ukf.sk

Vychádza dvakrát do roka.
Ročník 7, 2018, 1
Toto číslo vyšlo v júni 2018.

Evidenčné číslo Ministerstva kultúry SR: EV 4625/12

ISSN 1338-7464

OBSAH / TABLE OF CONTENTS

ČLÁNKY / ARTICLES

- 4 *Наталья Б. Корина: Душа во фразеологии западных и восточных славян*
Soul in the Phraseology of the East and the West Slavs
- 45 *Jana Sokolová: Egoprezentácia z aspektu MY*
Self-presentation in the Aspect of 'WE'
- 60 *Alena Kalechyts: Асаблівасці самаідэнтыфікацыі і самапрэзентацыі ў дзіцячым дыскурсе Уладзіміра Ліпскага*
Self-identification and Self-presentation in Vladimir Lipsky's Children's Discourse
- 71 *Іна Кавалёва: Тыпалогія беларускіх кампазітаў-назоўнікаў паводле ступені іх матываванасці*
Typological Classification of Components in Belarusian Nominal Compounds According to Their Motivation
- 88 *Ольга Горицкая: лексические инновации в русской речи белорусов: социокультурный аспект (на материале слов с компонентом агро-)*
Lexical Innovations in Russian Speech of the Belarusians: Sociocultural Aspects
- 100 *Лапшина Светлана Сергеевна: К вопросу о чтении детской прозы на уроках русского языка как иностранного (на примере рассказа Юрия Яковлева)*
On the Issue of Reading Children's Stories at the Lessons of Russian as a Foreign Language (Illustrated by the Story of Yury Yakovlev)

RECENZIE / BOOK REVIEWS

- 119 *Pružinec, T. – Gallo, J.: Berd'ajev – Frank – Iljin. Traja myslitelja ruskej personalistickej filozofije. (Vavrinec Žeňuch)*
- 123 *Dulebová, I. – Cingerová, N.: Ruské lingvoreálie. (Ján Gallo)*

- 73 **AUTORI ČÍSLA / AUTHORS**

ДУША ВО ФРАЗЕОЛОГИИ ЗАПАДНЫХ И ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Наталья Б. Корина

Ústav slavistiky Viedenskej univerzity (Rakúsko)
Katedra rusistiky Filozofickej fakulty Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre

SOUL IN THE PHRASEOLOGY OF THE EAST AND THE WEST SLAVS

Abstract: This article discusses the fragment of the linguistic worldview of the West and the East Slavs connected with the concept of the soul that occurs in the phraseology of their languages. To allow for better comparison, we take into account two languages from each group which differ by their standard language history and writing (as well as literary) tradition: Russian and Czech on the one hand as more archaic literary languages, Belarusian and Slovak on the other hand as younger literary languages. By the comparison of the phraseology that contains the component 'soul' we find ontological and axiological characteristics of such phraseology in all four languages, we compare and analyze it and make a conclusion about its universal and specific (national) features.

Keywords: soul, phraseology, linguistic worldview, axiological value, phraseological semantic field, Russian, Belarusian, Czech, Slovak

Введение

Понятие «душа» как обозначение *бессмертной субстанции жизни, заключённой в теле человека и покидающей его в момент смерти* (Славянские древности (далее – СД), т. 2, с. 162), есть практически в каждой культуре и связано прежде всего с верой, начиная с древнейших верований и магических практик и заканчивая современными религиями. Являясь воплощением жизни, душа имеет бесспорное онтологическое значение, что сделало её одним из центральных объектов философии и теологии. Однако объектом нашего рассмотрения является место души не в научной, а в наивной (в терминологии Ю. Д. Апресяна) картине мира. Наивные (обыденные) представления о душе *«имеют непосредственное отношение к народной демонологии, к представлениям о смерти, посмертном существовании и загробном мире»* (СД, т. 2, с. 162). Эти представления в значительной степени отражены во фразеологическом фонде каждого языка, который обладает известной консервативностью и во многом сохраняет традиционные воззрения

и ценности этноса (ср. Мокиенко – Николаева, 2002; Степанова, 2008; Высочанский, 2014 и др.).

1. Цели и методы исследования

С данной точки зрения интересно сопоставить материал родственных языков, развивавшихся в различных культурно-исторических условиях, и пронаблюдать общие и специфические черты. Для рассмотрения мы избрали по паре близкородственных славянских языков разных групп, один из которых имеет давнюю литературно-письменную традицию, а второй относится к т. н. «молодым» литературным языкам, или языкам позднего формирования: западнославянские (чешский, словацкий) и восточнославянские (русский, белорусский)¹. Основным источником материала нам послужили фразеологические словари, в т. ч. исторические, поскольку в них фиксируется более раннее состояние фразеологического фонда. Исследование проводилось методом сплошной выборки.

Одна из причин обращения именно к словарям – ориентация на словацкий язык, для которого не существует актуального фразеологического словаря: среди академических изданий присутствуют только «Малый фразеологический словарь» Э. Смьешковой (Smiešková, 1974) и словарь К. Габовштыковой и Э. Крошлаковой «Фразеологический словарь: Человек и природа во фразеологии» (Habovštiaková – Krošláková, 1996). Актуальная фразеология содержится в новом толковом словаре словацкого языка (Slovník súčasného slovenského jazyka, далее SSSJ), но пока вышли только три первых тома по букву N включительно. Существующие собрания словацкой фразеологии (F. L. Čelakovský, A. Záturský) не дают толкований отдельных единиц, поэтому нами не рассматривались. Любопытно отметить, что в словарной статье *duša* в первом томе SSSJ содержится больше фразеологических единиц (далее ФЕ), чем во всех вышеперечисленных словарях вместе взятых, что свидетельствует о фундаментальности данного источника (см. Таб. 1 в приложении).

Нашей основной целью является включить в межязыковые сопоставления белорусский и словацкий материал, поскольку на данный момент для этих двух языков разработаны далеко не все лингвистические области: о состоянии словацкой фразеографии было сказано выше, а в случае белорусского языка проблема другая – пока нет полноценного

¹ Учитывалась также степень близости рассматриваемых языков в пределах своей подгруппы; кроме того, в силу ограниченного объема мы не стремились охватить обе группы полностью.

электронного корпуса (он находится в процессе формирования), по которому можно было бы проводить многие исследования и верификацию данных. Поэтому, чтобы материал был в как можно большей степени сопоставимым, мы не стали прибегать к корпусам в качестве основных источников.

2. Эволюция фразеологии с компонентом *душа*

Проследить эволюцию фразеологического фонда нам помогают исторические источники. Среди словарей в этом плане особенно интересны чешский словарь В. Флайшганса (Flajšhans, 1911 – 1913) и русский словарь М. И. Михельсона (Михельсон, 1912), далеко превосходящие все современные фразеологические словари по лингвистической универсальности, глубине и широте охвата материала. Так, в словаре Флайшганса находятся широкие сопоставления с другими языками – как славянскими, так и неславянскими, даются отсылки к фразеологическим синонимам и приводятся контексты (цитаты) из множества исторических источников. Первое с момента выхода в свет переиздание этого редчайшего словаря состоялось в 2013 г. благодаря усилиям В. М. Мокиенко, Л. И. Степановой и издательства Университета им. Палацкого (Оломоуц, Чехия). Примечательно, что при сопоставлении с наиболее полным на сегодняшний день четырёхтомным чешским фразеологическим словарём (Slovník české frazeologie a idiomatiky, 2009 – далее SČFI) обнаруживается всего 5 фразеологических совпадений при общем количестве 24 ФЕ с компонентом *душа* у Флайшганса и 71 ФЕ в SČFI: 1) *byť jak tělo bez duše* ‘безучастность, апатия’, 2) *div duši nevypustil* ‘крайне напрягался, сделал что-л. из последних сил, с максимальным напряжением’, 3) *vydechnout/vypustit duši* ‘умереть’ (образ аналогичен предыдущей ФЕ), 4) *Do čehos to duši dal, pane bože!* ‘он абсолютно глуп; невозможно спокойно смотреть, что он вытворяет (как работает, делает что-л. и. т.п.)’ и 5) *na mou duši* ‘то, о чём я говорю, действительно так и было, я ничего не изменил (не добавил и не убавил); так было на самом деле’. Для сравнения: в словаре М. И. Михельсона наблюдается 10 совпадений из 18 ФЕ² в сравнении с «Фразеологическим словарём русского языка» под ред.

² Следует отметить, что 3 из 8 ФЕ в словаре Михельсона, которые не совпадают с ФСРЯ, функционируют в современном русском языке, однако не включены в ФСРЯ, поскольку вопрос, считать ли их фразеологизмами, не имеет однозначного ответа – всё зависит от того, в каких рамках мы определяем фразеологию (*душа дела, душа общества, душа-человек*). Таким образом, при более широком подходе совпадений окажется не 10 из 18, а 13 из 18.

А. И. Молоткова (далее – ФСРЯ) с общим количеством 82 ФЕ (см. Таб. 2 в приложении).

Поскольку понятие души имеет бытийный характер и непосредственно связано с существованием человека, ФЕ с компонентом *душа* закономерно входят во фразеосемантическое поле (ФСР) «Человек» и образуют сходные фразеосемантические группы (ФСГ) во всех рассматриваемых языках, что вызвано универсальностью ментальных процессов и психоэмоциональных состояний человека:

- а) качественная оценка человека (*в чѣм только душа держится*);
- б) характеристика психоэмоционального состояния человека (*кошки скребут на душе*);
- в) действия человека (*без мыла в душу лезть*);
- г) характеристика действий или состояний человека (*всею душой*) и т. п.

Отдельного внимания заслуживает вариантность ФЕ, основанная на возможности взаимозамены компонентов *душа* и *сердце*, о чём неоднократно писалось применительно к разным языкам (Алексеева, 1996; Vaňková a kol., 2005; Алефиренко – Корина, 2011; Корина, 2016; Masłowska – Pazio-Włazłowska, 2016 и др.). Для русского языка выделяется 6 основных лексико-семантических вариантов лексемы *душа* в составе ФЕ (обобщено на основе деления, предложенного С. Г. Алексеевой):

- 1) внутренний мир человека (психика и сознание);
- 2) свойства характера, а также обладатель этих свойств;
- 3) религиозное представление о душе (от народной демонологии до христианской доктрины);
- 4) (перен.) вдохновитель чего-либо, главное лицо;
- 5) характеристика человека (как правило, в устойчивых сочетаниях);
- 6) человек как единица при счёте (в царской России – крепостные крестьяне и податное сословие) (ср.: Алексеева, 1996, с. 9). Последний вариант возник на основе отождествления души с человеком, которое является универсальным и присутствует в таких славянских ФЕ, как рус. *ни одна душа (не узнает о чѣм-л.)*, бел. *усе да душы, ні (адной, жывой) душы няма*, словац. *(ani) živej duše niet*, чеш. *živá duše o tom neví, (sem nepřijde) živá duše* и др.

Как показывает наш материал, данное деление применимо ко всем рассматриваемым языкам и в определённой степени универсально (см. Таб. 3 в приложении).

Варианты славянских ФЕ косвенно подтверждают, что в представлениях славян о душе «... можно встретить отголоски христианской

концепции души, исходящей не из бинама 'тело – душа', а из триады 'тело (сома) – душа (психэ) – дух (пнеума)'» (СД, т. 2, с. 162), поскольку они содержат как компонент *душа*, так и компонент *дух*, напр.: словац. *skoro dušu/ducha vypustil*; чеш. *na duši/duchu i na těle*; бел. *біць і (ды) душу/духу слухаць, вымаць (даставаць) душу/духі, без душы/без духу (бегчы, уцякаць і г.д.), у чым [толькі] душа/дух трымаецца*; рус. *вышибать душу/дух из кого-л., дух/душа вон из кого-л.* В белорусском материале таких вариантов насчитывается 5 из 106 ФЕ (более всего), что заслуживает отдельного внимания – не исключено, что это ещё одно подтверждение отголосков древнего мифологического сознания, отражённого в этимологической связи души с дыханием. Эту связь подчёркивает и автор словацкого этимологического словаря Л. Кралик, объясняя таким образом некоторые специфические для словацкого языка значения самой лексемы *душа*: „Použitie typu *ľudská d. súvisí s predstavou o nositeľovi života, ktorý uniká s posledným vydýchnutím* (porov. *vypustiť d-u*); odtiaľ i významy 'človek' (*dedina má tisíc d-i*), 'vnútorný svet človeka' (*pokoj v d-i* ap.) i 'vnútorná časť niečoho' (*ocelová d. kábla* ap.)“ (Králík, 2015, s. 139). С последним значением – внутренняя часть, содержание чего-л. – связана и белорусская ФЕ (*клёцкі*) з *душамі* (Лепешаў, 2009, с. 404).

Как правило, лексический компонент *душа* присутствует во ФЕ с оценочным значением, выражающих высокую степень проявления какого-либо признака или интенсивности действия, что также свидетельствует в пользу его аксиологической значимости. Такие ФЕ часто являются синонимами к «очень (сильно)», «крайне»: рус. *любить всей душой*, бел. *любіць усёй душой* «очень сильно любить», словац. *z duše nenávidieť*, чеш. *nenávidět někoho z duše*, рус. (*ненавидеть*) *всеми фибрами души*, бел. *усімі фібрамі (сіламі) душы* «очень сильно ненавидеть», чеш. *stydět se do duše/z duše* «очень сильно стыдиться», *je mi to z duše líto* «мне очень жаль», рус. *до глубины души*, бел. *да глыбіні душы*, словац. *do hĺbky duše* «крайне, полностью» и т. п. Словацкий фразеологический компонент *o dušu (spasenú)* в сочетании с глаголом придаёт выраженному данным глаголом действию значение 'делать что-л. изо всех сил, до изнеможения': *robiť o dušu (spasenú)* (работать изо всех сил), *tancovať o dušu* (танцевать до упаду), *bežať o dušu (spasenú)* (бежать что есть мочи), *škriepiť sa o dušu* (спорить до хрипоты) и т. п. Любопытно, что данное значение связано исключительно с собственным (волевым и, по сути, добровольным) стремлением человека к какой-либо деятельности: он по своей воле работает, танцует, бежит и т. п., однако он не может по своей воле, например, устать – нет выражения **unaviť sa o dušu*.

Представления о душе как о живой субстанции, которая может трансформироваться и менять место, отражены во ФЕ, обозначающих страх, испуг. У человека, испытывающего сильный страх, душа (а также сердце) может либо резко падать вниз, покидая своё место (рус. *душа ушла в пятки*, бел. *душа ў пятках*, словац., чеш. *srdce spadlo do nohavíc/do gati*)), либо сжиматься (словац. *s malou dušičkou (dušou)*, чеш. *mít malou dušičku*). Сходный образ содержат ФЕ рус. *душа не на месте*, бел. *душа не на месцы*, словац. *(ne)mať dušu na mieste*, выражающие состояние беспоконья, тревоги. Таким образом, во фразеологии с компонентом *душа* в значительной степени отражены древние, дохристианские представления о душе.

3. Национальные особенности ФЕ с компонентом *душа*

Рамки одной статьи не позволяют нам подробно описать материал каждого из рассматриваемых языков, поэтому остановимся только на некоторых наиболее характерных отличиях.

Спецификой **чешской** и **словацкой фразеологии** является наличие компонента *душа* во ФЕ негативной оценки: словац. *prehovoriť niekomu do duše*, чеш. *(pro)mluvit někomu do duše* «корить, ругать, увещевать», словац. *dostať do duše* «получить выговор, порицание». Кроме того, словацкие фразеологические словари обильно фиксируют устойчивые ругательства с компонентом *душа*: *ja tvoju dušu!*; *dušu ti naháňam!*; *hrom/parom/sto striel ti do duše*; *hrom ti dušu páral!* Употребление слова *душа* в подобных контекстах встречается и в других славянских языках (напр., рус. вульг. *едрить ты в душу, едрить твою в бога душу мать*), но словарями фиксируется крайне редко.

Спецификой **чешской фразеологии** являются ФЕ, основанные на реалиях – традиционных обрядах: ФЕ *hoří to jak za dušičky* «(горит) недостаточно, слабо, неровно, мерцающе» и *svítí to jak za dušičky* «светит очень или слишком слабо, мигает (плохо освещает)» связаны с традиционным днём поминовения усопших (2 ноября), который в Чехии и Словакии называется *Dušičky* (для сравнения: в Белоруссии он называется *Дзяды*, а в России эта традиция утрачена, и устойчивого названия нет). В этот день в память об усопших на могилах зажигают свечи; образ обеих ФЕ основан на слабом мерцающем пламени свечи осенним вечером на ветру. В остальных рассматриваемых языках подобные ФЕ не обнаружены.

Для **словацкой фразеологии** с компонентом *душа* специфична ярко выраженная связь души с жизнью и дыханием, отражающая древнейшие (дохристианские) представления о душе: *chodiť ako bez duše, duša*

doňho chodí (len) spávať, vyplúť dušu, mať dušu na jazyku и др. (ср. также: Králik, 2015, s. 139). Этот мотив присутствует и в чешской фразеологии, однако подобные чешские ФЕ уступают словацким в количественном отношении.

Русская фразеология с компонентом *душа* отличается образной составляющей семантической структуры ФЕ: именно с душой «в сознании русского народа связываются все явления, процессы, ситуации, происходящие с человеком и вызывающие те или иные изменения его внутреннего, психоэмоционального состояния, именно в душе находят отклик все действия со стороны окружающих людей, цель которых – повлиять на состояние, поведение кого-либо, вызвать у кого-либо определённые чувства, эмоции» (Алексеева, 1996, с. 16). Иными словами, большинство окружающих его событий русский человек пропускает через душу как через своего рода духовно-нравственный фильтр: *согреть душу, поговорить по душам, душу вынимать, наплевать в душу, душой болеть за кого-л., не по душе, всеми фибрами души, (жить) душа в душу* и мн. др. Поэтому образная составляющая ФЕ с компонентом *душа* носит преимущественно абстрактный, отвлечённый характер. Ещё одна характерная черта – очевидная связь души с широтой как выражением простора, породившая в других языках ФЕ *широкая русская душа* как стереотипное указание именно на эту черту русского национального характера (подробнее см.: Шмелёв, 2012; Алефиренко – Кори́на, 2011; Кори́на, 2015).

В белорусской фразеологии образ души более материален, чем у остальных славян, и ярко связан с природной средой, естественными условиями обитания и традиционным бытом человека, что не противоречит представлениям о «природности» белорусского национального характера (Суднік, 2004; Кириенко 2009; Валодзіна, 2011; Володина, 2015; Норман 2014 и др.): *душа мохам абрасла* «равнодушный, бесчувственный», *гнаіць душу (сэрца, сэрцайка)* «отравлять жизнь кому-л.», *муціць душу* «тревожить, вызывать неприятные воспоминания, чувства и т. п.», *наступаць на душу* «пересиливать себя», *душу заткнуць* «напиться допьяна», *душа кіпіць* «кто-л. охвачен душевным порывом, воодушевлён». Душа может отождествляться даже с пищей: *ад'ядаць/выядаць душу каму-н.* (и дериваты – характеристики человека *ад'яда/выяда/пераяда души*).

В данной статье мы не затрагиваем проблему различения исконной и заимствованной фразеологии, однако национально-специфичные ФЕ (что закономерно следует из их характера) являются, как правило, исконными.

4. Оценочность ФЕ с компонентом душа

Как уже упоминалось выше, *душа* присутствует во фразеологии западно- и восточнославянских языков при характеристике психоэмоциональных состояний, личности человека, свойств его характера и его действий. Высокий аксиологический потенциал понятия *душа* обуславливает преимущественно положительную семантику тех ФЕ, в которых присутствует данный компонент: рус. *душа поёт, душу готов отдать за кого-л.*, бел. *душой прыкінець да каго-н., душа нараспашку*, словац. *spriaznená duša, dušu by na dlaň vyložil, vkladať sa do niečoho celou dušou*, чеш. *široká (ruská) duše, duši by za ni dal, mít něкого z duše rád* и мн. др. Однако материал нашего исследования подтверждает, что компонент *душа* может выступать не только в позитивных, но и в негативных оценочных контекстах. К негативно-оценочным относятся: рус. *ад крошечный на душе [на сердце], без мыла в душу лезть, заячья душа, бумажная душа, кривить душой, плевать в душу, с души воротит [рвёт, тянет]*; бел. *душа мохам абрасла, заечая душа, з душы верне, крывіць душой, папяровая душа, пляваць у душу, аб'яда/выяда душы*, словац. *je lakotý na peniaze ako čert na dušu; trasie sa za grošom ako čert za hriešnou dušou; za peniaze i dušu si predá, utopiť dušu v pálenke*, чеш. *kupecká/kramářská duše, lokajská/služebná duše, ministrantská duše, mít černou duši, mít hříšnou duši, upsat duši čertu/dáblu* и др. Многие из них связаны с религиозными представлениями о рае и аде и о грешности человека, универсальными для всего христианского мира.

Преимущественно в ироничном контексте (с негативной коннотацией) употребляются: чеш. *krom té drahé duše, duše tímóza, zalévat dušičku*; словац. *dušičku polievat', môže [aj] dušu vyplúť*; бел. *біць і (ды) душу (духу) слухаць* (см. Таб. 3).

Кроме того, ФЕ с компонентом *душа* могут носить амбивалентный характер и выступать в противоположных контекстах: ФЕ словац. *z (celej) duše*, чеш. *z duše*, рус. *всей душой*, бел. *усёй душой* и некоторые другие могут сочетаться с антонимичными глаголами *любить* и *ненавидеть*, *поддерживать* и *отвергать*, *уважать* и *презирать* и т. п. Для сравнения: близкая по значению русская ФЕ *всеми фибрами души* (и заимствованная из русского бел. *усімі фібрамі душы*) может использоваться только в сочетании с глаголами негативной реакции – *ненавидеть*, *презирать* и т. п.

Заклучение

На основании сопоставления материала нескольких славянских языков можно сделать предварительный вывод, что онтологическое значение понятия «душа» в славянской картине мира обеспечивает ему высокий аксиологический потенциал, что проявляется, в частности, во фразеологии с компонентом *душа*, имеющей ярко выраженный оценочный характер. Взаимосвязь значимости в картине мира с интенсивностью оценки, скорее всего, универсальна, однако мы не берёмся за широкие обобщения, не проанализировав и не сопоставив необходимый для подобных выводов конкретный языковой материал.

ЛИТЕРАТУРА

- АЛЕКСЕЕВА, С. Г.: *Фразеологизмы с компонентами "сердце" и "душа" в современном русском языке*. Автореферат ... канд. филол. наук. Москва, 1996. 16 с. Без ISBN.
- АЛЕФИРЕНКО, Н. Ф. – КОРИНА, Н. Б.: *Проблемы когнитивной лингвистики*. Nitra: UKF, 2011. 216 с. ISBN 978-80-8094-987-7.
- ВАЛОДЗИНА, Т. В.: *Прадмова*. In: Слоўнік беларускіх народных параўнанняў. Нац. Акадэмія навук Беларусі, Ін-т мовы і літаратуры ім. Я. Коласа і Я. Купалы. Уклад. Т. В. Валодзіна, Л. М. Салавей. Мінск: Беларуская навука, 2011, с. 3 – 11. ISBN 978-985-08-1346-6.
- ВОЛОДИНА, Т. В.: *Люди и камни: метаморфозы и коммуникация (белорусская традиция)*. In: Живой камень: от природы к культуре. Отв. ред. и сост. Л. О. Зайонц. Москва: Институт мировой культуры МГУ, 2015, с. 133 – 145. ISBN 978-5-4465-0866-2.
- ВЫСОЧАНЬСКИЙ, Владзимеж: *Категоризация действительности в реконструкции фразеопаремической картины мира*. In: Корина Н. Б. и колл.: Языковая картина мира и когнитивные приоритеты языка. Nitra: UKF, 2014, с. 45 – 68. ISBN 978-80-558-0702-7.
- ШМЕЛЁВ, А. Д.: *Широта русской души*. In: ЗАЛИЗНЯК, А. А. – ЛЕВОНТИНА, И. Б. – ШМЕЛЁВ, А. Д.: Константы и переменные русской языковой картины мира. Москва: Языки славянской культуры, 2012, с. 24 – 34. ISBN 978-5-9551-0494-2.
- КИРИЕНКО, В. В.: *Белорусская ментальность: истоки, современность, перспективы*. Гомель: ГГТУ им. П. О. Сухого, 2009. 319 с. ISBN 978-985-420-806-0.
- КОРИНА, Н. Б.: *Душа и сердце в русских и словацких текстах по данным сопоставительного лингвокогнитивного анализа*. In: Masłowska, Ewa et al.: Antropologiczno-językowe wizerunki duszy w perspektywie międzykulturowej. Tom I. Dusza w oczach świata. Warszawa: Instytut Sławistyki Polskiej Akademii Nauk, 2016, с. 195 – 215. ISBN 978-83-64031-48-9.
- МОКИЕНКО, В. М. – НИКОЛАЕВА, Е. К.: *Интернациональный фонд русской фразеологической картины мира*. In: Rossica Olomucensia, роč. 40, č. 1, 2002, s. 17 – 34. ISSN 0139-9268.

- НОРМАН, Б. Ю.: *Лексические ассоциации как составная часть языковой картины мира (на русском и белорусском материале)*. In: Корина Н. Б. и колл.: Языковая картина мира и когнитивные приоритеты языка. Nitra: UKF, 2014, с. 69 – 103. ISBN 978-80-558-0702-7.
- СТЕПАНОВА, Л. И.: *Универсальное и индивидуальное во фразеологической картине мира*. In: Rossica Olomucensia, ро. 32, ч. 2, 1993, с. 39 – 42. ISSN 0139-9268.
- СУДНИК, М. Р.: *Прадмова да другога выдання*. In: Янкоўскі Ф. М.: Беларуска прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы. Мінск: Беларуская навука, 2004, с. 22 – 35.
- MASŁOWSKA, Ewa – PAZIO-WLAZŁOWSKA, Dorota (eds.): *Antropologiczno-językowe wizerunki duszy w perspektywie międzykulturowej*. Tom I. Dusza w oczach świata. Warszawa: Instytut Sławistyki Polskiej Akademii Nauk, 2016. 556 s. ISBN 978-83-64031-48-9.
- VAŇKOVÁ, Irena a kol.: *Co na srdci, to na jazyku. Kapitoly z kognitivní lingvistiky*. Vyd. 1. Praha: Karolinum, 2005. 343 s. ISBN 80-246-0-919-3.
- WYSOCZAŃSKI, Włodzimierz: *Językowy obraz świata w porównaniach zleksykalizowanych*. Na materiale wybranych języków. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2006. 402 s. ISBN 83-229-2728-2.

СЛОВАРИ

- ЛЕПЕШАЎ, І. Я.: *Слоўнік фразеалагізмаў*. У 2-х тамах. Каля 7 тысяч фразеалагізмаў. Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2008. ISBN 978-985-11-0404-4.
- МИХЕЛЬСОН, М.И.: *Русская мысль и речь. Своё и чужое: Опыт русской фразеологии: Сб. образных слов и иносказаний: Посмертное издание*. СПб.: Тип. акц. общ-ва «Брокгауз-Ефрон», 1912. 1161 с. Без ISBN.
- Славянские древности*. Этнолингвистический словарь под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 1 – 5. Москва: Индрик – Международные отношения, 1995 – 2012. ISBN 5-7133-0703-4.
- Слоўнік беларускіх народных параўнанняў*. Нац. Акадэмія навук Беларусі, Ін-т мовы і літаратуры ім. Я. Коласа і Я. Купалы. Уклад. Т. В. Валодзіна, Л. М. Салавей. Мінск: Беларуская навука, 2011. 482 с. ISBN 978-985-08-1346-6.
- ТИХОНОВ, А. Н. (ред.): *Фразеологический словарь современного русского литературного языка*. В 2-х тт. Свыше 35 000 фразеологических единиц. Москва: Флинта, Наука, 2004. 832 + 832 с. ISBN 5-89349-691-4.
- Фразеологический словарь русского языка*. Свыше 4 000 словарных статей. Под ред. А. И. Молоткова. 4-е изд., стереотип. Москва: Русский язык, 1986. 543 с. Без ISBN.
- FLAJŠHANS, Václav: *Česká přísloví. Sbíрка přísloví a pořekadel lidu českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku ve dvou svazcích (A-N, O-Ž)* (1. vydání – Praha 1911, 1913). Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2013. ISBN 978-80-244-3329-5.
- KRÁLÍK, Libor: *Stručný etymologický slovník slovenčiny*. Bratislava: Veda, 2015. 704 s. ISBN 978-80-224-1493-7.

ČERMÁK, František a kol.: *Slovník české frazeologie a idiomatiky*. 1. – 4. díl. Praha: Leda, 2009. ISBN 978-80-7335-219-6.

HABOVŠTIAKOVÁ, Katarína – KROŠLÁKOVÁ, Ema: *Frazeologický slovník. Človek a príroda vo frazeológii*. Bratislava: Veda, 1996. 176 s. ISBN 978-5-91476-019-6.

SMIEŠKOVÁ, Elena: *Malý frazeologický slovník*. Bratislava: SPN, 1974. 296 s. Bez ISBN.

ОНЛАЙН-СЛОВАРИ:

МИХЕЛЬСОН, М. И.: *Большой толково-фразеологический словарь Михельсона*. В 3-х тт. Б.м., 2004³. 2208 с. Доступ: http://onlineslovari.com/bolshoy_tolkovo_frazeologicheskij_slovar_mihelzona/search/?word=%D0%B4%D1%83%D1%88%D0%BE%D1%8E&select=bolshoy_tolkovo_frazeologicheskij_slovar_mihelzona.

ЛЕПЕШАЎ, І. Я.: *Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў*. Мінск: Народная асвета, 1984. Доступ: <http://www.rulit.me/books/etymalagichny-slounik-frazealagizmau-read-383960-19.html>.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Tab. 1. ФЕ с компонентом *душа* в словацких словарях

	SSSJ	Habovštiaková – Krošlaková	Smiešková	Значение ФЕ
1	<ul style="list-style-type: none"> ■ [ani] živá duša [nepriđe, tam nie je, o tom nevie]; ani dušička 			○ вообще никто
2	<ul style="list-style-type: none"> ■ [ani] živej duše niet/nebolo/nevidieť; ■ nikde ani živej duše; ■ ani dušičky 		<ul style="list-style-type: none"> ■ ani živej duše niet (nevidieť a pod.) 	○ никого
3	<ul style="list-style-type: none"> ■ utekať/bežať/letieť ako bez duše 	<ul style="list-style-type: none"> ■ beží (uteká, behá a pod.) ako bez duše 	<ul style="list-style-type: none"> ■ beží (uteká, letí a pod.) ako bez duše 	○ очень быстро, в ужасе
4	<ul style="list-style-type: none"> ■ expr. o dušu/odušu [spasenú] [robiť niečo, bežať, kričať] 	<ul style="list-style-type: none"> ■ beží (uteká a pod.) o dušu spasenú; ■ robí o dušu spasenú; robí <i>niečo</i> telom i dušou; ■ tancovať odušu; ■ škriepi sa o dušu 	<ul style="list-style-type: none"> ■ beží (uteká, letí a pod.) o dušu 	○ изо всех сил, до изнеможения

³ ФЕ с компонентом *душа* в данном издании идентичны первому изданию 1912 г.

5	<ul style="list-style-type: none"> ■ skoro mu dušu vytriaslo; ■ div/dobre/dobreže z neho dušu nevytriaslo; ■ išlo mu dušu vytriasť 	<ul style="list-style-type: none"> ■ bili (zmlátii, tíkli) ho, akoby chceli dušu z neho vytriasť; ■ bili ho, dobre [že] mu dušu nevytriasli 	<ul style="list-style-type: none"> ■ div (dobre) z neho dušu nevytriaslo; ■ skoro mu dušu vytriaslo 	<ul style="list-style-type: none"> ○ что-л. его разозлило до крайности; ○ сильные побои
6	<ul style="list-style-type: none"> ■ vytriasť/vytíct' dušu z <i>niekoho</i> 	<ul style="list-style-type: none"> ■ ak ťa chytím, dušu z teba vytrasiem (kosti ti z tela vytrasiem, kosti ti dolámem) 		<ul style="list-style-type: none"> ○ убить, избить насмерть; ○ угроза избиения
7	<ul style="list-style-type: none"> ■ [vyzerá] ako by mal dušu vyplúť; ■ duša chodí doňho [iba] spávať; ■ už len duša chodí doňho spávať 	<ul style="list-style-type: none"> ■ kašle, dobre dušu nevydá (nevyplúje); ■ [iba] duša [čo] chodí doňho spávať (nocúvať) 	<ul style="list-style-type: none"> ■ duša chodí doňho spávať 	<ul style="list-style-type: none"> ○ очень болен, слаб; ○ близок к смерти
8	<ul style="list-style-type: none"> ■ duša sa ho [už] ledva/sotva drží 			<ul style="list-style-type: none"> ○ близок к смерти
9	<ul style="list-style-type: none"> ■ mať dušu na jazyku 	<ul style="list-style-type: none"> ■ už mu dušu strežú; ■ už mu na dušu striehnu; ■ už mu je duša (smrť) na jazyku; ■ má smrť (dušu) na jazyku 	<ul style="list-style-type: none"> ■ mať dušu na jazyku 	<ul style="list-style-type: none"> ○ умирать
10	<ul style="list-style-type: none"> ■ duša mu piští za niekým, za niečím; ■ duša mu prahne po niekom, po niečom 	<ul style="list-style-type: none"> ■ duša (srdce) mu za tým piští 	<ul style="list-style-type: none"> ■ duša mu piští <i>za niekým, za niečím</i> 	<ul style="list-style-type: none"> ○ жаждет чего-л., очень сильно хочет получить что-л.
11	<ul style="list-style-type: none"> ■ dušu by na dlaň vyložil 	<ul style="list-style-type: none"> ■ srdce (dušu) by na dlaň vyložil; ■ hovorí od srdca (zo srdca, z duše) 	<ul style="list-style-type: none"> ■ dušu by na dlaň vyložil 	<ul style="list-style-type: none"> ○ (1) искренний, прямой человек; ○ (2) добросердечный, готовый помочь
12	<ul style="list-style-type: none"> ■ mať dušu na mieste/na pokojí; ■ mať mier v duši 	<ul style="list-style-type: none"> ■ už mu je duša (srdce) na mieste; ■ už má dušu (srdce) na mieste (na pokojí) 	<ul style="list-style-type: none"> ■ mať dušu na mieste (na pokojí) 	<ul style="list-style-type: none"> ○ успокоиться, быть довольным; ○ быть спокойным, умиротворённым
13		<ul style="list-style-type: none"> ■ skoro dušu (ducha) vypustil 	<ul style="list-style-type: none"> ■ skoro dušu (ducha) vypustil; ■ skoro dušu vyplúľ 	<ul style="list-style-type: none"> ○ очень испугался

14	<ul style="list-style-type: none"> ■ mať malú dušu; ■ bola v ňom malá dušička; ■ mať malú/tenkú dušičku 	<ul style="list-style-type: none"> ■ má malú dušu (dušičku) 	<ul style="list-style-type: none"> ■ mať malú (tenkú) dušičku 	<ul style="list-style-type: none"> ○ сильно бояться, быть напуганным
15	<ul style="list-style-type: none"> ■ [robiť niečo] s malou dušičkou 			<ul style="list-style-type: none"> ○ со страхом, опаской
16			<ul style="list-style-type: none"> ■ dušu (zuby) nechať <i>niekde (pri niečom)</i> 	<ul style="list-style-type: none"> ○ оставаться душой (мыслями) с кем-л.
17	<ul style="list-style-type: none"> ■ triasť sa o svoju [hriešnu] dušu 			<ul style="list-style-type: none"> ○ очень бояться
18	<ul style="list-style-type: none"> ■ čo/koľko duša ráči 		<ul style="list-style-type: none"> ■ koľko duša (hrdlo) ráči 	<ul style="list-style-type: none"> ○ досыта, сколько угодно
19	<ul style="list-style-type: none"> ■ má [všetko], čo si [len]/čo mu duša zažiada 		<ul style="list-style-type: none"> ■ má všetko, čo si len duša (čo mu duša, srdce) zažiada 	<ul style="list-style-type: none"> ○ живёт в изобилии, роскоши
20			<ul style="list-style-type: none"> mŕtve duše 	<ul style="list-style-type: none"> ○ имена на бумаге, реально не существующие люди
21	<ul style="list-style-type: none"> ■ predať/zapredať svoju dušu; ■ predať/upísať svoju dušu čertovi/diablovi/satanovi 	<ul style="list-style-type: none"> ■ zapísal dušu čertovi; ■ oddal sa čertovi aj s dušou 		<ul style="list-style-type: none"> ○ нечестно поступать ради получения выгоды, совершать плохие поступки
22	<ul style="list-style-type: none"> ■ [aj] dušu by dal zo seba 	<ul style="list-style-type: none"> ■ dušu by dal zo seba 		<ul style="list-style-type: none"> ○ очень добрый, отзывчивый человек
23	<ul style="list-style-type: none"> ■ aj dušu by mu dal; ■ dal by mu i [tú] dušu 	<ul style="list-style-type: none"> ■ dal by mu aj [tú] dušu 		<ul style="list-style-type: none"> ○ очень доброжелательный; ○ ради любви готовый на жертвы
24	<ul style="list-style-type: none"> ■ [aj] dušu by dal za niekoho, za niečo 	<ul style="list-style-type: none"> ■ dušu by dal zaňho 		<ul style="list-style-type: none"> ○ преданный, готовый пожертвовать всем
25		<ul style="list-style-type: none"> ■ hanbí sa do krvi (do duše) 		<ul style="list-style-type: none"> ○ стеснительный человек
26	<ul style="list-style-type: none"> ■ expr. trasie sa za grošom ako čert za hriešnou dušou 	<ul style="list-style-type: none"> ■ je lakomý na peniaze ako čert na dušu; ■ trasie sa za grošom ako čert za hriešnou dušou; ■ za peniaze i dušu si predá; ■ skôr vydrieš od čerta dušu ako niečo od lakomca 		<ul style="list-style-type: none"> ○ алчный, скупой человек

27		■ mal ma z duše vyhnať (z rozumu vyniesť)		○ выражение отказа делать что-л., равнодушия к результатам чего-л.
28		■ pozriem (podívam) sa mu na zuby (do duše, do žalúdka, do ľadvia)		○ посмотрим, в чём истинная причина (проверка правдивости чьих-л. слов)
29	■ na moj/moju [hriešnu] dušu!; ■ sľúbiť na dušu	■ na moju dušu (namojdušu)		○ (уверение) клянуть; ○ точно; ○ клясться собственной душой
30		■ čože si počneš, biedna (hriešna) duša (stvora)		○ сетование
31		■ aj dušu by vzal človeku, keby mu nedal pálenky		○ (алкоголик) жаждет выпить
32	■ utopiť dušu v pálenke	■ dušičku polieva		○ спиться; ○ пить (алкоголь)
33	■ hovoriť/povedať/prehovoriť niekomu do duše	■ povedal mu do duše		○ укорять, увещевать, ругать кого-л.
34	■ dostať do duše			○ получить выговор, порицание
35	■ byť jedno telo a jedna duša	■ sú ako jedna duša; ■ muž a žena – jedna duša		○ жить в согласии, любви и взаимопонимании
36		■ číha na to ako čert na [krivú] dušu		○ зарится на что-л., ждёт удобного момента, чтобы схватить
37	■ striechnuť <i>niekomu</i> na dušu			○ с нетерпением ждать чьей-л. смерти
38	■ čítať <i>niekomu</i> z duše; ■ vidieť/nazrieť/nahliadnuť <i>niekomu</i> do duše/[až] na dno duše	■ vidí mu [až] do duše		○ угадывать чьи-л. помыслы, видеть насквозь
39	■ chodiť ako bez duše; ■ byť ako [telo] bez duše	■ chodí ako duša po smrti, ako telo bez duše		○ апатично, не проявляя интереса к окружающему; ○ ослабший духом, исстрадавшийся

40	<ul style="list-style-type: none"> ■ chmára/chmúra mu sadla/zaľahla na dušu 	<ul style="list-style-type: none"> ■ chmára (chmúra) mu sadla na čelo (na dušu) 		<ul style="list-style-type: none"> ○ озабочен, опечален чем-л.
41	<ul style="list-style-type: none"> ■ chmáry/chmúry mu zmizli z duše 			<ul style="list-style-type: none"> ○ ему стало легче, он успокоился
42	<ul style="list-style-type: none"> ■ ja tvoju dušu!; dušu ti naháňam! 			<ul style="list-style-type: none"> ○ ругательство, выражающее возмущение
43	<ul style="list-style-type: none"> ■ expr. zdravie mu dušu naháňa 	<ul style="list-style-type: none"> ■ zdravie mu dušu naháňa 		<ul style="list-style-type: none"> ○ (1) шутил. дышет здоровьем; ○ (2) ирон. притворяется больным
44	<ul style="list-style-type: none"> ■ odovzdať/oddať/poručiť [svoju] dušu pánu/pánovi/bohu/stvoriteľovi; ■ vypustiť dušu; ■ vypustiť dušičku 	<ul style="list-style-type: none"> ■ odovzdal [svoju] dušu bohu; ■ vypustil (vydýchol) dušu (dušičku) 		<ul style="list-style-type: none"> ○ умереть
45	<ul style="list-style-type: none"> ■ byť celou dušou oddaný <i>niekomu, niečomu</i>; ■ zastar. z celej duše (vám oddaný) 			<ul style="list-style-type: none"> ○ полностью, всем своим существом
46	<ul style="list-style-type: none"> ■ [robiť <i>niečo</i>] z [celej] duše; ■ z hĺbky duše; ■ celou dušou; ■ z [celej/tej] duše; ■ z hĺbky duše [kajať sa, ľúbiť, ľutovať, ďakovať, želať si] 			<ul style="list-style-type: none"> ○ искренне, горячо, с энтузиазмом
46	<ul style="list-style-type: none"> ■ z [celej/tej] duše; ■ z hĺbky duše [nenávidieť, závidieť, pohrdáť] 			<ul style="list-style-type: none"> ○ крайне сильно
48	<ul style="list-style-type: none"> ■ z [celej/tej] duše; ■ z hĺbky duše [bridí sa, protiví sa] 			<ul style="list-style-type: none"> ○ очень, полностью
49	<ul style="list-style-type: none"> ■ [ani] za živú dušu 			<ul style="list-style-type: none"> ○ ни в коем случае; ○ однозначно нет
50	<ul style="list-style-type: none"> ■ čo aj dušu vyplúje; ■ aj keby mal dušu vyplúť 			<ul style="list-style-type: none"> ○ сделать что-л. любой ценой

51	<ul style="list-style-type: none"> ■ môže [aj] dušu vypluť 			<ul style="list-style-type: none"> ○ (1) очень стараться, прикладывать значительные усилия; ○ (2) напрасно старается, все усилия насмарку
52	<ul style="list-style-type: none"> ■ dať/vkladať/vložiť/vliať do <i>niečoho</i> [celú] svoju dušu 			<ul style="list-style-type: none"> ○ делать что-л. с огромным энтузиазмом, воодушевлением
53	<ul style="list-style-type: none"> ■ [uraziť, pobúriť <i>niekoho</i>; ■ byť urazený, pobúrený] do hĺbky duše 			<ul style="list-style-type: none"> ○ очень, крайне
54	<ul style="list-style-type: none"> ■ hovorí mi z duše 			<ul style="list-style-type: none"> ○ говорит то же, что думаю и я, с чем и я согласен
55	<ul style="list-style-type: none"> ■ hrabať/prehrabávať sa vo svojej duši 			<ul style="list-style-type: none"> ○ вызывать воспоминания
56	<ul style="list-style-type: none"> ■ hrom/parom/sto striel ti do duše; ■ hrom ti dušu páral! 			<ul style="list-style-type: none"> ○ ругательства, проклятия, выражающие злость, гнев по отношению к кому-л.
57	<ul style="list-style-type: none"> ■ chýba tomu duša 			<ul style="list-style-type: none"> ○ о чём-л., что было сделано без воодушевления
58	<ul style="list-style-type: none"> ■ klásť niekomu <i>niečo</i> na dušu 			<ul style="list-style-type: none"> ○ строго приказывать, обязывать
59	<ul style="list-style-type: none"> ■ mať dušu zapálenú za <i>niečo</i> 			<ul style="list-style-type: none"> ○ быть воодушевленным, полным энтузиазма
60	<ul style="list-style-type: none"> ■ mať <i>niečo</i> na duši; ■ čo máš/čo ti leží na duši? 			<ul style="list-style-type: none"> ○ (упорно) думать о чём-л., мучиться чем-л.; ○ что тебя беспокоит/тревожит?
61	<ul style="list-style-type: none"> ■ má toho veľa na duši 			<ul style="list-style-type: none"> ○ нуждаться в доверительном разговоре
62	<ul style="list-style-type: none"> ■ mať ranu v duši/na duši 			<ul style="list-style-type: none"> ○ переживать душевную боль, страдания, скорбеть
63	<ul style="list-style-type: none"> ■ mať širokú dušu 			<ul style="list-style-type: none"> ○ быть добросердечным, благожелательным

64	<ul style="list-style-type: none"> ■ raniť dušu niekomu 			<ul style="list-style-type: none"> ○ причинять (душевную) боль, страдания; ○ обижать кого-л.
65	<ul style="list-style-type: none"> ■ <i>niečo</i> ho tlačí na duši 			<ul style="list-style-type: none"> ○ (1) беспокоиться, страдать; ○ (2) хотеть что-то высказать, выговориться
66	<ul style="list-style-type: none"> ■ <i>niečo sa niekomu vrylo do duše</i> 			<ul style="list-style-type: none"> ○ ярко запомнить что-л.
67	<ul style="list-style-type: none"> ■ odľahlo mu na duši; ■ odvaliť niekomu kameň z duše; ■ uľahčiť duši; ■ uľavilo sa mu na duši 			<ul style="list-style-type: none"> ○ испытать душевное облегчение, снять психическое напряжение
68	<ul style="list-style-type: none"> ■ uľahčiť si na duši 			<ul style="list-style-type: none"> ○ выговориться, пожаловаться
69	<ul style="list-style-type: none"> ■ otvoriť [si] dušu [dokorán] 			<ul style="list-style-type: none"> ○ (1) довериться кому-л.; ○ (2) искренне выговориться, рассказать что-л.
70	<ul style="list-style-type: none"> ■ vylievať/vyliť [si] dušu <i>niekomu/pred niekým</i> 			<ul style="list-style-type: none"> ○ довериться кому-л., выговориться перед кем-л., пожаловаться кому-л.
71	<ul style="list-style-type: none"> ■ pohľadiť/pohľadkať <i>niekoho</i> po duši 			<ul style="list-style-type: none"> ○ угодить кому-л.; ○ сказать что-л. приятное
72	<ul style="list-style-type: none"> ■ skrývať/chovať <i>niečo</i> na dne duše 			<ul style="list-style-type: none"> ○ таить, скрывать
73	<ul style="list-style-type: none"> ■ telom aj/)i dušou; ■ dušou aj/ i telom; ■ telom-dušou 			<ul style="list-style-type: none"> ○ (1) полностью, безусловно; ○ (2) с воодушевлением, энтузиазмом
74	<ul style="list-style-type: none"> ■ to vychádza [priamo] z duše 			<ul style="list-style-type: none"> ○ очень искренне
75	<ul style="list-style-type: none"> ■ v kútiku/v hĺbke duše [dúfať, veriť, myslieť na niečo] 			<ul style="list-style-type: none"> ○ тайно, скрыто
76	<ul style="list-style-type: none"> ■ vliať/vlievať <i>niekomu</i> do duše nádej 			<ul style="list-style-type: none"> ○ давать кому-л. надежду

77	▣ <i>vštepiti' si niečo do duše</i>		○ запомнить
78	▣ <i>zasiať niekomu do duše zrnko pochybnosti/nedôvery</i>		○ вынудить кого-л. сомневаться, не доверять кому-л.

Таб. 2. ФЕ с компонентом *душа* в словаре М. И. Михельсона (жирным шрифтом выделены совпадения с ФСРЯ)

Михельсон с. 209 – 211		
	ФЕ	Значение ФЕ
1	▣ душа в душу (душою в душу)	○ дружно, согласно, любовно
2	▣ душа в пятки ушла (от страха)	○ сильный испуг
3	▣ душа дела иноск.	○ главный деятель, двигатель
4	▣ душа коротка	○ о человеке бесстрастном, со слабой, несильной душой
5	▣ душа меру знает	○ ешь и пей сколько хочется
6	▣ душа [грудь, человек] нараспашку	○ откровенный, прямой
7	▣ душа не на месте иноск.	○ беспокоиться
8	▣ душа общества иноск.	○ главный собеседник по умению занять общество и оживлять его
9	▣ душа пузыри пускает иноск. народн.	○ икается
10	▣ душа с богом беседует иноск. народн. шутл.	○ об отрывке
11	▣ душа-человек иноск.	○ добродушный, прямой, сердечный
12	▣ души не чаять в ком	○ до самозабвения, до увлечения любить
13	▣ душой и телом	○ всем существом, совсем (предаться чему)
14	▣ душу выверотить [положить] <i>за/для кого</i>	○ жизнью пожертвовать
15	▣ душу выложить	○ говорить всю правду
16	▣ душу [последние животы] выматывать из кого	○ отымать последние силы, огорчая (мучая) изнурять; ○ душу вымотать измучить, изнурить
17	▣ душу отвести	○ успокоиться
18	▣ душу соблюсти	○ спастись от греховной жизни

Таб. 3. ФЕ с компонентом *душа* в русском, белорусском и чешском языках по данным фразеологическим словарям (в скобках со звёздочкой даны ФЕ, фиксируемые лишь в отдельных фразеологических словарях)

	Рус. (ФСРЯ)	Бел. (Лепешаў)	Чеш. (SČFI)	Значение ФЕ
1	■ ад кромешный на душе [на сердце] у кого			○ кому-л. мучительно тяжело
2	■ без мыла в душу лезть			○ лестью, хитростью и т. п. добиваться расположения, доверия со стороны кого-л.
3	■ берeditь душу [(душевную) рану] кого, чью, в ком	■ вярэдзіць душу каму, чыю		○ вызывать тягостные воспоминания; ○ волновать, тревожить, беспокоить
4	■ болеть душой [сердцем]	■ балець душой за каго/што, па кім/чым		○ (1) испытывать тревогу, беспокоиться, страдать; ○ (2) беспокоиться, страдать, переживать и т. п. за кого-л., испытывать тревогу за что-л.
5	■ брать [принимать] грех на душу	■ браць (прымаць) грэх на (сваю) душу		○ (1) нести моральную ответственность за предосудительные поступки, действия, совершаемые по принуждению или по своей воле; ○ (2) совершать какой-л. предосудительный поступок, грешить
6	■ брать [хватать] за душу [за сердце]	■ браць за душу		○ сильно, глубоко волновать, трогать, тревожить; ○ вызывать щемящую тоску, боль или радость, умиление и т. п.
7	■ в глубине души [сердца]	■ у глыбіні душы; ■ на дне душы; ■ на сподзе душы		○ внутренне, тайно; ○ подсознательно
8	■ в душе	■ у душы		○ (1) внутренне, мысленно; ○ (2) тайно

9	<ul style="list-style-type: none"> ■ в чём [только] душа держится 	<ul style="list-style-type: none"> ■ у чым [только] душа (дух) трымаецца у каго, чыя 		<ul style="list-style-type: none"> ○ хилый, слабый, едва живой
10	<ul style="list-style-type: none"> ■ вдохнуть душу во что 	<ul style="list-style-type: none"> ■ удыхнуць душу ў што 		<ul style="list-style-type: none"> ○ оживить, возродить что-л.
11	<ul style="list-style-type: none"> ■ вкладывать в душу чью, кому 			<ul style="list-style-type: none"> ○ внушать, вызывать какие-л. чувства, мысли и т. п.
12	<ul style="list-style-type: none"> ■ вкладывать душу во что; ■ класть/положить душу на что, во что 	<ul style="list-style-type: none"> ■ класці душу ў што; ■ укладваць душу ў што 	<ul style="list-style-type: none"> ■ vložit do něčeho celou duši/celé srdce; ■ dělat něco celou duši/celým srdcem 	<ul style="list-style-type: none"> ○ целиком, полностью отдаваться чему-л., делать что-л. с любовью, увлечением, старанием
13	<ul style="list-style-type: none"> ■ влезать [залезать, лезть] в душу чью, кого, к кому 	<ul style="list-style-type: none"> ■ лезці ў душу чыю, каго, каму 		<ul style="list-style-type: none"> ○ (1) узнавать внутренний мир другого человека: его чувства, мысли, намерения и т. п.; ○ (2) выведывать, узнавать что-л. о личной, интимной жизни кого-л.; ○ вмешиваться в сугубо личную жизнь кого-л.
14	<ul style="list-style-type: none"> ■ воспарять духом [душою, мыслью] устар. 			<ul style="list-style-type: none"> ○ воодушевляться, вдохновляться
15	<ul style="list-style-type: none"> ■ всей душой 	<ul style="list-style-type: none"> ■ усёй душой 	<ul style="list-style-type: none"> ■ (nenávidět něco/někoho) z duše 	<ul style="list-style-type: none"> ○ (1) безгранично, беспредельно, искренне, горячо (верить, любить и т. п.); ○ (2) очень сильно, страстно (ненавидеть, презирать и т. п.)
16	<ul style="list-style-type: none"> ■ всеми фибрами [силами] души 	<ul style="list-style-type: none"> ■ усімі сіламі душы; ■ усімі фібрамі душы 		<ul style="list-style-type: none"> ○ очень сильно, страстно (ненавидеть, презирать и т. п.)

17	<ul style="list-style-type: none"> ■ входит/войти в душу [в сердце] 	<ul style="list-style-type: none"> ■ уваходзіць у душу <i>каго, чыю</i> 	<ul style="list-style-type: none"> ■ <i>vřít se někomu do duše</i> 	<ul style="list-style-type: none"> ○ глубоко затрагивать, волновать; ○ становится предметом постоянных раздумий, размышлений и т. п.
18	<ul style="list-style-type: none"> ■ выворачивать душу (наизнанку) <i>перед кем;</i> ■ распахивать душу; ■ раскрывать душу <i>кому, перед кем;</i> ■ открывать душу <i>кому, перед кем;</i> ■ выкладывать душу <i>кому</i> 	<ul style="list-style-type: none"> ■ выварочваць (сваю) душу <i>каму, перад кім;</i> ■ выкладаць (сваю) душу <i>каму, перад кім</i> 		<ul style="list-style-type: none"> ○ чистосердечно, откровенно рассказывать о себе всё, о своих заветных мыслях, переживаниях, чувствах
19	<ul style="list-style-type: none"> ■ выворачивать душу <i>кого, чью</i> 	<ul style="list-style-type: none"> ■ выварочваць душу <i>чыю, каму</i> 		<ul style="list-style-type: none"> ○ сильно тревожить, волновать, мучить
20	<ul style="list-style-type: none"> ■ вырвать из сердца [из души] <i>кого</i> 	<ul style="list-style-type: none"> ■ выкідаць з душы <i>каго, што</i> 		<ul style="list-style-type: none"> ○ заставить себя совсем забыть кого-л. или что-л.
21	<ul style="list-style-type: none"> ■ вытрясти душу 	<ul style="list-style-type: none"> ■ вытрасці душу з <i>каго, каму</i> 	<ul style="list-style-type: none"> ■ <i>vytřást z někoho duši</i> 	<ul style="list-style-type: none"> ○ измучить угрозами, домогательствами и т. п.
22	<ul style="list-style-type: none"> ■ вытягивать [выматывать] (всю) душу 	<ul style="list-style-type: none"> ■ выматаць/вымотваць душу 		<ul style="list-style-type: none"> ○ изводить, терзать кого-л.; ○ надоедать, досаждать чем-л. неприятным, нудным и т. п.
23	<ul style="list-style-type: none"> ■ вышибать душу [дух] <i>из кого</i> 		<ul style="list-style-type: none"> ■ <i>vyrazit duši z někoho</i> 	<ul style="list-style-type: none"> ○ убивать ударом
24	<ul style="list-style-type: none"> ■ голова [душа, сердце] горит 	<ul style="list-style-type: none"> ■ душа (сэрца) гарыць <i>чыя, у каго</i> 		<ul style="list-style-type: none"> ○ кто-л. сильно взволнован, возбужден, взвинчен
25	<ul style="list-style-type: none"> ■ до глубины души [сердца] 	<ul style="list-style-type: none"> ■ да глыбіні душы 	<ul style="list-style-type: none"> ■ <i>(stydět se) do/z duše</i> 	<ul style="list-style-type: none"> ○ очень сильно (волновать, потрясать, поражать и т. п.)

26	<p>■ дух [душа] вон из кого, у кого</p>	<p>■ душа вон з каго</p>	<p>■ vydechnout/vypustit duši</p>	<p>○ (1) умер; ○ скоропостижно, мгновенно умер; ○ (2) выражение крайней необходимости, непреклонности, настойчивого требования сделать что-л.</p>
27	<p>■ душа [сердце] болит</p>	<p>■ душа (сэрца) баліць чыя, у каго, каму; ■ душа (сэрца) ные (ныла) чыя, каму, у каго</p>		<p>○ (1) кого, чья, у кого кто-л. испытывает тревогу, беспокойство, душевные страдания; ○ (2) за кого, что кто-л. беспокоится, страдает, переживает и т.п. за кого-л., испытывает тревогу за что-л.</p>
28	<p>■ душа [сердце] не лежит к кому-л., чему-л.</p>	<p>■ душа (сэрца) не ляжыць чыя, у каго</p>		<p>○ нет интереса, склонности, желания, симпатии, доверия к кому-л. или к чему-л.</p>
29	<p>■ душа [сердце] не на месте у кого</p>	<p>■ душа (сэрца) не на месцы</p>		<p>○ кто-л. встревожен, чувствует себя очень беспокойно</p>
30	<p>■ душа не принимает</p>	<p>■ душа не прымае чыя каго</p>		<p>○ совсем нет желания, не хочется или противно есть, пить что-л.</p>
31	<p>■ душа [сердце] перевёртывается у кого, в ком</p>	<p>■ душа (сэрца) крывёй абліваецца (аблілася) чыя, у каго</p>		<p>○ кто-л. испытывает острое чувство жалости, сострадания и т. п. к кому-л.</p>
32	<p>■ душа [сердце] разрывается [рвётся] (на части)</p>	<p>■ душа (сэрца) разрываецца (рвецца) [на часткі (на кускі, на кавалкі)] чыя, у каго</p>		<p>○ кто-л. испытывает глубокую скорбь, печаль, тяжело переживает что-л.</p>
33	<p>■ душа в душу</p>	<p>■ душа ў душу</p>	<p>■ být jedna duše (jedno tělo); ■ jsou jedna duše (jedno tělo)</p>	<p>○ в полном согласии, дружно (жить, прожить и т. п.)</p>

34	■ душа нараспашку	■ душа наросхрыст (нараспашку) у каго		○ чистосердечный, прямодушный, откровенный (о человеке)
35	■ душа уходит (ушла) в пятки	■ душа ў пятках у каго, чыя; ■ душа ў пяткі [схавалася, ускочыла] у каго	■ (srdce spadlo do gatí)	○ кто-л. испытывает сильный страх
36	■ душой и телом	душой і целам	duší (i) tělem; ■ tělem (i) duší; ■ být duší i tělem někým	○ целиком, всем существом, вполне, совершенно, во всех отношениях
37	■ еле-еле душа в теле	■ ледзь (ледзьве) душа ў целе ў каго	■ má duší na jazyku; ■ mít (už) duší/dušičku na jazyku	○ едва, чуть жив
38	■ за душой у кого	■ за душой; ■ пры душы		○ в наличии (иметься)
39	■ за милую душу	■ з дарагой (мілай) душой; ■ за мілую душу		○ (1) с большим удовольствием, желанием, весьма охотно; ○ (2) не задумываясь, без долгих размышлений; ○ (3) вне всякого сомнения, наверняка
40	■ заглядывать в душу [в сердце] кого, чью, кому	■ заглядваць у душу чью, каму, каго		○ пытаться разобраться в чьих-л. сокровенных мыслях, чувствах
41	■ загубить (свою) душу		■ upsat duší čertu/ďáblu	○ отягчить совесть, сознание преступлением, тяжкими проступками; ○ совершить непоправимый грех
42	■ закрадываться в душу [в сердце] кого, чью, к кому	■ закрадацца ў душу чью, каго		○ незаметно, исподволь, произвольно появляться, возникать (о чувствах, мыслях)
43	■ закрывать [запирать] душу на замок	■ загавець душой		○ становится замкнутым, скрытым

44	■ заячья душа	■ заячая (заечая) душа		○ (1) трусливый, робкий человек; ○ (2) у кого кто-л. труслив, робок
45	■ изливать душу кому, перед кем	■ выліваць душу каму	■ vylévat si duši někomu; ■ vylévat (si) někomu srdce	○ откровенно рассказывать кому-л. о том, что волнует, что наболело
46	■ как [сколько, что] бог на душу положит	■ як бог на душу пакладзе		○ [как, сколько, что] вздумается, захочется
47	■ как душе угодно			○ как только хочется, как нравится
48	■ камень на душе [на сердце] у кого	■ каменем ляжыць на души чыёй		○ кто-л. испытывает тяжёлое, гнетущее чувство
49	■ камень с души [с сердца] свалился у кого-л.	■ як камень з души зваліўся ў каго		○ кто-л. испытывает чувство душевного облегчения, избавления от чего-л. гнетущего, тягостного, неприятного
50	■ кошки скребут (заскребли) на душе [на сердце] у кого; ■ скребёт на душе [на сердце]	■ кошкі душу скрабуць у каго, каму; ■ кошкі на души скрабуць у каго, чыёй	■ do duše mu padla tíseň	○ кому-л. грустно, тоскливо, беспокойно, тревожно
51	■ кривить душой	■ крывіць душой		○ быть неискренним, лицемерить, намеренно говорить неправду; ○ поступать против совести
52	■ на душе у кого	■ на души		○ кто-л. испытывает то или иное душевное состояние
53	■ на пропой души			○ на выпивку
54	■ надрывать/надорвать душу [сердце]	■ раздзіраць/разрываць/рваць душу каму, чыю		○ вызывать душевные страдания, муки
55	■ не по душе [сердцу] кому кто, что			○ не нравится
56	■ не чаять души в ком-л. /устар. не слышать души в ком-л.	■ не чуць души ў кім		○ очень сильно, безгранично любить кого-л.

57	■ ни (одной) души	■ ні (адной, жывой) души няма, не было	■ (ani) živá/živé duše; ■ není tam živá/živé duše	○ никого, ни одного человека
58	■ ни душой ни телом			○ нисколько, совсем (не виноват, не причастен к чему-л. и т. п.)
59	■ от (всей) души/от всего сердца	■ ад (усёй, яе) души; ■ ад чыстай души (ад чыстага сэрца); ■ ад шчырай души (ад шчырага сэрца)	■ z celé duše; ■ (pro)mluvit někomu z duše/ze srdce	○ совершенно искренне; ○ с полной откровенностью, непосредственностью
60	■ от полноты души [сердца]	■ з усёй (дарагой) душой		○ от избытка чувств
61	■ отводить/отвести душу	■ адводзіць душу		○ находить для себя утешение, успокоение, разрядку в чём-л., обычно в каком-л. занятии, деле, разговоре и т.п.
62	■ отдавать/отдать богу душу устар.	■ аддаваць богу душу	■ odevzdat/poručit duši bohu	○ умирать
63	■ отдыхать душой [сердцем]			○ обретать душевный покой
64	■ открывать душу	■ адкрываць (сваю) душу каму, перад кім; ■ з адкрытай душой (сэрцам); ■ души паслухачуцы	■ otevřít někomu svou duši/(své) srdce	○ (1) доверять кому-л. свои сокровенные мысли, чувства и т.п.; ○ (2) откровенно рассказать что-л., выговориться
65	■ отлегло на душе; ■ отлегло [отошло] от сердца	■ адлягло ад души ў каго; ■ адлягло на души ў каго		○ кто-л. испытывает чувство облегчения, успокоения
66	■ отпусти [пусти] душу на покаяние	■ адпусці душу на пакаянне		○ (1) пощади, смилуйся, не убивай и т.п.; ○ (2) не трогай, не приставай, оставь в покое
67	■ перевёртывать [переворачивать] (всю) душу кого, чью, кому	■ пераварочваць (ую) душу чью, каму, каго		○ очень сильно, глубоко волновать, потрясать

68	■ плевать в душу кому	■ пляваць у душу каму		○ оскорблять самое дорогое для кого-л., самое сокровенное в ком-л.
69	■ по душам	■ па душах (па) гаварыць	■ (pro)mluvit někomu z duše/ze srdce	○ (1) искренно, чистосердечно, откровенно (поговорить, побеседовать и т.п.); ○ (2) искренний, чистосердечный, откровенный (разговор, беседа и т.п.)
70	■ по душу чью			○ за кем-л. или к кому-л. (приходить, являться и т.п.)
71	■ с души воротит [рвёт, тянет]	■ з души верне		○ (1) тошнит; ○ (2) противно, сил нет терпеть, выносить и т.п.
72	■ с душой/с огоньком	■ з душой (рабіць, працаваць і пад.)		○ с увлечением, подъёмом (делать что-л.)
73	■ с открытой душой [сердцем]	■ з лёгкай душой; ■ з лёгкім сэрцам; ■ са спакойнай душой; ■ са спакойным сэрцам; ■ з чыстай душой		○ без предубеждений, искренне, доверчиво, откровенно (относиться к кому-л., делать что-л. и т.п.)
74	■ сколько душе угодно	■ колькі душа жадае (пажадае, прымае, прыме)		○ вволю, вдоволь, без каких-л. ограничений
75	■ стоять [торчать, сидеть] над душой чьей, у кого	■ вісець над душой; ■ стаяць над душой у каго		○ надоедать своим присутствием, докучать своей назойливостью
76	■ тянуть душу из кого	■ цягнуць душу з каго		○ мучить, терзать, изводить кого-л.
77	■ тянуть за душу кого	■ цягнуць за душу каго		○ изводить чем-л. нудным, неприятным и т.п.
78	■ хватить греха на душу			○ совершить какой-л. предосудительный поступок, согрешить

79	■ чернильная [бумажная] душа пренебр.	■ папяровая душа; ■ чарнільная душа		○ бюрократ, чиновник, формалист
80	■ читать в душе [в сердце] у кого	■ чытаць у душы чыёй, у каго	■ vidět někomu až do duše/do žalúdku	○ угадывать чьи-л. мысли, желания, настроения и т.п.
81	■ что душе угодно	■ чаго душа жадае (пажадае)		○ всё, что хочется, что нравится
82	■ (по душе/сердцу кому-л.)*	■ да душы (да густу, да смаку) каму; ■ па душы каму		○ нравится
83		■ ад'яда/выяда душы (сэрца)		○ <i>собств. бел.</i> назойливый, надоедливый человек
84		■ ад'ядаць/выядаць душы каму		○ <i>собств. бел.</i> надоедать, докучать кому-л.
85		■ аддаваць душы каму, чаму	■ mít někoho z duše/ze srdce rád	○ очень сильно, безгранично любить кого-л., что-л.
86		■ без душы (без духу) бегчы, уцякаць і пад.		○ очень быстро, как только возможно
87		■ без душы (без духу)		○ (1) с большим страхом; ○ (2) мёртвый
88		■ біць і (ды) душы (духу) слухаць		○ (бить) очень сильно, не жалея
89	■ (принимать близко к сердцу)*	■ браць (блізка) да душы (<i>што</i>)		○ (1) болезненно, крайне чувствительно воспринимать что-л., сильно переживать; ○ (2) искренне, с большим интересом относиться к чему-л.
90		■ вымаць (даставаць) душы (духі) з каго, каму		○ (1) сильно издеваться над кем-л., мучить угрозами, приставаниями и т.п.; ○ (2) доводить до смерти, уничтожать кого-л.

91	■ (большой/широкой души/большого сердца)*	■ вялікай душы; ■ вялікага сэрца		○ человек высоких моральных качеств, великодушный, щедрый
92		■ гнаіць душу (сэрца, сэрцайка) каму, чыю; ■ душу (сэрца) гноячы		○ отравлять жизнь кому-л., проявлять неуважение, плохо обращаться с кем-л.
93		для душы		○ для удовлетворения внутренних, духовных потребностей (делать что-л.; быть, оставаться и т. п.)
94	■ (душа поёт/радуется)*	■ душа (сэрца) спявае (радуецца) у каго, чыя	■ dušička v něm radostí poskočila/se zatetelila	○ кого-л. охватывает радостное волнение
95		■ душа кіпіць у каго		○ кто-л. охвачен порывом чувств, сильно взволнован
96		■ душа мохам абрасла ў каго		○ кто-л. стал бездушным, неотзывчивым, равнодушным
97		■ душу заткнуць чым	■ zalévat dušičku	○ напиться чего
98		■ з глыбіні душы		○ чистосердечно, с лучшими намерениями
99		■ з душамі (клёцкі)		○ с начинкой
100	■ (с тяжёлым сердцем)*	■ з цяжкай душой; ■ з цяжкім (нялёгкім) сэрцам		○ с нежеланием, неохотно; с тревогой
101	■ (леденить душу)*	■ ледзяніць душу чыю, каго		○ вселять ужас, вызывать ощущение беспомощности
102	■ (мёртвые души)*	■ мёртвыя душы	■ mrtvé duše	○ несуществующие лица, лишь фиктивно числящиеся где-л.
103		■ муціць душу каму, каго	■ ležet někomu na duši	○ тревожить, вызывать душевные муки

104		■ наступаць на душу <i>каму</i>		○ воздействовать на самолюбие кого-л.
105		■ рваць сабе душу		○ терзаться, мучиться
106		■ скрэбці за душу <i>каго</i>		○ беспокоить, волновать, тревожить кого-л.
107	■ (травить/отравлять душу)*	■ трупіць душу <i>каму</i>	■ <i>ranit někoho do duše</i>	○ причинять (душевную) боль, страдания кому-л.
108		■ усе да души		○ (все) без исключения, полностью, абсолютно (все)
109	■ (как бальзам на душу)*	■ як маслам па души		○ крайне приятно, лестно для кого-л.
110			■ <i>aby měla dušička pokoj</i> ; ■ <i>ať má dušička pokoj</i>	○ сделать что-л. для чьего-л. успокоения, чтобы кто-л. был доволен
111	■ (быть душой чьего-л.)*		■ <i>být duší něčeho</i>	○ быть главным, незаменимым в чём-л.
112			■ <i>citlivá duše/dušička</i>	○ человек очень чувствительный, с нестабильной психикой
113			■ <i>dát za někoho duši</i> ; ■ <i>dušu by za ni dal</i>	○ любить до готовности пожертвовать всем
114			■ <i>mocť duši vypotit/vypustit</i> ; ■ <i>div duši nevyypustil</i>	○ (работать) с большим физическим напряжением, из последних сил
115			■ <i>pane bože, do čehos to duši dal!</i>	○ ирон. кто-л. абсолютно глуп; ○ невозможно спокойно смотреть, что он вытворяет (как работает, делает что-л. и. т. п.)
116	■ (добрая душа)*		■ <i>dobrá duše</i>	○ (1) душевно благородный, отзывчивый человек; ○ (2) ирон. инициатор (часто неизвестный) нежелательных действий

117			<ul style="list-style-type: none"> ■ duše mimóza (citlivá mimóza) 	<ul style="list-style-type: none"> ○ неженка, чрезмерно чувствительный человек
118			<ul style="list-style-type: none"> ■ hořít to jak za dušičky 	<ul style="list-style-type: none"> ○ (горит) недостаточно, слабо, неровно, мерцающе
119			<ul style="list-style-type: none"> ■ chodí jak bez duše; ■ být jak tělo bez duše 	<ul style="list-style-type: none"> ○ действовать механически, слабо реагировать на окружающее
120			<ul style="list-style-type: none"> ■ chodit jak bludná duše 	<ul style="list-style-type: none"> ○ быть замкнутым, рассеянным, безучастным
121			<ul style="list-style-type: none"> ■ krom té drahé duše 	<ul style="list-style-type: none"> ○ комментирует (как самостоятельная вставка) нелицеприятное высказывание о ком-л.
122			<ul style="list-style-type: none"> ■ kupecká/kramářská duše 	<ul style="list-style-type: none"> ○ корыстный, алчный, расчётливый человек
123			<ul style="list-style-type: none"> ■ lokajská/sluzebná duše; ■ ministrantská duše 	<ul style="list-style-type: none"> ○ подлиза, чрезмерно услужливый человек
124			<ul style="list-style-type: none"> ■ malá dušička 	<ul style="list-style-type: none"> ○ (иметь) сильный страх, очень бояться
125			<ul style="list-style-type: none"> ■ mít černou/hříšnou duši 	<ul style="list-style-type: none"> ○ быть плохим, иметь нечистую совесть
126			<ul style="list-style-type: none"> ■ (pro)mluvit někomu do duš/srdce/svědomy 	<ul style="list-style-type: none"> ○ увещевать, корить кого-л.
127			<ul style="list-style-type: none"> ■ na mou duši! 	<ul style="list-style-type: none"> ○ (уверение) клянись; ○ точно (ср. душой клянись! – Н. К.)
128	<ul style="list-style-type: none"> ■ (родственные души)* 		<ul style="list-style-type: none"> ■ spřízněná duše 	<ul style="list-style-type: none"> ○ человек, с которым есть взаимопонимание, близость взглядов и интересов
129			<ul style="list-style-type: none"> ■ svítí to jak za dušičky 	<ul style="list-style-type: none"> ○ светит очень или слишком слабо, мигает (плохо освещает)

130	■ (щедрая душа; ■ широкая натура)*		■ široká (ruská) duše	○ великодушный, щедрый, не мелочный характер (обычно приписываемый русским)
131	■ (душевно жаль!)*		■ to je mi z duše/ze srdce líto!	○ очень (жаль)
132	■ (ни одна (живая) душа)*		■ Živá duše o tom neví	○ (вообще) никто

EGOPREZENTÁCIA Z ASPEKTU MY¹

Jana Sokolová

Katedra rusistiky
Filozofickej fakulty Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre

SELF-PRESENTATION IN THE ASPECT OF 'WE'

Abstract: The study deals with the narrative self-presentation of the speaker in the explicit and implicit aspect of the use of the pronoun 'we' indicating (a) one's own self, (b) oneself and other person and (c) oneself and other people. Two intentionalities of the self-presentation are dealt with: 1. intentionality of substitution which distinguishes between 'we' representing the speaker and 'we' representing the addressee and 2. intentionality of conjunction which reflects either conjunction of locutors (speaker and addressee) or conjunction of a locutor (speaker) and a non-locutor, while the non-locutor can be other person or non-person. The pronoun 'we' is studied in paradigmatic and syntactic relations. The study also discusses the self-presentation in the aspect of habits and norms of academic discourse which are parts of the culture of communication.

Key words: self-presentation, locutor, non-locutor, substitution, conjunction

Témou štúdie je naratívna egoprezentácia **hovoriaceho** z aspektu explicitného a implicitného používania zámena **my** s intencionalitou označenia (a) samého seba, (b) seba a inej osoby a (c) seba a iných osôb. Zameriame sa tak na konvencionalizované zvyklosti a normy vyjadrovania egoprezentácie, ktoré sú súčasťou komunikačnej kultúry, ako aj na tie jazykové indikátory, pomocou ktorých prijímateľ vie – na základe svojej prirodzenej orientácie v jazyku – identifikovať obsah a rozsah plurálového označenia hovoriaceho.

Vychádzame z lingvistického uchopenia *my*, a to predovšetkým z faktu, že *my* je integrálnou súčasťou autonómneho slovného druhu – zámen. Zaraďuje sa do uzavretej lexikálnej skupiny personálií, porov. *ja, ty, on, ona, ono, my, vy, oni, ony*, ktoré sú považované za etalónové prostriedky kódovania deixy, keďže „v najvýraznejšej miere disponujú príznakom deiktickosti“ (Dudok, 2010, s. 389). Dodajme, že okrem deixy druhým funkčným typom realizácie osobných zámen je anafora, pričom v personáliách *ja, ty, my, vy*

1 Štúdia vznikla v rámci riešenia podaného grantového projektu VEGA 1/0067/19 *Jazykové reflexie sociálnej egoprezentácie a adresácie.*

prevláda deiktická stránka, zatiaľ čo zámená *on, ona, ono, oni, ony* sú viac anaforické².

Personáliá sa vyznačujú tým, že nemajú vlastný lexikálny význam, porov. výklad významu **my** v *Slovníku súčasného slovenského jazyka*: 1. (v dialógu aj monológ) hovoriaci ním odkazuje na seba a inú osobu alebo iné osoby (SSSJ, 3. zv., 2015, s. 426). Jadrom obsahu zámena je koncept osoby, ktorý sa stal základom pre jeho jazykové vyjadrenie, porov. *my* (v slovenčine, češtine), *мы* (v ruštine, ukrajinčine, bieloruštine), *we* (v angličtine) a pod.

Jazyková taxonómia osobných zámen v slovenčine integruje tri centrálné koncepty – osobu, číslo³ a rod. Z pohľadu **kategórie osoby** sa v personáliách reflektujú akoby tri aspekty: komunikačný, sémantický a referenčný.

Komunikačný aspekt vyjadruje diferenciáciu podľa komunikačných rolí účastníkov komunikácie, podľa nich sa vymedzuje: s komunikačnou funkciou hovoriaceho je 1. osoba, s komunikačnou funkciou adresáta je 2. osoba a 3. osoba, ktorá nemá štatút priameho účastníka komunikácie.

Základom sémantického aspektu je protiklad *ja* – *nie ja* (Horecký, 1983, s. 83), resp. osoba a nie-osoba. Týmto protikladom sa vymedzuje 1. osoba oproti 2. a 3. osobe, alebo 1. a 2. osoba oproti 3. osobe. Podľa kognitívnych identifikácií 1. osoba sa vzťahuje na *ja* a *my*, 2. osoba na *ty* a *vy*, 3. osobu v slovenčine vyjadrujú osobné zámená *on, ona, ono* a *oni, ony*, ktoré v singulari rozlišujú rod. *On* a *ona* odráža prirodzený rod a *ono* je osobné zámeno označujúce nie-osobu. Plurálové *oni* a *ony* čiastočne reflektujú kategóriu životnosti⁴. V odborne literatúre sa už dlhšie poukazuje na to, že v trojčlennej sústave osôb existuje terminologická disproporcija medzi 1. a 2. osobou na jednej strane a 3. osobou na strane druhej, keďže sa vymedzuje prostredníctvom negácie (porov. Jakobson, 1971; Lyons, 1977 a i.). Pre úplnosť treba dodať, že existujú aj klasifikácie, v ktorých 2. a 3. osoba sú v opozícii k 1. osobe, a to na základe príznaku hovoriaci vs. nie-hovoriaci (bližšie pozri Harley – Ritter, 2002).

Podľa referenčného aspektu 1. osoba referuje na hovoriaceho, 2. osoba referuje na adresáta a 3. osoba označuje všetky referenty okrem 1. a 2. osoby.

2 Používanie zámen *ja, my, on* v deixe a anafore brilantne rozohral S. Ondrejovič v článku *Viktor Krupa, ako som ho poznal* (2016). V texte **ja** označuje autora (Slavomíra Ondrejoviča), **my** je [(S. Ondrejovič a V. Krupa), resp. (jazykovedná komunita)] a **on** je (Viktor Krupa, Viktor, náš oslávenec, polyglot, encyklopedista, orientalista, jazykovedec, legenda, „dieťa šťasteny“).

3 V slovenčine ako indoeurópskom jazyku sa číslo najčastejšie vyjadruje spoločne s pádom. Tomuto vzťahu sa tu z priestorových dôvodov nevenujeme.

4 *Oni* sa používa iba v súvislosti so životnými substantívami mužského rodu. Pri ostatných podstatných menách sa používa tvar *ony*.

Zvláštnosťou referenčnej štruktúry plurálových deiktík *my*, *vy*, *oni* je to, že v rámci svojej referencie „garantujú“ vstup len pre jedného referenta, a to hovoriaceho v prípade *my*, adresáta v prípade *vy* a niekoho iného okrem hovoriaceho a adresáta v prípade *oni*. Zámeno *my* teda výhradne odkazuje na ja/hovoriaceho a iných referentov nekonkretizuje. Od príjemcu sa tak očakáva „skompletizovanie“ celej referencie na základe znalostí komunikačnej situácie, kontextu a syntaktického okolia výpovede. Tento typ M. A. Daniel (2000) nazýva reprezentatívnou referenciou.

Vo flektívnych jazykoch (slovenčine, ruštine a i.) kategória osoby má gramémy korelujúce s číslom (singulárom a plurálom). To znamená, že gramatická kategória osoby sa vyjadruje pomocou príslušných osobových gramém tvoriacich osobné tvary slovíes. V slovenčine sa tak slovesná kategória osoby (v indikatíve prézenta) tvorí synkreticky pomocou neobligátneho osobného zámena a výberu z paradigiem obligátnych sufixov, porov. (ja) *rob-í-m*, (ty) *rob-í-š*, (on/ona/ono) *rob-í-Ø*, (my) *rob-í-me*, (vy) *rob-í-te*, (oni) *rob-Ø-ia*, ktoré zabezpečujú jej identifikáciu aj v prípade explicitne nevyjadreného zámena.

K formovej stránke personálií sa žiada povedať, že na rozdiel od substantív, ktoré mnohosť, početnosť realizujú prostredníctvom lexikálneho kmeňa a gramatickej koncovky, porov. *knih-y*, *pedagóg-ovia*, *žen-y*, *ulic-e* a pod., t. j. prostredníctvom neutralizovaného homomorfizmu⁵, sémanticko-formálne kódovanie jednotného a množného čísla personálií sa zakladá na defektnom, t. j. supletívnom homomorfizme, porov. *ja* ↔ *my*, *ty* ↔ *vy*, resp. v 3. osobe, na neutralizovanom homomorfizme: *on-Ø*, *on-a*, *on-o* ↔ *on-i*. To znamená, že v prípade supletívneho homomorfizmu sa osobné zámena *my* a *vy* nedajú rozložiť na lexikálnu a gramatickú zložku.

Z pohľadu **kategórie čísla** sa v súčasnej slovenčine realizuje opozícia singuláru a plurálu. Singulár označuje osobu (*ja*, *ty*, *on*, *ona*) alebo nie-osobu (*ono*) v jednotlivosti, plurál (v jeho minimalizácii) označuje viac ako jednu osobu (*my*, *vy*, *oni*), jednu osobu a nie-osobu (*my*, *vy*, *oni*), viac ako jednu nie-osobu (*oni*, *ony*). To znamená, že kognitívna stránka kategórie čísla osobných zámen reflektuje princíp ‚množina z osôb N a iných osôb v počte *n*‘ (Plungian, 2000, s. 256).

V zámene *my* sa spojenie čísla a osoby vyjavuje ako opozícia v dvoch rovinách: (i) *my vrátane teba* vs. *my bez teba*, alebo (ii) *my dvaja* vs. *my mnohí*.

5 Princíp opozičného homomorfizmu sa inšpiratívne uplatňuje v kolektívnej publikácii *Morfologické aspekty súčasnej slovenčiny* (2010), na ktorej sa podieľali: J. Dolník, M. Dudok, J. Hansmanová, M. Ivanová, N. Janočková, J. Kesselová, M. Mošaťová, M. Ološtiak, J. Vaňko a P. Žigo.

Z uvedeného vyplýva, že kognitívnu súčasťou zámene *my* je kategória inkluzívnosti, ktorá ukazuje, že v prípade opozície (i) do kolektívnej 1. osoby vstupuje: (a) hovoriaci, adresát a iná osoba, resp. iné osoby, t. j. „*my* vrátane teba“; (b) hovoriaci a iná osoba, resp. iné osoby, t. j. „*my* bez teba“. Na tomto základe sa rozlišuje **inkluzívny plurál**, t. j. *my* ako „ja, ty a ešte niekto“⁶ a **exkluzívny plurál**, t. j. *my* ako „ja, iní ľudia, ale nie ty“⁷. V prípade opozície (ii) do kolektívnej 1. osoby vstupuje (a) hovoriaci a adresát, t. j. „*my* dvaja“; (b) hovoriaci, adresát a iná osoba, resp. iné osoby, t. j. „*my* mnohí“. J. Greenberg (1989 in Rooryck, 2006, s. 13) hovorí o (a) **limitovanom inkluzíve** a (b) **generalizovanom inkluzíve**.

Podľa „množinového“ princípu A. A. Kibrik (1997, s. 209) identifikoval (a) lokučné *my*, (b) asociačné *my* a (c) similačné *my*.

Lokučné *my* zahŕňa účastníkov rečového aktu – hovoriaceho a adresáta, ktorí sa v ruskej lingvistickej tradícii (Kibrik, 1997; Plungian, 2000, s. 253; Daniel, 2000) označujú spoločným pomenovaním **lokútor** (локатор). Termín **nelokútor** M. A. Daniel vymedzil v protiklade hovoriaci a adresát proti niekomu/niečomu inému, porov. „для обозначения лица, не являющегося ни говорящим, ни адресатом, я буду использовать термин нелокатор“ (Daniel, 2000, s. 120). Účasť nelokútoru nevyučuje prítomnosť (a) hovoriaceho a iného/iných; (b) adresáta a iného/iných. O lokútorskom a nelokútorskom *my* píšeme v časti o egoprezentácii s intencionalitou konjunkcie.

Asociačné *my* vyplýva z asociačnej mnohosti, početnosti a implikuje všetkých ľudí, včítane hovoriaceho. Je. E. Padučeva (2010) tento typ zaraďuje medzi **univerzálne nereferenčné** použitie *my*. Napr. v doklade (1) sa realizuje frazeologizovaná opozícia *mladí – starí*, v ktorej *my* asociuje seniorov, včítane hovoriaceho:

(1) Mladí zutekali a *my*, starí, už dajako dožijeme.

Asociačné *my* sa vzťahuje na rečnícku otázku (doklady 2 – 3) a deprekačné výzvy (4):

(2) Nie sme v tom vari všetci zajedno?

(3) Sme vari horší ako oni?

(4) Naučme sa učiť – učíme sa pre život.

6 Porov. **limitovaný inkluzív** J. Greenberg (1989, in Rooryck, 2006, s. 13) zapisuje ako {1. sg + 2. sg [+ 2. pl]} a **generalizovaný inkluzív** ako {1. sg + 2. sg [+ 2. pl] + 3. sg [+ 3. pl]}.

7 Na analogickom princípe sa vymedzuje duál, porov.: **inkluzívny duál** vyjadruje „ja a ty“ (*my* označuje dve osoby, porov. v ruštine *мы с тобой*); **exkluzívny duál** vyjadruje „ja a on/ona“ (*my* označuje dve osoby, ale bez teba).

S nereferenčným *my* sa stretávame v inštruktážnych textoch so všeobecným adresátom:

- (5) Panvicu dostatočne vymastíme olejom, nalejeme cesto a pečieme pri strednej teplote z oboch strán (asi 2 minúty na každej strane) do bledohneda a uložíme na teplé miesto.

Referenčné *my* sa uplatňuje len v špecifických kontextoch, napr. s formulou *my, dolupodpísaní*, v ktorej *my* reálne odkazuje na niekoľko subjektov:

- (6) *My, dolupodpísaní občania Bardejova, nesúhlasíme s predajom mestských lesov.*
- (7) „*My, dolupodpísaní obyvatelia mesta Galanta, prostredníctvom tejto petície žiadame poslancov mestského zastupiteľstva mesta Galanta, aby prehodnotili svoje rozhodnutie [...].*

Similačné *my* implikuje inkluzívne *my všetci* na pozadí aktualizovaných hypero-hyponymických vzťahov. Napr. preambula Ústavy Slovenskej republiky začína slovami:

- (8) *My, národ slovenský, [...],teda my, občania Slovenskej republiky, uznášame sa [...] na tejto ústave:*

Hyperonymum *občania Slovenskej republiky* označuje všetky osoby, ktoré majú slovenskú štátnu príslušnosť a v spojení *my, národ slovenský; my, občania Slovenskej republiky* sa vzťahuje na kolektívneho autora aktu uznášania sa (v tomto prípade na texte ústavy). Je. E. Padučeva (2010) tento typ zaraďuje medzi **existenciálne nereferenčné** použitie *my*.

Z pohľadu kategórie **rodu** sa v personáliách rod buď nerozlišuje alebo rozlišuje. Osobné zámená 1. a 2. osoby singuláru aj plurálu *ja, ty, my* a *vy* a tiež 3. osoba plurálu *oni, ony* význam rodu nerealizujú. Podľa rodu sa identifikujú len personáliá 3. osoby singuláru – *on* (maskulínium), *ona* (feminínium), *ono* (neutrum).

Na záver tejto časti môžeme konštatovať, že v slovenčine klasifikačnými príznakmi personálií sú: osoba – (± lokútor), číslo – (± plurál), rod – (± gender), a to vo vzťahu: osoba > číslo > rod.

Pozrime sa teraz na používanie deiktika *my* vo vzťahu k egoprezentácii. Analýza dokladov zo *Slovenského národného korpusu* (verzia prim-8.0-public-sane) ukázala, že egoprezentácia má v tomto prípade dve intencionality – 1. intencionalitu **substitúcie**, ktorá rozlišuje 1.1 *my* zastupujúce hovoriaceho a 1.2 *my* zastupujúce adresáta; 2. intencionalitu **konjunkcie**, ktorá reflektuje 2.1 konjunkciu lokútorov (hovoriaceho a adresáta) a 2.2 konjunkciu

lokútora (hovoriaceho) a nelokútora, pričom sa rozlišuje 2.2.1 hovoriaci a iná osoba a 2.2.2 hovoriaci a nie-osoba.

1. Egoprezentácia s intencionalitou substitúcie

Egoprezentácia s intencionalitou substitúcie je aj naratívna aj dialógová forma egoprezentácie, v ktorej **my** akoby nahradzuje raz *ja* a druhý raz zamieňa *ty*, resp. *vy*. To znamená, že v špecifických komunikačných situáciách *my* substituuje zámeno 1. osoby *ja*, alebo zámenná 2. osoby – *ty*, *vy*.

1.1 Egoprezentácia z aspektu – ja ako *my*

Ak hovoríme o egoprezentácii s intencionalitou stotožnenia *my* s *ja*, hovoríme o egoprezentácii hovoriaceho z aspektu explicitného a implicitného používania zámenná **my** vzťahujúceho sa na **samého seba**.

V rečovom režime interpretácie⁸, v autentickej komunikácii, v ktorej sa hovoriaci primárne identifikuje prostredníctvom 1. osoby singuláru, použitie *my* sa prejavuje ako taká interakčná seba projekcia hovoriaceho, ktorá je v rečovom režime sekundárna a príznaková. Vo výpovediach sa *my* používa v **prvotnej referenčnej** funkcii. Uplatňuje sa v nasledovných podobách: (a) inscenovaný dialóg; (b) pluralis modestiae a (c) pluralis majestaticus.

Inscenovaný dialóg je fiktívny dialóg rečníka so svojím publikom, komentátora so svojimi divákmi alebo poslucháčmi, učiteľa so svojimi žiakmi a pod.:

(9) „Dnes si povieme niečo o rastline, ktorú poznali už v dobe železnej.“

Plurál skromnosti (pluralis modestiae) sa používa v prípadoch, keď sa hovoriaci svojim konaním a zmyšľaním zaraďuje do fiktívneho kolektívu, resp. využíva tzv. fenomén „fasády“, keď sa alibisticky skrýva za fiktívny kolektív:

(10) „Odhadujeme, že príde okolo šesťtisíc Bosniakov,“ povedal hovorca futbalového zväzu Juraj Čurný.

Ceremoniálna formula (pluralis majestaticus)⁹ sa spája so seba prezentáciou historických osobností. Konštrukcia *my kráľ* predstavuje **syleptickú konštrukciu**, v ktorej sa v rámci jednej referencie zámerne spája plurálová forma deiktika so singulárovou formou substantíva (takže dochádza k sylepse):

8 Režim interpretácie (режим интерпретации) je termínom Moskovskej sémantickej školy.

9 V ruštine sa nazýva королевское «мы», рогов.:

(11) «Божию милостию, Мы, Николай Второй, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и [...]»

- (12) „Máme v hlbokéj úcte grófa Juraja Tárcaia, pána Kamenice a verného vazala kráľovského majestátu, preto my, kráľ Ľudovít prvý z rodu Anjou, vyhlasujeme, že vám veľkodušne odpúšťame a vítame vás na dvore.“

Pre naratívny režim interpretácie je charakteristický **autorský plurál (pluralis auctoris)**. Používa sa v náučných a publicistických textoch, v ktorých je identifikovateľný jeden autor (o problematike naratívnych textov pozri Gallo, 2016).

V náučných textoch, ktoré patria do lingvistickej diskurznej formácie (Dolník, 2017, s. 158 – 161), egoprezentácia autora zahŕňa aspekt gramatickej kategórie slovesnej osoby a čísla, ktorý sa reflektuje v opozícii *my – ja* (príklady 13 – 14) a aspekt slovesného rodu, ktorý síce anticipuje používanie aj pasívnych konštrukcií (príklady 15 – 16), ktoré sa vo vedeckom diskurze využívajú na gnomizáciu vyjadrovania, porov.:

- (13) V štúdiu *sa zaoberáme* pozitívnym osobnostným zrením ako celoživotným procesom, ktorý si zachováva kontinuitu aj v seniorskom veku.
- (14) V štúdiu *sa chcem venovať* špecifickej oblasti, ktorej v slovenskej historiografii nebola dosiaľ venovaná väčšia pozornosť.
- (15) V štúdiu *sa tvrdí*, že teraz nás čaká oneskorené vyčistenie trhu. Mnoho firiem neprežije najbližšie roky – skrachujú alebo ich prevezme konkurencia.
- (16) V štúdiu je predstavený súbor analytických nástrojov a systém systémových rámcov.

Ako vidieť, vzniká priestor pre komunikačnú stratégiu autora, ktorý sa rozhoduje medzi aktívnou a pasívnou, singulárovou a plurálovou podobou egoprezentácie. Hovoríme preto aj o egoprezentácii z aspektu zvyklostí a noriem vedeckého vyjadrovania, ktoré sú súčasťou **komunikačnej kultúry**.

V kultúrnej tradícii strednej Európy podľa J. Galtunga (1981) dominujú tri modely vedeckého vyjadrovania: teutonský, (anglo)saský a galský¹⁰. **Teutonský** model, tiež nemecký vedecký, resp. intelektuálny štýl, sa vyznačuje (ako to vyplýva z atribúcií) vedeckosťou a intelektuálnosťou. Recipientsky je pomerne náročný, čitateľ je akoby sám zodpovedný za dešifrovanie textu a pochopenie intencií autora. Štruktúra textu reflektuje postupnosť myšlienkových pochodov autora a obtiaží, ktoré sprevádzali dopracovanie sa

10 J. Galtung vyčleňuje aj štvrtý štýl – niponský (japonský), ktorým sa tu ale nezaobráame.

k záverom. Pre nemecký vedecký štýl sú typické súvetia, početné nominalizácie, zloženiny, modálne výrazy a neosobné konštrukcie. Vyznačuje sa digresiou. **Anglosaský**, tiež anglosaský vedecký, resp. intelektuálny štýl vychádza z pragmatickej filozofie jazyka a princípov interakčnej komunikačnej lingvistiky. Vyznačuje sa zrozumiteľnosťou a jednoznačnosťou. Dôraz sa kladie na logiku a štruktúru výkladu s ohľadom na adresáta. Vo vysokej miere používa propriálne pomenovania. Uplatňuje sa princíp kooperácie, uprednostňujú sa jednoduché vety, priradovacie súvetia a aktívne konštrukcie. Špecifikom je lineárna argumentácia a časté oslovenie recipienta (Bobáková, 2011, s. 11). **Galský** (francúzsky) model sa poníma aj ako elitársky (Galtung, 1981, s. 832) s vysokou mierou elegancie, ktorá vyplýva zo spôsobu prezentácie, vyznačujúcej sa abundanciou (vzletnosťou až kvetnatosťou). Charakterizuje ho nízka lineárna argumentácia a slabá kooperácia s adresátom. Recipientsky je náročný tým, že používa súvetia, nominálne konštrukcie s vysokým podielom atribútov, čo spôsobuje neprehľadnosť a nejednoznačnosť (Šanderová, 2009, s. 56 – 57). Pre úplnosť ešte dodajme, že na rozlíšenie uvedených štýlov J. Galtung zohľadnil tieto štyri faktory: vytvorenie tézy, vytvorenie teórie, analýza paradigiem, komentáre o iných intelektuáloch (Galtung, 1981; Bobáková, 2011).

Pre slovenský, podobne ako český vedecký diskurz, je evidentná jednak tendencia pokračovania v teutonskej tradícii a jednak postupného prenikania noriem anglosaskej štylizácie. Ide o prirodzený jav vyplývajúci z modifikovania a zblížovania noriem pri vzájomnom kontakte medzinárodných diskurzívnych komunít. S. Čmejrková k tomu poznamenáva: „obvykle se uvádí, že frekvence 1. osoby jednotného čísla je vyšší v pracích anglosaských autorů a klesá spolu s tím, jak se pohybujeme směrem k východu – v německých a např. i v českých textech se s ní čas od času setkáváme, zatímco v rusky psaných vědeckých textech je spíše ojedinělá. Toto pozorování je však třeba brát s rezervou, neboť s tzv. autorským plurálem se setkáváme i v textech anglosaských, normy vědeckého vyjadřování jsou v současné době všeobecně v pohybu, a kromě toho užití 1. osoby jednotného čísla závisí i na idiolektu autora a jeho individuálních preferencích“ (Čmejrková – Světlá – Daneš, 1999, s. 47).

Z pohľadu **akceptability** odborného textu použitie (a) autorského plurálu a (b) autorského singuláru vypovedá o týchto skutočnostiach (porov. Chejnová, 2014, s. 7):

- (a) – autorský plurál nie je čitateľom pociťovaný ako odchýlka od normy;
 - pokiaľ je zrejmé, že autorom je jedna osoba, autor je vnímaný ako skromný, nevystupuje do popredia (plurál skromnosti);

- pokiaľ čitateľ nemá informácie o počte produktorov textu, môže nadobudnúť dojem, že autorov je viac;
 - text je menej emocionálny, pôsobí menej subjektívne;
 - autor môže byť vnímaný ako alibistický; autor môže byť vnímaný ako menej sebavedomý, neistý, skrývajúci sa za fiktívnu skupinu.
- (b) – použitie 1. osoby singuláru je príznakové, keďže ako norma sa považuje 1. osoba plurálu;
- autor vystupuje sám za seba, je vnímaný ako zodpovedný a seriózny;
 - autor pôsobí asertívne, na niektorých čitateľov až agresívne;
 - autor pôsobí sebavedome, na niektorých čitateľov až vystatovačne;
 - text je subjektívnejší, ide o text autora;
 - text je emocionálny, autor je zaujatý témou;
 - text je nezvyklý, použitie 1. osoby singuláru má funkciu ozvláštnenia.

Uprednostňovanie buď autorského plurálu, alebo singuláru je v slovenskom diskurzívnom priestore záležitosťou jednak úzu vedeckých časopisov a jednak osobných preferencií autorov textov. Súhlasíme so slovami J. Dolníka, že „medzigeneračné komunikačné správanie a konanie je súčasťou komunikačnej normality, a teda je zložkou komunikačnej kultúry“ (Dolník, 2017, s. 171).

1.2 Egoprezentácia z aspektu – *my* ako *ty/vy*

V tomto prípade hovoríme o egoprezentácii s intencionalitou stotožnenia *my* s adresátom. Egoprezenačné *my* je v slovenčine používané výhradne v rečovom režime, pričom je súčasťou kontaktoých výrazových prostriedkov v priamom dialógu (dialógu zoči-voči) len v istých sférach komunikácie:

- (i) v komunikácii lekára a pacienta, kedy komunikácia je založená na prekonávaní formálneho odstupu a priblížení sa hovoriaceho ku komunikačnému partnerovi:

(17) „Dobré ráno, ako sme sa vyspali? Cítite sa už lepšie, pani Vojteková?“

- (ii) v komunikácii rodiča a malého dieťaťa:

(18) „Dáme pá, pá a pôjdeme spinkať.“

V takýchto výpovediach sa realizuje **druhotné referenčné *my***. Ide o veľmi úzky okruh komunikačných situácií. Výpovede v nich vyjadrujú kontaktovosť a charakterizuje ich hovorovosť a expresívnosť¹¹.

11 Na sekundárne použitie plurálových foriem sa v ruštine používa pomenovanie покровительственное «мы», рогов.:

(19) «Как мы себя чувствуем?»

(20) «Нам уже пять месяцев.»

2. Egoprezentácia s intencionalitou konjunkcie

V pozadí egoprezentácie s intencionalitou konjunkcie je snaha produktora obsah *my* neponechávať na inferenciu príjemcu, ale vyjadriť ho explicitne. Jednou z podmienok úspešnej komunikácie totiž je, aby výraz, identifikujúci príslušnú entitu, hovoriaci prezentoval čo najjednoznačnejšie. V prípade *my* sa koncept mnohosti verbálne špecifikuje zexplicitnením členov enumerácie, a to prostredníctvom lexikálnych a gramatických prostriedkov. Pre slovenčinu je typické používanie spojky **a** ako prototypového reprezentanta zlučovacích vzťahov v konštrukciách typu **ja a ty** a spojenia s inštrumentálovou formou typu **ja s tebou, my s bratom**. Ide o konštrukcie, ktoré sa v odbornej literatúre posudzujú ako inkluzívne konštrukcie (inclusory constructions) alebo ako komitatívne konštrukcie (comitative constructions)¹².

Podľa zastúpenia hovoriaceho, adresáta a inej osoby, resp. nie-osoby rozlišujeme 1. egoprezentáciu, v ktorej *my* znamená konjunkciu lokútorov a 2. egoprezentáciu, v ktorej *my* znamená konjunkciu lokútorov a nelokútorov.

2.1 Egoprezentácia s intencionalitou konjunkcie lokútorov

Egoprezentácia s intencionalitou konjunkcie lokútorov je egoprezentácia z aspektu **lokútorského my**. Pripomeňme, že lokútorské *my* zahŕňa hovoriaceho aj adresáta. V prípade všeobecného, bližšie nešpecifikovaného adresáta sa s lokútorským *my* stretávame v deprekácii ako etických foriem prosby alebo apelu:

- (21) Namiesto pasívnych očakávaní budme odhodlaní pracovať pre pozitívny cieľ.
- (22) Pozrime sa teraz na štatistiku najrušnejších letísk sveta.
- (23) Všimnime si, ako starostlivo a veľkoryso narábajú Poliáci, Maďari a Česi so svojou hudobnou tvorbou.

V prípade identifikovaného, konkrétneho adresáta lokútorské *my* implikuje vzťahy: (a) **ja a ty/vy sme my**; (b) **my sme ja a ty/vy**; (c) **ja s tebou** → **my <spolu>**; (d) **my <spolu>** → **ja s tebou**:

- (a) (24) Ja a ty sme jedno, už nás nič nerozdelí.
- (25) Ja a vy nikdy nebudeme priateľky. Nemáme nič spoločné. Ste mi cudzia
- (b) (26) Sme obe ženy, ja a ty.
- (27) Ostaneme tu len my. Ja a vy.

¹² Tejto problematike sa budeme podrobnejšie venovať v samostatnej komparatívnej štúdií.

- (c) (28) „Potrebujem sa s tebou porozprávať.“ [...] „My spolu nemáme čo riešiť.“
(29) Ak budem ja s tebou, tak si budeme rozumieť.
(d) (30) „Marianna, odchádzame.“ zahlásil Ivan a schmatol ju za zápästie.
„Čo? Nie! Ja s tebou nikam nejdem!“

Pristavme sa pri tomto doklade. V prvej vete je použité lokútorské *my*. Označuje *ja a ty* a vyplýva z posúdenia situácie hovoriacim, ktorý seba a adresáta posudzuje cez *my*, t. j. ako jeden celok, *my* dovedna, *my* navzájom, *my spolu*. V replike je použitá konštrukcia *ja s tebou*, ktorá umožňuje vyjadriť nesúhlas s ideou *my spolu* a prostredníctvom zdôrazneného *ja* a singulárového tvaru slovesa deklaruje námietku hovoriaceho. Podobne:

- (31) „Mami, ja s tebou do mesta nepôjdem, dobre? Kamošky ma už čakajú, vrátim sa večer.
(32) Nie, ja s vami nepoletím!
(33) Ja s vami nemám čo o tom debatovať!

2.2 Egoprezentácia s intencionalitou konjunkcie lokútora a nelokútora

Egoprezentácia s intencionalitou konjunkcie lokútora a nelokútora je egoprezentácia z aspektu **nelokútorského my**. Nelokútorské *my* ako *ja a N* je v anaforickom vzťahu s *on/ona/oni*. N zastupuje buď inú osobu pomenovanú propriálnym alebo apelatívnym substantívom alebo nie-osobu identifikovanú tiež prostredníctvom propriálneho alebo apelatívneho substantíva.

2.2.1 Egoprezentácia s intencionalitou konjunkcie lokútora a inej osoby

Konjunkcia lokútora a inej osoby ponúka možnosti lexikálneho vyjadrenia nelokútora: (a) **ja a N sme my**; (b) **N a ja sme my**; (c) **my sme ja a N**; (d) **my sme N a ja**; (e) **my s N** a anaforického vyjadrenia nelokútora: (f) **oni a ja sme my**; (g) **oni spolu so mnou sme my**:

- (a) (34) Ja a moja kamarátka, my sme hliadka prvej pomoci. Vieme liečiť všetky nemoci!
(35) Ja a môj muž sme mestské typy.
(36) Ja a moji súrodenci sme sa už narodili v Amúrii.
(b) (37) Môj nevlastný otec a ja sme nikdy dobre nevychádzali.
(38) Môj brat a ja sme mali rovnakého manažéra.
(39) Moji bratia a ja sme sa usilovali byť čo najtichšie, takmer neviditeľní, [...].

- (c) (40) My, teda ja, moja žena a tri deti, sme tam zostali, stáli sme uprostred námestia a držali v náručí celý svoj majetok.
(41) Nasmeroval som ho do pracovne a my sme odišli, brat a ja.
- (d) (42) A vraj teraz by sme sa tam mali, ona a ja, spolu vrátiť.
(43) Viem to, lebo sme ešte vždy rovnakí, on a ja, každý z nás je oknom do duše toho druhého.
- (e) (44) Vtom sa ozvalo naliehavé zvonenie od brány a my s mamou sme bežali na dvor.
(45) Do nového roka si každý želá úspech, my s bratom Petrom nie sme výnimkou.
(46) My so sestrou máme uvedené v rodnom liste otec neznámy.

Konštrukcia **my s N** je zaujímavá tým, že označuje **ja a N**. Formálne **my s N** najprv uvádza, že počet účastníkov je viac ako jeden a potom konkretizuje len jedného z účastníkov – nelokútora. Hovoriaci – referent – ostáva explicitne nevyjadrený a účastník, ktorý je uvedený predložkou **s**, je započítaný akoby dvakrát – raz v **my** a raz s **N**. Dochádza tak k javu, ktorý M. A. Daniel' (2000) nazval „pohltenie referenta“ (rus. поглощение референта).

- (f) (47) Oni a ja sme dva rozdielne svety. Máme k sebe tak ďaleko ako od jedného pólu k druhému...
- (g) (48) Súhlasil som s nimi, keď vraveli, že je jedno, kto darčeky pod stromček dáva, hlavne že ich tam dáva. A že vraj oni spolu so mnou budú dávať pozor, aby sme odhalili, či ich tam dáva mama.

2.2.2 Egoprezentácia s intencionalitou konjunkcie hovoriaceho a inej nie-osoby

Egoprezentácia z aspektu **nelokútorského my** v spojení **ja a N**, v ktorej **N** zastupuje nie-osobu, pomenovanú propriálnym alebo apelatívnym substantívom. Kognitívnym základom mentálnej konjunkcie konceptov osoby a nie-osoby je metonymia. Toto spojenie môže byť hovoriacim akceptované (doklady 49 – 50) alebo hovoriaci sa s ním nestotožňuje (doklady 51 – 52). Nesúhlasné stanovisko je podporené aj na syntaktickej rovine, a síce uplatnením deiktika **to**, ktoré má funkciu odkazovania na anteponovanú konštrukciu **,ja a N'**a zároveň uvádza vysvetľujúcu vetu s obsahom odmietnutia.

Egoprezentácia z aspektu nelokútorského **my** sa realizuje v konštrukciách (a) **my, ja a N** a (b) **ja a N**:

- (a) (49) Každý deň sa nám do ucha tlačia tony senzácií a neuveriteľných správ. A my, ja a moja knižka, sme nechceli povedať nič zvláštne, iba to, že život je vlastne fajn.
- (b) (50) Ja a hudba, to je jasné od mojich štyroch rokov. A funguje to. (Soňa Horňáková – slovenská folkrocková speváčka, gitaristka, skladateľka a textárka.)
- (51) Výborne rozbehnutý víkend pre mňa nakoniec ale nedopadol dobre. Ja a dážd', to nejde dokopy, vôbec som spočiatku pretekov nemal na vode istotu.
- (52) Ja a varenie, to by bolo skôr sci-fi!

Záver. Analýza dokladov zo *Slovenského národného korpusu* ukázala, že egoprezentácia, v ktorej hovoriaci sám seba označuje zámenom *my*, má dve intencionality – intencionalitu **substitúcie** a intencionalitu **konjunkcie**. Ak „substitučné“ *my* v rečovom režime nahrádza hovoriaceho, spravidla sa používa v prvotnej referenčnej funkcii, ak nahrádza adresáta, uplatňuje sa v druhej referenčnej funkcii. Intencionalita konjunkcie sa reflektuje buď ako konjunkcia lokútorov (hovoriaceho a adresáta), alebo ako konjunkcia hovoriaceho a nelokútora, ktorým môže byť iná osoba alebo nie-osoba. Úspešnosť konjunkčných konštrukcií typu *ja a ty*, *ja s tebou*, *my s bratom* dokazuje, že koncept duálu má nielen mentálne zakotvenie, ale aj lexikálno-gramatické vyjadrenie. Ako mimoriadne podnetné pre ďalší výskum sa preto javia komitatívne konštrukcie, ktoré v slovenčine neboli zatiaľ spracované.

LITERATÚRA

- BOBÁKOVÁ, H.: *Vědecká komunikace z aspektu kultur*. In: Rozvoj lidských zdrojů ve věde a výzkumu. Liberec: VÚTS 2011, s. 9 – 12. ISBN 978-80-87184-33-2. Dostupné na: http://symposiumsychrov.cz/wp-content/uploads/2016/04/Sbornik_2011.pdf. (Cit. 06. 09. 2018).
- ČMEJRKOVÁ, S. – SVĚTLÁ, J. – DANEŠ, F.: *Jak napsat odborný text*. Praha: Leda 1999. 255 s. ISBN 80-85927-69-1.
- ДАНИЭЛЬ, М. А.: *Типология ассоциативной множественности*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва: Российский государственный гуманитарный университет 2000. 95 с.
- DOLNÍK, J.: *Jazyk v sociálnej kultúre*. Bratislava: Veda 2017. 248 s. ISBN 978-80-224-1584-2.
- DUDOK, M. *Deiktické identifikátory*. In: Morfológické aspekty súčasnej slovenčiny. Ed. J. Dolník. Bratislava: Veda 2010, s. 387 – 400. ISBN 978-80-224-1159-2.

- GALLO, J.: *К вопросу нарративов и основных подходов к их анализу* = On The Issue of Narratives and Basic Approaches To Their Analysis. In: Cross-Cultural Studies: Education and Science (CCS&ES) = Кросс-культурные исследования: Образование и наука, 2016, roč. 1, č. 3, s. 32 – 42. ISSN 2470-1262.
- GALTUNG, J.: *Structure, culture, and intellectual style: An essay comparing saxonic, teutonic, gallic and nipponic approaches*. In: Social Science Information, 1981, roč. 20, č. 6, s. 817 – 856. ISSN 0539-0184.
- GREENBERG, J.: *On a metalanguage for pronominal systems: a replay to McGregor*. In: Studies in language, 1989, Volume 13, Number 2, pp. 452 – 458. ISSN 0378-4177 (Print); ISSN 1569-9978 (Online).
- HARLEY, H. – RITTER, E.: *Person and Number in Pronouns: A Feature-Geometric Analysis*. In: Language, 2002, vol. 78, № 3, pp. 482 – 526. ISSN 0097-8507 (print), ISSN 1535-0665 (web).
- HORECKÝ, J.: *Vývin a teória jazyka*. Bratislava: SPN 1983. 112 s. Bez ISBN.
- CHEJNOVÁ, P.: *Akceptabilita autorského plurálu a singuláru z hľadiska laického vnímateľa*. In: Jazykovedné aktuality, roč. LI, 2014, č. 1 – 2, s. 4 – 14. ISSN 1212-5326. Dostupné na: http://jazykovednesdruzheni.cz/jaz_akt.htm.
- JAKOBSON, R.: *Shifters, Verbal Categories, and the Russian Verb*. In: Russian and Slavic Grammar. Studies 1931 – 1981. L. R. Waugh – M. Halle (eds.). Berlin – New York – Amsterdam: Mouton Publishers 1984, pp. 41 – 58. ISBN 90-279-3029-5. Dostupné na: https://monoskop.org/images/7/74/Jakobson_Roman_Russian_and_Slavic_Grammar_Studies_1931-1981.pdf.
- КИБРИК, А. А.: *Местоимения как дейктическое средство*. In: Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейксис. Москва: Наука 1992, с. 207 – 236. ISBN 5-7859-0027-0.
- KRAUS, J.: *K súčasným vývojovým proměnám vědeckého a odborného vyjadřování*. In: Naše řeč, 1994, roč. 77, č. 1, s. 14 – 19. ISSN 0027-8203 (tisk), 2571-0893 (online).
- LYONS, J.: *Semantics. Volume 1*. Cambridge: Cambridge University Press 1977. 388 p. ISBN 978-0-521.29165-1.
- MISTRÍK, J.: *Lingvistický slovník*. Bratislava: SPN 2002. 294 s. ISBN 80-08-02704-5.
- Mluvnice češtiny 3. Skladba*. Praha: Academia 1987. 748 s. Bez ISBN.
- MOŠAĎOVÁ, M.: *Opozičný homomorfizmus v morfológickom systéme*. In: Morfológické aspekty súčasnej slovenčiny. Ed. J. Dolník. Bratislava: Veda 2010, s. 11 – 65. ISBN 978-80-224-1159-2.
- ONDREJOVIČ, S.: *Viktor Krupa, ako som ho poznal*. In: Jazykovedný časopis, 2016, roč. 67, č. 3, s. 185 – 193. ISSN 0021-5597 (tlačená verzia/print).
- ПАДУЧЕВА, Е. В.: *Высказывание и его соотношенность с действительностью. Референциальные аспекты семантики местоимений*. Отв. ред. В. А. Успенский. Изд., 6-е, испр. Москва: Издательство ЛКИ 2010. 296 с. ISBN 978-5-382-01080-9.
- ПЛУНГЯН, В. А.: *Общая морфология. Введение в проблематику*. Москва: Эдиториал УРСС 2000. 384 с. ISBN 5-8360-0142-1.

- ROORYCK, J.: *Binding into pronouns*. In: *Lingua, an International Review of General Linguistics*, 2006, Vol. 116, Issue 10. ISSN 1872-6135. Dostupné na: <https://openaccess.leidenuniv.nl/bitstream/handle/1887/14575/Rooryck%20-%20Binding%20into%20pronouns.pdf?sequence=1>.
- SOKOLOVÁ, J.: *Sémantika a pragmatika konštrukcií egoprezentácie* (v tlači).
- ŠANDEROVÁ, J.: *Jak číst a psát odborný text ve společenských vědách. Několik zásad pro začátečníky*. Praha: Sociologické nakladatelství 2009. 209 s. ISBN 978-807-419-0834 (ePub). Dostupné na: http://moodle.fhs.cuni.cz/pluginfile.php/38501/mod_resource/content/1/Šanderová.pdf. (Cit. 06. 09. 2018).
- Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. Под ред. М. Н. Кожиной. Москва: Флинта 2003. 696 с. ISBN 5-89349-342-7.

АСАБЛІВАСЦІ САМАІДЭНТЫФІКАЦЫІ І САМАПРЭЗЕНТАЦЫІ Ў ДЗІЦЯЧЫМ ДЫСКУРСЕ УЛАДЗІМІРА ЛІПСКАГА¹

Alena Kalechyts

Katedra rusistiky
Filozofickej fakulty Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre (SR)

SELF-IDENTIFICATION AND SELF-PRESENTATION IN VLADIMIR LIPSKY'S CHILDREN'S DISCOURSE

Abstract: This article analyses the characteristics of self-identification and self-presentation of Vladimir Lipsky – a contemporary popular Belarusian author of children's fiction. The connection between the writer and his readers is demonstrated in the text with various explicit and implicit forms of address. Not only do they perform indicative, identifying, expressive and communicative functions, but they also attract the recipients' attention. Thus, I do not include the typology of the syntactic means of addressing, but rather concentrate on how it affects the perception of children's fiction as such, reveals the main goals, ideals and moral values of the author, reflects his ethnicity, how it relates the text to a certain nation and culture, and adds expressiveness, liveliness and originality to V. Lipsky's works. The analysis of numerous forms of address is based on their grammatical and structural features and the function they perform in the text. Hence, different models of address and various ways of their expression most often used by V. Lipsky in his children's prose are described. An attempt is made to explain how grammar influences the author by choosing a appropriate form of address, how it affects the manifestation of emotion in the discourse as well as the reflection of the author's life position, and, of course, the attitude towards the recipient.

Key words: form of address, children's discourse, implicit and explicit forms of address, recipient, simple and elaborate forms of address, epithets, traditional forms of address

Дзіцячая проза У. Ліпскага прасякнута пачуццямі любові і дабрыні. Яны адчуваюцца фактычна ў кожным радку яго твораў. Цеплыня чалавечых сямейных узаемаадносін, асабліва паміж бацькам і дачкой, радасць спазнання навакольнага свету праз звычайныя бытавыя сітуацыі, гульні і казкі, цікаўнасць і прага да ведаў, творчасці, развіццё і падтрымка дзіцячай фантазіі, выхаванне станоўчых маральных якасцей, заснаваных на

¹ Štúdiá vznikla v rámci riešenia grantového projektu VEGA 1/0067/19 Jazykové reflexie sociálnej egoprezentácie a adresácie.

спрадвечных каштоўнасцях беларусаў, – гэта ўсё тое і яшчэ многае іншае, што мы можам заўважыць, прасачыць і выявіць у творчасці У. Ліпскага. Яго проза адлюстроўвае аўтарскую чалавечнасць, імкненне абудзіць у дзіцяці і дарослага прагу да дабрыві, ненавязліва вучыць малых дзяцей жыццю і ўзаемаадносінам, у прыватнасці іх сацыялізацыі ў грамадстве, і менавіта сацыяльнай ідэнтыфікацыі. “Выдзяленне модусных і эгацэнтральных катэгорый у мове, тыпалагізацыя і апісанне моўных сродкаў, якія абслугоўваюць сферу адлюстравання чалавечай свядомасці, – адна з актуальных праблем сучаснай лінгвістыкі, што апісвае мову з антрапалагічнага пункту погляду, які падразумявае аналіз мовы ў межах анталагічнага трохкутніка: свет – чалавек – мова” (Плеханова, 2011, с. 18). Варта падкрэсліць, што асноўнай прыкметай вышэйназваных катэгорый з’яўляецца імплікацыя “Я”, сфера якой выяўляецца ў дыялогу з самім сабой, іншым чалавекам і нават цэлым светам і яго культурай.

Мастацкія творы для дзяцей У. Ліпскага мы адносім да тэкстаў дзіцячага дыскурсу, паколькі нягледзячы на іх жанравую разнастайнасць, яны маюць універсальныя, індывідуальныя і ідэаэтычныя рысы, увогуле ўласцівыя дыскурсу (Грыгорьева, 2007, с. 48). Іх цэласнаць і звязнасць праяўляюцца як на семантычным, так і фармальна-граматычным узроўнях. Хранатопнасць, інфармацыйнасць, інтэрсуб’ектыўнасць і інтэнцыянальнасць, а таксама катэгорыі аўтарытэтнасці і прэцэдэнтнасці, верагодна, звязаны са слоўнай рэалізацыяй, “імплементаванай у ментальных структурах перцыпіента” (Kováčová, 2017, с. 9).

Сувязь паміж аўтарам і рэцыпіентам назіраецца дзякуючы разнастайным экспліцытным і імпліцытным сродкам адрасацыі. Яны, як нам здаецца, указваюць і на самапрэзентацыю адрасанта, характарызуюць яго вобраз, адносіны аўтара да чытача. Суб’ект дыскурсу з’яўляецца творцам выказванняў, які свядома выбірае моўныя сродкі і камбінуе знакі маўлення з мэтай уздзеяння на адрасата. Прычым апошні таксама займае актыўную пазіцыю, бо патрабуе ад выканаўцы пэўнай чыннасці і падчас камунікатыўнага акта, і па-за яго межамі (Грыгорьева, 2007, с. 41). Так, першасным сродкам адрасацыі або адрасатным цэнтрам лінгвісты лічаць звароткі (Волвак, 2002, с. 64; Гольдин, 2009, с. 51). Менавіта яны ўказваюць на адносіны аўтара да свайго адрасата, ідэнтыфікуюць яго, з’яўляюцца своеасаблівым штуршком да камунікацыі, маюць адметныя рысы, якія ўказваюць на яго этнічную прыналежнасць, сацыяльную, псіхалагічную і нават геаграфічную суаднесенасць з пэўным моўным асяроддзем (Slančová, 1999, s. 115; Slančová – Sokolová, 1998, s. 214). Акрамя таго, звароткі задаюць агульны тон выказванню і такім чынам уплываюць на агульны працэс камунікацыі, адлюстроўваюць эмацыйны фон сітуацыі

зносін і рэгулююць узаемаадносіны камунікантаў. З гэтай прычыны мы звярнуліся да звароткаў, каб паказаць, як гэты сінтаксічны сродак адрасацыі ўплывае на цэласнае ўспрыняцце мастакіх дзіцячых твораў, указвае на галоўныя мэты, каштоўнасці і ідэалы аўтара.

Нельга сказаць, што ў лінгвістычнай літаратуры існуе аднастайная думка адносна тыпалагізацыі звароткаў або іх функцыі ў камунікацыі. Гэтаму пытанню ў свой час удзялялі ўвагу В. Я. Гольдзін, Н. І. Фарманоўская, А. Ф. Сухава, У. І. Карасік, Т. С. Жукава, К. А. Курылава, С. С. Катоўская, а таксама О. Сабалава, О. Сланчава, М. Сакалова і мн. інш. Так, напрыклад, В. Я. Гольдзін прапаноўвае выдзяляць два віды звароткаў: адрасатныя звароткі і звароткі-рэгулятывы. Адрасатнымі звароткамі вучоны называе тыя, якія маюць акрамя намінальнай функцыі яшчэ характарыстычную канатацыю [Гольдін, 1978, с. 80]. І. І. Каўтунова класіфікуе звароткі ў адпаведнасці з іх роляй у тэксте: звароткі-характарыстыкі, звароткі намінацыі, а таксама тыя, што заключаюць у сабе абедзве вышэйназваныя функцыі. Уласцівасць адрасацыі, як заўважае даследчыца, маюць усе тыпы звароткаў (Ковтунова, 1986, с. 118). Мы разам з А. І. Бударагінай (2006), прытрымліваемся падобнай думкі, бо лічым, што ўсе звароткі выконваюць камунікатыўную функцыю, а таксама называюць адрасата ў адпаведнасці з сітуацыяй зносін і яе асноўнай задачай. Акрамя таго, як ужо заўважылі вучоныя, звароткі іграюць тэкстаўтваральную ролю, паколькі “любых тэкст адрозніваецца адзінствам зваротнасці ад аднаго і таго ж адрасанта аднаму і таму ж адрасату” (Гольдін, 2009, с. 101). А гэта значыць, што адзінства ў накіраванасці адрасацыі праяўляецца на розных узроўнях як аўтарскага, так і ўмоўна прыдуманнага чытацкага дыскурсу. Выявіўшы найбольш характэрныя асаблівасці звароткаў у дзіцячай прозе У. Ліпскага, мы зможам зрабіць вывад, якім прадстаўляе сябе аўтар у сучасным свеце або з якім вобразам ці асобай сябе ідэнтыфікуе. Так, сацыялінгвістычны аспект сацыяльнага статусу чалавека разглядаўся ў працы “Мова сацыяльнага статусу” (2002) У. І. Карасіка. У дадзеным нааграфічным даследаванні сацыяльны статус чалавека прадстаўлены як сацыялінгвістычная катэгорыя. Аўтар вызначае катэгарыяльныя характарыстыкі прыкметы сацыяльнага статусу і апісвае яго сувязь з мадальным, персанальным і стылістычным значэннем. Асаблівая ўвага ў працы ўдзяляецца такім паняццям, як індыкацыя стылю жыцця, індыкацыя чалавечых кантактаў і індыкацыя маўлення і пад. Павага і ветлівасць разглядаюцца як ацэнкі сацыяльнага статусу, праводзяцца паралелі паміж этыкетам і сацыяльным статусам чалавека.

Пры аналізе асноўнага сінтаксічнага сродка адрасацыі мы будзем улічваць яго граматычныя асаблівасці, якія, на нашу думку, найбольш

яскрава характарызуюць і аўтара дзіцячых твораў, і яго рэальных або выдуманых герояў, а таксама яго функцыю ў канкрэтным тэксце.

Вядома, што зваротак граматычна не звязаны з астатнімі членамі сказа (Беларуская граматыка, 1986, с. 181). Ён можа выражацца асобным словам або словазлучэннем, якія называюць адрасата гутаркі. А значыць бывае простым і развітым. Прычым адрасатам гутаркі звычайна з'яўляецца асоба, намінаваная па прозвішчы, імені, роду заняткаў, пасадзе, узросце, сваяцкіх адносінах, згодна са знешнімі ці ўнутранымі асаблівасцямі (Буряк, 1985, с. 186). Развіты зваротак пераважна характарызуе асобу, да якой звяртаюцца з гутаркай, а таксама больш яскрава адлюстроўвае адносіны паміж адрасантам і адрасатам.

У дадзенай працы звароткі разглядаюцца на матэрыяле зборніка твораў “Вясёлая азбука” (1992)², у які ўключаны казкі, апавяданні і аповесці. Пра папулярнасць названай кнігі сведчаць такія факты, што, па-першае, за яе аўтар атрымаў Літаратурную прэмію імя Янкі Маўра (класіка дзіцячай беларускай літаратуры), па-другое, на аснове ўключаных у змест зборніка твораў быў пастаўлены спектакль “Прыгоды ў замку Алфавіт”, што прайшоў на сцэне Мінскага музычнага тэатра, і, па-трэцяе, у сучаснасці некаторыя творы, надрукаваныя ў гэтай кнізе, працягваюць выходзіць з друку асобнымі выданнямі – а значыць дагэтуль карыстаюцца попытам. Такім чынам, зборнік дзіцячай прозы “Вясёлая азбука” мы лічым кнігай, якая найбольш яскрава і ўдала прэзентуе аўтара і яго чытачоў.

Так, у дзіцячых творах У. Ліпскага мы часцей за ўсё сустракаем са звароткамі-імянамі, выражанымі іх гутарковымі дэмінітыўнымі формамі: Дзімка (с. 53), Марынка (с. 54), Рыгорка (с. 24), Галка (с. 10), Іванка (с. 69), Янка (с. 238), Міколка (с. 82), Аленка (с. 106), Андрэйка (с. 201); Ігарок (с. 93), Валерык (с. 8) і інш. Яны ўтвараюцца ад назваў імён суфіксальным спосабам, дзе формаўтваральным сродкам з'яўляецца афікс -к- і яго варыянты -ок-, -ык-. Гэтыя ўласныя імёны не толькі называюць дзяцей – галоўных герояў твораў, але ўказваюць на іх узрост, далікатныя і беражлівыя адносіны да іх з боку гаворачай асобы. Такія формы звароткаў беларусы звычайна выбіраюць, калі ўступаюць у камунікацыю з меншымі паводле ўзросту. Называць дзяцей, выкарыстоўваючы памяншальна-ласкавыя формы імён, з'яўляецца, на нашу думку, традыцыяй, якая пераважна ў неафіцыйнай сферы зносін і нават ва ўмовах адукацыйна-выхаваўчага працэсу ўспрымаецца носьбітамі мовы як норма. Калі паназіраць за дзіцячай камунікацыяй, відавочна, услед за дарослымі

² Ліпскі У.: Вясёлая азбука: казкі, апавяданні, аповесці. Мінск.: “Юнацтва”, 1992. 285 с. ISBN 5-7880-0388-1.

яны ўжываюць падобныя формы звароту, бо фактычна паўтараюць ці капіруюць пачутыя варыянты імён.

Падобныя формы назваў асоб паводле сваяцкіх адносін з'яўляюцца даволі прадуктыўнымі звароткамі ў дыскурсе пісьменніка: мамка, мамачка, сыноч, татачка, татуля, бацечка, пляменнічак, дзядзечка, бабулька, дачушка. Тут, як можна заўважыць, словаўтваральныя магчымасці дэмінітыўных формаў праявіліся шырэй: вытворныя назоўнікі, якрамя суфікса -к- і яго варыянтаў, узніклі з дапамогай афіксаў -ачк- (-ечк-), -ул-, -ушк-. Гэтыя найменні асоб не толькі імянуюць адрасата, а рэгулююць сваяцкія адносіны і, безумоўна, звяртаюць нашу ўвагу на імкненне аўтара стварыць своеасаблівы эмацыйны фон добразычлівасці, павагі і любові паміж героямі твораў, а таксама незаўважна праявіць сябе як далікатнага і ўважлівага суразмоўцу і ўказаць на свае адносіны да чытачоў. Яны таксама жывуць у сем'ях са сваімі роднымі і блізкімі – таткамі і мамкамі, бабулямі і дзядулямі і пад. – камунікуюць з імі, праяўляюць свой клопат, дораць адзін аднаму цеплыню сваіх пачуццяў, вучаць жыць у грамадстве, згодна з яго нормамі і правіламі этыкету. Такім чынам, выбіраючы дэмінітыўныя формы звароткаў, аўтар праяўляе сябе як выхаваны дарослы чалавек, клапатлівы і любячы бацька – узор для пераймання як для дарослых, так і дзяцей. На старонках кнігі “Вясёлая азбука” У. Ліпскі ўжывае яшчэ такія гутарковыя формы, утвораныя ад асновы слова дачка, як дочухна (с. 133) і нават дыялектную лексему – доня (с. 153, 174). Суфікс -ухн- у лексеме дочухна мае адценне фамільярнасці, але не грубасці. Ва ўсякім разе ў кантэксце У. Ліпскага ён набывае адценне інтымнасці. Бацька суцяшае сваю дачушку па тэлефоне, бо яна гасціць у бабулі ў вёсцы адна, без бацькоў: “Пачакай, патрывай крыху, дочухна. Пазвоніць табе мама і прыедзе да цябе. А тым часам памагай бабулі і хадзі ў госці да гітарыста Мішы...” (Размова на адлегласці, с. 132 – 133). Лексема доня адносіцца да ўкраінскай літаратурнай мовы, яно адпавядае беларускаму нарматыўнаму дачка. Ужыванне такога зваротка растлумачваецца тым, што сам пісьменнік паходзіць з вёскі Шоўкавічы Рэчыцкага раёна, які тэрытарыяльна суседзіць з Украінай. Такім чынам, названае слова ідэнтыфікуе аўтара з месцам яго нараджэння. Да звароткаў-намінатываў далучаюцца найменні асоб па ўзросце: хлопчык і яго былая клічная форма – хлопча (с. 85; 257). У той жа форме ў дзіцячых творах пісьменніка ўжываецца назоўнік брат: напрыклад, браце Ліс (с. 68) або браце Іванка (с. 69). Аднак такія звароткі не ўказваюць на сваяцкія адносіны камунікантаў, яны падкрэсліваюць жаданне адрасанта накіраваць размову ў добразычлівае рэчышча, паказаць свой намер да спакойных, мірных, нават свойскіх стасункаў, што звычайныя для сямейнага кола зносін.

Акрамя таго, для дзіцячага дыскурсу У. Ліпскага ўласцівы характарыстычныя звароткі. Яны, як правіла, выражаныя экспрэсіўнымі назоўнікамі агульнага роду са значэннем ацэнкі, прычым яна мае пераважна негатыўнае адценне: “Ды перастань ты ўжо, хныкала”, – зазваў урэшце бацька (с. 30); “Давай са мной паборамся, хвалько,” – пачуўся тоненькі галасок (с. 47); “Няўмека, дзе ты?”; “Ты, Умека, вытрымаў выпрабаванне, – пачала яна ўладарным каралеўскім голасам. – Я дазваляю табе вярнуцца дамоў...” (с. 88); “А-ах ты, нягодніца, – замахнулася бабуля дубовым кіем на зладзейку” (с. 80); “Эх, баязлівец, а яшчэ падвучваў: “Паплылі!..” – дакараў свайго сябра Андрэйка і кіраваў карабель да невядомага вострава” (с. 199); “Дык вось, манюка, якое твае чэснае ляноцкае! – пасароміў каралеву Андрэйка Добрык” (с. 210). Думаецца, што такое даволі частае ўжыванне падобных найменняў-звароткаў у дзіцячым дыскурсе У. Ліпскага мае ў першую чаргу выхаваўчую мэту – вучыць чытачоў адпаведным станойчым маральным якасцям: быць шчырымі, сціплымі, загартаванымі, смелымі і г.д. Слова для У. Ліпскага з’яўляецца добрым памочнікам: яно можа цябе як узнесці да нябёс, калі з дапамогай яго хваляць, так і, наадварот, накіраваць у патрэбнае рэчышча, калі ты незнарок адбочыў. Ролю чароўнай выхаваўчай палачкі ў дадзеным выпадку іграюць ацэначныя назоўнікі-эматывы агульнага роду. Яны звычайна шырока ўжывальныя ў гутаркавай бытавой сферы зносін, у дзіцячай камунікацыі і асабліва ў зносінах паміж дарослымі і дзецьмі, калі дарослы ўшчувае за дробную правіннасць сваё дзіця. Такія найменні асоб матываваныя і гаваркія словы, утвораныя ад часта ўжывальных дзеясловаў або прыметнікаў, таму і ў большасці выпадкаў не выклікаюць пытанняў у дзяцей, зразумелыя ім. Напрыклад, манюка – ад маніць (падманваць), хныкала – ад хныкаць (ціха плакаць), хвалько – ад хваліцца; баязлівец – ад баязлівы, няўмека – ад умека – умелы (здольны зрабіць многія рэчы) і інш.

Ацэначныя назоўнікі агульнага роду ў прозе У. Ліпскага могуць уваходзіць у склад зваротка ў якасці неразвітага прыдатка або ўдакладняцца развітым прыдаткам: “*Прасік-гультасік*, пойдзем пагуляем у футбол, – пакліча, бывае, мячык”; “Абібок, чырвоны бок, *давай песні спяваць*, – кажа дудачка і пачынае выводзіць вясёлую мелодыю” (с. 64). У дадзеных прыкладах ужывання звароткаў заўважаецца імкненне аўтара да моўнай гульні: дзякуючы паўтарэнню апошніх складоў слоў ствараецца ўражанне, што яго героі дражняцца. Гэта, па сутнасці, даволі часта любяць рабіць малыя дзеці. Жаданне пазабаўляцца, пагарэзнічаць і пагуляць у гульні са словам мы непасрэдна назіраем у некалькіх дражнілках, уключаных у розныя тэксты і ўкладзеных у вусны дзеючых асоб У. Ліпскага: Нязнайка-нулевічок, *назбіраў некалак незнарок!..* (с. 13); Ларыска-калыска,

тоўстая, як міска (с. 197). Такім спосабам аўтар збліжаецца з дзіцячым духоўным светам, імкнецца зжыцца з ім, стаць яго часткай. Прычым, на нашу думку, у яго гэта вельмі добра выходзіць. Відавочна, што У. Ліпскаму самому падабаюцца такія прыёмы і формы камунікацыі. Ён, як і яго героі, фантазіруе, спрабуе на смак кожнае, магчыма, незразумелае для дзіцяці слова. Вось прыклад, як выдумляюць новыя словы дзеці:

– А хто цябе падстрыгаў?

– Камбінатары.

Дзядзька Саша дзівуецца, не разумее на гэты раз пляменніка. Перапытвае яго яшчэ раз, і той тлумачыць:

– Мы з мамай хадзілі ў камбінат паслуг, і там я падстрыгаўся (с. 26).

А наступная ілюстрацыя са зборніка твораў указвае на майстэрства аўтара зацікавіць сваіх чытачоў незвычайнымі імёнамі-мянушкамі літаратурных герояў: “Аднаго хлопчыка празвалі Люлікам-Пілюлікам. А ведаеце чаму? Ён не засынаў, пакуль яго не палюляюць. А пілюлі аптэчныя глытаў ледзь не кожны дзень, бо часта хварэў” (с. 77). Акрамя вядомых уласных імён, ён стварае новыя найменні дзеючых асоб: Нулёк, Некалка, хлопчык “Ай”, Плюс, Мінус, лічбаградцы; займальна іх характарызуе: трыльёншчык-мільёншчык, нечаканы прышэлец і інш., персаніфікуе назоўнікі сон, лянота, з’явы прыроды: вецер, раса, промні і г.д. Напрыклад, пры інтэрпрэтацыі рускай народнай казкі “Рэпка” пісьменнік ужывае, характэрныя для фальклорных твораў звароткі, у якіх неразвітыя прыдаткі толькі паўтараюць галоўную яго частку, а ўтвораныя ад іх дзеясловы разам з тым выражаюць загад-просьбу, змякчальны характар якой адлюстроўваецца ў суфіксальных марфемах эпітэтаў: “Расці, Р [рэпка]! Радуй Рому!.. Раса-расіца, аброшвай Р... Ветрык-вятрыска, абветрывай Р... Промні-праменьчыкі, апраменьвайце Р... І вырасла на градцы рэкордная рэпка” (с.15).

Часта героямі дзіцячых твораў У.Ліпскага з’яўляюцца казачныя героі, жывыя і нежывыя істоты, прыдуманая дзеючыя асобы: Ідзі, каза, карміся канюшынай; Імчы, мой канёк-Гарбунок, у космас (с. 11); Заходзь, Калабок, – адказалі мы з мамай у адзін голас (с. 74); Слухай, сом, салёнай салацы страшна?.. (с. 15); Калі ласка, Вожык (с. 73); Завядзі мяне туды, мышка, – сказаў Люлік-Пілюлік і пабег да дзяцей (с. 78); Адступіся, воўк, гэта мой абед! (с.68); Стой, певень! – хрыпатым голасам закрываў воўк. Пеўнік, пачакай, – просіць ліс (с. 68); Намалюй, Нулёк, незабудкі... (с. 13); Што хочаш, зай? (с. 19); Добрай раніцы, ёлачка! – павітаўся з ёй [Іванка] (с. 69). У залежнасці ад сітуацыі зносін і стаўлення аўтара або іншых герояў твора да свайго адрасата адрасант выбірае форму зваротка: мышка, пеўнік, ёлачка, Нулёк – дэмінітывы, або воўк, сом, каза і інш.

– нейтральныя назоўнікі ў пачатковай форме. Гэтым самым аўтар указвае на эмоцыі дзеючых асоб у канкрэтнай сітуацыі, рэгулюе іх адносіны, а таксама, што немалаважна, знаёміць маленькіх чытачоў з рэальным навакольным жывёльным светам, прыгадвае ў сваіх творах найбольш папулярных казачных персанажаў з чароўнага свету казак нашых блізкіх суседзяў, прыдумвае ўласных запамінальных герояў.

У склад звароткаў даволі часта ўваходзяць словы-эпітэты, якія таксама ствараюць адпаведны настрой у сітуацыі зносінаў, характарызуюць як адрасата, так і таго, хто звяртаецца з гутаркай, раскрываюць яго намер, з якім ён уступае ў зносіны: Хто будзеш, добры чалавек? – спыталі дружбакі (с. 202); Было гэта, добрыя малойчыкі, яшчэ тады, калі вас не было на вашым казачным свеце (с. 253); Дзякуй вам, добрыя людзі! (с. 95); Вой, бабулечка міленькая, што ж з нашым Максімкам? (с. 80); Вох, зладзейка праклятая, якую бяду ўчыніла, – завохкала бабуля Маня, стомлена прысела на лаўку, падумала трохі... (с. 80). Развітыя звароткі з кампанентам добры можна лічыць традыцыйнымі для казак усходнеславянскіх народаў – так называюць у іх незнаёмых асоб, да якіх па нейкай прычыне звяртаюцца з гутаркай. Трэба падкрэсліць, што такі кампанент у зваротках знаходзіцца ў прэпазіцыі да асноўнага слова. У іншых сітуацыях у развітым зваротку эпітэт размяшчаецца ў постпазіцыі, што дапамагае падкрэсліць яго характарыстычны змест і адносіны да суразмоўцы.

Даволі часта ў склад развітога зваротка ўваходзіць прыналежны займеннік мой, які, па сутнасці, значэнне прыналежнасці ў многіх выпадках страціў, бо ўжываецца з іншымі мэтамі: на жаданне зблізіцца з суразмоўцам, наладзіць з ім добрыя стасункі, стварыць атмасферу інтымнасці. Параўнаем: – Бывай, мой горад! (с. 240); “Дык вось, мае сябры, – сказаў Вася Вясёлкін, – дуронік падказаў нам, што разам з каралевай Лянотай разбуралі замак Адзінкі і Двойкі” (с. 206); “Вой, сыночкі мае, запрасіла я майстроў будаваць хату, а яны аказаліся няўмекамі...” (с. 85). І “Ну што, што, мая прыгажунька? – пытаецца ў дачкі, а тая пашавельвае звязанымі рукамі і праз слёзы ўмольна глядзіць у вочы маці, чакае паратунку” (с. 96); “Ой, гора маё, які ты вэрхал учыніла? – заскочыла ў спальню маці” (с. 119); “Каток мой, ты вочы хаця памыў?” (с. 197); “Добра, мая гаспадынька, – бацька ўзяў яе працавітую руку і хацеў пацалаваць, але яна спрытна вышмаргнула яе з дарослых далоняў...” (с. 158). У першай групе прыкладаў займеннік мой набывае абагульняльны змест у параўнанні з другой групай ілюстрацый-ужыванняў. У такіх зваротках падкрэслена значэнне прыналежнасці, бо размова ідзе паміж блізкімі людзьмі: бацькамі і іх дзецьмі.

Як відаць з вышэйпрыведзеных прыкладаў, звароткі выражаюцца уласнымі і агульнымі назоўнікамі, зрэдку субстантываванымі: *“Тпру-у, шэрыя!..”* (с. 72); – *От, дурненькі. Ён так забяўляецца з табой* (с. 140); – *Дурненькая, усе ж хочучь пад Новы год сябраваць з табой. Любяць цябе* (с. 253); – *О шанюныя, выратуйце мяне! Я добры, разумны і зусім не злосны...* (с. 260); – *Добры дзень, паважаныя, э-э-э... як вас?* (с. 266); – *Заходзь, шэры, – сказала яна, – але глядзі, ніколі больш не крыўдзі слабейшых за сябе* (с. 74) і пад. Развітыя звароткі ў дзіцячым дыскурсе У. Ліпскага маюць мадэлі: назоўнік + назоўнік, займеннік + назоўнік, прыметнік + назоўнік або назоўнік + прыметнік.

Зрэдку ў прозе пісьменніка сустракаюцца больш складаныя па структуры звароткі: займеннік + прыметнік (дзеепрыметнік) + назоўнік: мае нечаканыя госці (с. 274), наш шанюны ўладар (с.275), мае слаўныя лічбаградцы! (с. 272), чорцік мой дарагі (с. 197); або прыметнік + назоўнік + назоўнік: шанюны дзядуля Трыльён (с. 274), мудрая пані Ліса (с. 266) і нек. інш.

Неаднолькавая пазіцыя звароткаў у структуры сказа. Яны размяшчаюцца ў пачатку, сярэдзіне і на канцы сказа. Калі ж у яго ўкладзеныя больш бурныя эмоцыі, заклік або пабуджэнне да дзеяння, ён вылучаецца са структуры сказа і стаіць перад ім. У такім выпадку зваротак аддзяляецца клічнікам: *“Алёнка, чаго ты крычала спрасонку?”* (с. 106), *“Я, татачка, ужо вялікая, паглядзі якая”* (с. 120), *“Які чуд! Паглядзі, дачка. Гэта так прыгожа, ты толькі зірні, Алёнка”* (с. 120). *Авой, мае міленькія! Авой, мае каханенькія! Адведайце маіх цукерачак!..* (с. 255), *“О мой збавіцель! Мне сорамна, што столькі гора прынесла я табе”* (с. 239) і г. д.

Такім чынам, зваротак з’яўляецца адным са сродкаў выразнасці маўлення, мае, акрамя значэння прамога называння, ацэннае значэнне, залежнае ад структуры зваротка, паясняльных слоў, пазіцыі асноўнага наймення, а таксама ад кантэксту ў цэлым. Звароткі сустракаюцца пераважна ў дыялогах, радзей – у аўтарскай і няўласна-простай мове. У дзіцячай прозе У. Ліпскага звароткі ўплываюць на агульны эмацыяны фон гутаркі, наладжваюць чытача на добразычлівую атмасферу ў зносінах – валодаюць экспрэсіўнай функцыяй, садзейнічаюць спецыфічнаму нацыянальнаму каларыту выказвання, надаюць творам выразнасць, жывасць і непаўторнасць – гэтым самым уздзейнічаюць на адрасата.

У цэлым звароткі ўплываюць на агульнае ўспрыняцце твораў. Яны нам здаюцца жывым арганізмам – вясёлым, гарэзлівым і непасрэдным, якімі павінны быць самі дзеці. Могуць добра пазабяўляць і разам з тым выхоўваюць, дапамагаюць убачыць сябе ў складаным свеце дарослых, вучаць сябе паводзіць у розных жыццёвых сітуацыях. Прозу У. Ліпскага

хочацца чытаць і дарослым і дзецям. Яна, як і сам аўтар, адлюстроўвае прагу да дабрыні, адкрытасць, шчырасць, павагу да ўсяго, што нас акаляе, – да жывога свету і звычайных прадметаў. Ідэалам аўтара з’яўляецца шчаслівае дзіця, якое расце ў паўнацэннай любячай сям’і, здольнай стварыць спрыяльныя ўмовы для развіцця творчай, разумнай, кемлівай і дэпытлівай асобы. Адрасант падобны на сваіх герояў, ён дарослы мудры чалавек, тонкі псіхолаг і выхавацель. Сваім уменнем быць па-дзіцячы непасрэдным, чыстым і светлым у думках, учынках і паводзінах выклікае давер і сімпатыю ў адрасата.

ЛІТАРАТУРА

- Беларуская граматыка. Ч. 2. Сінтаксіс. Мінск: Вышэйшая школа, 1986. 327 с. Без ISBN.
- БУДАРАГИНА, Е. И.: Средства создания образа адресата в художественном тексте. Диссертация на соискание ученой степени кандидата наук. Москва, 2006. 174 с. Доступно на: <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/sredstva-sozdanija-obraza-adresata-v-hudozhestvennom-tekste.html>.
- БУРАК, Л. І.: Сучасная беларуская мова. 2-е выд. Мінск: Вышэйшая школа, 1985. 319 с. Без ISBN.
- ГОЛЬДИН, В. Е.: Этикет и речь. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1978. 112 с. Без ISBN.
- ГОЛЬДИН, В. Е.: Обращение: теоретические проблемы. Под ред. Л. И. Баранниковой. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2009. 136 с. ISBN 978-5-397-00801-3.
- ГРИГОРЬЕВА, В. С.: Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты. Тамбов: Издательство Тамбовского государственного технического университета, 2007. 288 с. ISBN 5-8265-0609-1 (978-5-8265-0609-7).
- ЖУКОВА, Т. С.: Обращения в регламентированных сферах общения: становление новой нормы. Диссертация на соискание ученой степени кандидата наук. Москва: РГГУ, 2015. 232 с. Доступно на: <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/obrawenija-v-reglamentirovannyh-sferah-obwenija-stanovlenie-novoj-normy.html>.
- КАРАСИК, В. И.: Язык социального статуса. Москва: ИТДГК Гнозис, 2002. 333 с. ISBN 5-94244-008-5.
- КОВТУНОВА, И. И.: Поэтический синтаксис. Москва: Наука, 1986. 205 с. Без ISBN.
- КОТОВСКАЯ, С. С.: Прагматика обращения в риторическом вопросе. In: Концепты и перспективы немецкого языкознания и литературоведения в межкультурном дискурсе: 2-й научно-практ. Семинар: сборник материалов. [Электронный ресурс]. Минск: БГУ, 2011. с. 38 – 43. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/99597>.

- КУРИЛОВА, К. А.: Обращения в современном китайском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата наук. Владивосток: ВГУ, 1997. 279 с.
- ПЛЕХАНОВА, Т. Ф.: Дискурс-анализ текста: пособие для студентов вузов. Минск: ТетраСистемс, 2011. 368 с. ISBN 978-985-536-114-6.
- СУХОВА, Е. Ф.: Лингвокультурологический анализ русского речевого этикета (обращение) на фоне арабской речевой культуры. Диссертация на соискание ученой степени кандидата наук. Москва, 2001. 207 с. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/lingvokulturologicheskii-analiz-russkogo-rechevogo-etiketa-obrashchenie-na-fone-arabskoi-rec>.
- ФОРМАНОВСКАЯ, Н. И.: Речевой этикет в русском общении. Теория и практика. Москва: ВК, 2009. 334 с. ISBN 978-5-98405-067-8.
- KOVÁČOVÁ, Z.: Kultúrny text ako diskurz. K otázke ontológie percepcie textu pre deti. Nitra: FF UKF, 2017. 160 s. ISBN 978-80-558-1146-8.
- SABOLOVÁ, O.: Oslovenie v slovenčine. In: *Studia Academica Slovaca*. 12. Red. J. Mistrík. Bratislava: Alfa, 1983, s. 458 – 468. Bez ISBN.
- SLANČOVÁ, D. – SOKOLOVÁ, M.: Jazykové prostriedky s vokatívnyim exponentom v súčasnej slovenčine. In: *Slovenská reč*, 63, 1998, č. 4, s. 210 – 226. ISSN 1338-4279.
- SLANČOVÁ, D.: Reč autority a lásky. Reč učiteľky materskej školy orientovaná na dieťa – opis registra. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity, 1999. 224 s. ISBN 80-88722-30-6.

ТЫПАЛОГІЯ БЕЛАРУСКІХ КАМПАЗІТАЎ-НАЗОЎНІКАЎ ПАВОДЛЕ СТУПЕНІ ІХ МАТЫВАВАНАСЦІ

Іна Кавалёва

Кафедра нямецкай мовы факультэта сацыякультурных камунікацый,
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь

TYPOLOGICAL CLASSIFICATION OF COMPONENTS IN BELARUSIAN NOMINAL COMPOUNDS ACCORDING TO THEIR MOTIVATION

Abstract: The article focuses on semantic analysis of compound nouns which were extracted from the Belarusian fiction. The purpose of the paper is to determine the degree of motivation between the components of a nominal compound as well as to present the typological classification based on it. How transparent the lexical meaning of the composite to the lexical meanings of its components is determines the degree of motivation of the composite. The article gives a brief overview of the use of the terms 'motivation' and 'idiomaticity'. Based on the principle specified earlier, the types of fully-motivated, partially-motivated and non-transparent compound nouns were discovered. The brief characteristics of each type are displayed and then the relevant examples are provided.

Key words: Belarusian language, compound word / composite, component of a compound word, lexical unit, lexical meaning, motivation, idiomaticity, structural type

Развіццё лінгвістычнай навукі характарызуецца зменай навуковых напрамкаў і парадыгм, а разам з тым і зрушэннем акцэнтаў к таму або іншаму аспекту слова. Са змяненнем сістэмна-структурнай парадыгмы ў лінгвістыцы на антропацэнтрычную, або кагнітыўна-дыскурсіўную (Кубрякова, 1995), вывучэнне семантычнага аспекта слова становіцца найбольш актуальным. Нягледзячы на значныя дасягненні навукоўцаў у распрацоўцы данага пытання, відавочна, што семантычная характарыстыка складанага слова не разглядалася ў такім аб'ёме як, напрыклад, апісанне семантыкі афіксальных дэрыватаў. Як вядома, акцэнт на семантыка-арыентаваны падыход пры аналізе складаных слоў робіцца ў канцы 80-х гадоў ХХ ст. (Мешков, 1985, с. 32).

Характарызуючы семантычныя ўласцівасці кампазітаў даследчыкі звярнулі ўвагу на іх двайную рэферэнцыю. З аднаго боку, як адзначаюць лінгвісты, кампазіт рэферэнтны да прадметнага свету, паколькі як сродак

намінацыі складанае слова адлюстроўвае паняцце аб прадмеце рэальнай рэчаіснасці. Многія вучоныя падкрэслівалі, што правільнае дэкадзіраванне значэння складання мае перадумовай выкарыстанне не толькі лінгвістычных, але і экстралінгвістычных ведаў (Fleischer, 2012, с. 17), “вычарпальных звестак аб даным прадмеце або з’яве ў аб’ектыўнай рэчаіснасці” (Букчина, 1974, с. 17). З другога боку, кампазіт накіраваны на “свет слоў”, паколькі ў фарміраванні яго семантыкі, як і любога вытворнага слова, удзельнічаюць матывавальныя асновы (Кубрякова, 2009, с. 3; Мешков, 1985, с. 99). Пры гэтым паняцце кваліфікуецца як “складанае, расчлянёнае і ў той жа час інтэграванае” (Мешков, 1985, с. 99).

З праблемай вызначэння семантыкі складанага слова непасрэдна звязана і праблема адносін паміж яго кампанентамі. Адносіны паміж кампанентамі кампазіта заўсёды прадстаўлялі інтарэс для даследчыкаў складаных слоў, аб чым сведчаць разнастайныя найменні падобных адносін: сэнсавыя, лагічныя, семантычныя, структурна-семантычныя, сінтаксічныя, сінтаксіка-падобныя адносіны і г. д. (Мешков 1985, с. 143).

З прычыны непасрэдна складанага семантычнага характару кампазітаў ускладняецца і іх упарадкаванне. Як слушна зазначыла М. Д. Сцяпанавы: “семантычны аналіз складаных слоў звязаны з сур’ёзнымі, падчас амаль з непераадольнымі цяжкасцямі” (Степанова, 2004, с. 189). Пры ўпарадкаванні вытворных лексічных адзінак (ЛА), у тым ліку і складанняў, на падставе семантычных характарыстак шырока выкарыстоўваюцца такія іх уласцівасці як матываванасць і ідыяматычнасць.

Мэта данага артыкула – вызначыць ступень матываванасці і прадставіць адпаведную тыпалогію. Матэрыялам паслужылі складаныя словы, адабраныя з мастацкіх твораў беларускай літаратуры метадам суцэльнай выбаркі (параўн.: спіс крыніц матэрыялу).

Асновы вучэння матываванасці былі закладзены яшчэ мысліцелямі антычнасці (Платон, Лукрэцый і інш.). На матываванасць звярнуў увагу Ф. дэ Сасюр, які пры разглядзе праблемы адвольнасці знака адзначаў, што “не существует языков, где нет ничего мотивированного; но немислимо себе представить и такой язык, где мотивировано было бы все. <...> Во всех языках имеются двоякого рода элементы – целиком произвольные и относительно мотивированные, – но в весьма разных пропорциях” (Соссюр, 1977, с. 165]. Праблема матываванасці моўнага знака разглядалася ў аспекце вывучэння ўнутранай формы слова (В. фон Гумбальдт, А. А. Патабня, Б. А. Сярэбранікаў і інш.). Упершыню ролю матывавальнага слова ў фарміраванні семантыкі матываванага падкрэсліў Р. В. Вінакур: “... значение слов с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной

основы..." (Винокур, 1959, с. 421). Першае сістэматызаванае апісанне тэорыі матываванасці было распрацавана і працягвае вывучацца прадстаўнікамі Томскай лінгвістычнай школы (В. І. Блінова, М. Д. Голеў і інш.). Так, В. І. Блінова лічыць матываванасць адной з важнейшых якасцей слова як элемента лексічнай (не словаўтваральнай) сістэмы, "уласціва-сцю, якая абумоўлена суадносінамі слова з матывавальнымі лексічнымі (не ўтваральнымі) ў даны перыяд адзінкамі мовы" (Блінова, 2007, с. 13). Абагульняючы дэфініцыі матываванасці ў лінгвістычнай літаратуры, можна канстатаваць, што данае паняцце кваліфікуецца як узаемаабумоўленасць гучання і значэння лексічнай адзінкі.

Пад ідыяматычнасцю разумеецца "уласцінасць адзінак мовы <...>, якая заключаецца ў нераскладальнасці іх значэнняў на значэнні адзінак, якія вычляняюцца ў іх фармальнай будове, і адпаведна ў незвадзімасці значэння цэлага да значэння частак у данай іх структурна-семантычнай сувязі" (Телия, 1997, с. 145]. З паняццем ідыяматычнасці звязана паняцце "сэнсавай цэласнасці" (М. М. Шанскій, А. М. Бабкін і інш.). Ідыяматычнасць слова была абгрунтавана М. В. Пановым. У яго работах гэта асаблівасць значэння атрымала назву "фразеалагічнасць" семантыкі (Панов, 2004, с. 68). Тэрмін "фразеалагічнасць" ужывае і В. П. Ермакова (Ермакова, 1984). Як адзначаецца мовазнаўцамі, ідыяматычнасць лексічнай адзінкі залежыць ад дэактуалізацыі і дэсемантызацыі ўтваральных элементаў.

Неаднаразова адзначалася ў лінгвістычнай літаратуры і праблема вызначэння выразных крытэрыяў устанаўлення ідыяматычнасці. Так, Апрэсян засяродзіў увагу на адсутнасці стандартаў выяўлення ідыяматычнасці: "Ідыяматычнасць – немагчымасць атрымання сэнсу цэлага з сэнсу яго складаючых частак па якіх-небудзь рэгулярных правілах" (Апрэсян, 1995, с. 116-117). Ідыяматычнасць суправаджаецца семантычнымі пераўтварэннямі, зменаў семнага складу ўнутры элементаў, якія складаюць моўны знак. Пэўныя семантычныя кампаненты ўяўляюць сабой "памяць слова", прысутнічаюць у значэнні слова імпліцытна і вылучаюцца пры спецыяльных умовах. Адной з такіх умоў можна лічыць зварот да дыяхранічнага аспекту пры сінхронным аналізе моўнага матэрыялу, да этымалагічнага аналізу. З. А. Харытончык адзначае: "Ідыяматычнасць вытворнага дэтэрмінуецца тым, што ў значэнні вытворнага ўзнікае, як здаецца, непрадказумы і невывадзімы са значэнняў яго складаючых семантычны кампанент, які часта звязываецца з гістарычнымі працэсамі існавання вытворнага, г.зн. вынік пэўнага семантычнага зруху" (Харытончык, 1990). Ідыяматычнасць адлюстроўвае спецыфічнае бачанне намініруемай рэаліі суб'ектам намінацыі, што не патрабуе фармальнага выражэння.

Спецыялістамі ў галіне словаўтварэння (Блінова, 2007; Ермакова, 1984; Кубрякова, 2009; Улуханов, 1992; Zemskaja, 1984 і інш.) былі распрацаваны разнастайныя класіфікацыі вытворных слоў на падставе матывацыйных адносін. Агульнай рысай прапанаваных класіфікацый з’яўляецца прадстаўленасць матывавальнай прыметы ў семантыцы матываванага слова. Пад **матывавальнай прыметай** разумеецца “адна з аб’ектыўных прымет самой рэаліі, вылучаемая як “прадстаўнік” усёй сукупнасці яе прымет, якая здольная найбольш ярка ахарактарызаваць (вылучыць) даны прадмет у радзе аднародных яму” (Голев, 1972). Так, А. А. Земская вылучае асноўную і перыферычную, прамую і пераносную (якая ў сваю чаргу дзеліцца на рэальную і асацыятыўную), а таксама вобразную матывацыю (Zemskaja, 1984). В. І. Блінова адрознівае поўную і частковую матывацыю (Блінова, 2017, с. 32 – 33, 81 – 82). На цалкам матываваныя і цалкам нематываваныя дзеліць вытворныя словы І.С. Улуханов (Улуханов, 1992).

“Поўная матываванасць і поўная ідыяматычнасць – гэта два палюсы, паміж якімі адбываецца семантычнае развіццё словаўтваральнай канструкцыі”, – сцвярджаюць В. Фляйшэр і М. Д. Сцяпанав (Степанова, 1984, с. 73). З гэтага выказвання вынікае, што межы паміж поўнай матываванасцю, з аднаго боку, і ідыяматычнасцю, з другога боку, дыфузныя, паколькі ўвесь час адбываюцца зрухі, абумоўленыя камунікатыўнымі функцыямі мовы. Безумоўна, вылучаюцца ЛА, якія займаюць пераходную пазіцыю. Такого тыпу адзінкі кваліфікаваліся намі з улікам імкнення да аднаго з вылучаных тыпаў на падставе “перавагі” пэўных семантычных уласцівасцей. Асаблівую ролю выконваюць пры гэтым уласны лінгвістычны вопыт і экстралінгвістычныя веды, таму, натуральна, у даным выпадку мае месца суб’ектыўны фактар.

У якасці крытэрыя для вызначэння ступені матываванасці складанага слова ў нашым даследаванні прапануецца вызначэнне ступені аддаленасці лексічнага значэння (ЛЗ) кампазіта ад лексічных значэнняў складаючых яго кампанентаў, якая, у сваю чаргу, вызначаецца па долі адлюстраваных у кампазіце матывавальных прымет утваральных слоў (асноў). Чым больш выразна матывавальныя прыметы складаючых кампанентаў адлюстраваны ў лексічным значэнні кампазіта, тым вышэй ступень яго матываванасці.

На прадмет наяўнасці або адсутнасці матывавальнай прыметы адабраныя адзінкі правяраліся па тлумачальных слоўніках беларускай літаратурнай мовы. Дадаткова, па меры неабходнасці, выкарыстоўваліся этымалагічныя слоўнікі. Значэнне ЛА, не зафіксаваных у лексікаграфічных крыніцах, вызначалася на падставе ўласнага лінгвістычнага вопыту.

Такім чынам, напрамак аналізу сувязі планаў выражэння і зместу заключаецца ў высвятленні таго, ці з'яўляецца інфармацыя, якая прачытваецца з апорай на гукавую форму матываванага знака, дастатковай для разумення яго значэння.

У выніку праведзенага аналізу намі былі вылучаны наступныя тыпы беларускіх складаных слоў. Прывядзем кароткае апісанне прапанаваных тыпаў.

1. Поўнасю матываваная кампазіта характарызуецца *высокай ступенню матываванасці*. Паміж планам выражэння і планам зместу ў іх назіраецца цесная сувязь, паколькі ў кампазіце адлюстраваны матывавальныя прыметы складаючых кампанентаў, якія аб'яднаны паміж сабой па адытыўнаму прынцыпу. Прынцып адытыўнасці быў сфармуляваны В. А. Плунгянам у адносінах да марфем, аднак можа быць, на наш погляд, спраецываны ў адносінах да кампанентаў складанага слова: "Точно также, как все <...> сегменты, не подвергаясь каким-либо существенным изменениям, соединяются в одну словоформу, все <...> смыслы без специальных дополнительных преобразований соединяются в одно целое, которое и является смыслом словоформы" (Плунгян, 2003, с. 39). М. В. Панов адзначаў, што "слова як цэлае амаль заўсёды значыць больш, чым яго часткі" (Панов, 2004, с. 68), і падкрэсліваў, што вытворнае слова характарызуецца дабаўленнем нейкай велічыні (Панов, 2004, с. 69). Такой велічынёй у дачыненні да поўнасю матываваных кампазітаў можна лічыць складаны сэнс вытворнай адзінкі. Лексічнае значэнне кампазіта выводзіцца з агульнамоўных значэнняў (як прамых, так і пераносных) яго складаючых кампанентаў, параўн.: *аграном-практык, жанчына-сялянка, завод-гігант, камень-валун, нябожчыкі-дзеці, палонны-ўцякач, паэт-рамантык, расцяроб-дзялянка, сын-партызан, трывога-журба, царква-крэпасць, шляхціц-эксплуататар, ягада-рабіна*. Значэнні кампанентаў (або іх пэўных лексіка-семантычных варыянтаў) абавязкова прысутнічаюць ў лексічным значэнні цэлага. Лексічныя адзінкі, якія належаць да данай групы, больш за ўсё карэлююць з суадноснымі сінтаксічнымі ўтварэннямі, аднак не тоесныя ім. У адрозненне ад сінтаксічнага ўтварэння пры аб'яднанні кампанентаў у слоўную адзінку назіраецца ліквідацыя асабовасці прымет кожнага асобна ўзятага кампанента і адбываецца камбінаванае абазначэнне складанай прыметы.

Рэалізацыя вылучаных характарыстык назіраецца, перш за ўсё, у кампазітах-назоўніках словаўтваральнага тыпу "слова + слова", сярод якіх можна вылучыць дзве асноўныя мадэлі ў залежнасці ад значэння кампанентаў кампазіта і семантычных адносін паміж імі.

Перш за ўсё, складанасастаўныя назоўнікі дэманструюць мадэль складання, кампаненты якога ў агульнамоўным прамым або пераносным значэннях суадносяцца паміж сабой як узаемазамяняльныя і імпліцытна змяшчаюць прэдыкатыўныя адносіны. Лексічныя адзінкі характарызуюцца складаным сэнсам (увасабляюць складаную прымету), дзякуючы суме значэнняў складаючых кампанентаў, параўн.: у ЛА *аграном-практык* аб'ядноўваюцца семы 'прафесія' → *аграном* 'спецыяліст у галіне аграноміі; арганізатар сельскагаспадарчай вытворчасці' (ТСБМ¹, I, с. 106) і 'дзеясць' → *практык* '1. Той, хто добра вывучыў сваю справу на практыцы' (ТСБМ, IV, с. 336) і г. д. Між іншым, у парадыгматычным плане паміж кампанентамі назіраюцца сінанімічныя адносіны: *акопчык-ровік, акушэр-гінеколаг, бык-тур, баразна-след, інжынер-машынабудайнік, камень-валун*. Кампаненты такіх складанняў могуць знаходзіцца ў рода-відавых адносінах паміж сабой: *акцёр-комік, безразначок-падлесак, вучоны-атамышчык, католік-селянін, франтавік-сяржант*.

Другую мадэль дэманструюць складаныя назоўнікі тыпу "слова + слова", дзе адзін кампанент з'яўляецца азначэннем у адносінах да другога, а паміж імі імпліцытна існуюць азначальныя адносіны. Напрыклад, кампазіт *аграмадзіна-хвоя* ўключае семы 'вялікі' → *аграмадзіна* 'Прадмет вельмі **вялікіх** памераў' (ТСБМ, I, с. 106) і 'хвоя' → *хвоя* '1. Вечназялёнае дрэва сямейства **хваёвых** з высокім прамым ствалом і доўгай ігліцай; сасна' (ТСБМ, V, 2, с. 191), што дае падставы ўспрымаць кампанент *аграмадзіна* як азначэнне да кампанента *хвоя*. Галоўны кампанент абазначае асобу або прадмет як носьбіт прыметы, а кампанент-азначэнне – яго характарыстыку на падставе а) знешніх якасцей: *асілкі-хлапцы, вокны-прадонні, вочкі-шыбы, дзяруга-перабіранка, завод-гігант*; б) унутраных якасцей: *аднакурснік-шалапут, вылюдак-князь, гарэза-хлопец, герой-самотнік, дзяўчо-гарэза, задзіра-ёрыш, казак-сом, круцель-чалавек*; в) функцыянальных уласцівасцей і дзеяння: *армячок-паддзёўка, браты-паляўнічыя, вецер-сватка, зямлянка-майстэрня, беларусы-ўцекачы, карміцелька-каза, муж-здраднік, паэт-барацьбіт, сват-п'янюга, смерць-збавіцелька, сябар-шаптун*; д) лакатыўных характарыстык: *афіцэр-тылавік, беларус-паляшук*; е) сацыяльных характарыстык: *браток-беларус, гандляр-яўрэй, дзеці-дэмакраты, дзяўчынка-немка, жанчына-сялянка, землякі-калгаснікі, рабочы-немец, селянін-католік*.

Асобна вылучаецца падгрупа кампазітаў, у якіх частка складанага слова можа ўяўляць сабой прагматычны кампанент, што ўжываецца з мэтай

¹ Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Рымскімі лічбамі абазначаны нумар тома, арабскімі – частка тома.

выражэння суб'ектыўнай ацэнкі: *анкеты-шманкеты, кляпень-сляпень, шчасце-багацце*.

Зрэшты, паміж кампанентамі кампазітаў, якія рэпрэзентуюць другую мадэль можна назіраць як азначальныя, так і прэдыкатыўныя адносіны адначасова. Прэдыкатыўныя адносіны выяўляюцца з прычыны таго, што кампанент-азначэнне можа выступаць у ролі кантэкстуальнага сіноніма. Тым больш, што кампаненты ўжываюцца ў сваіх агульнамоўных (прамых або пераносных значэннях). Напрыклад, кампанент *халасцяк* 'нежанаты мужчына' у кампазіце *дырэктар-халасцяк* можа выступаць у якасці кантэкстуальнага сіноніма да кампанента *дырэктар* 'кіраўнік прадпрыемства, якой-н. установы'. Параўн.: *Адаліна лічыла, што **дырэктар-халасцяк** павінен быў належаць ёй, самай пекнай, самай адукаванай: гаворыць па-англійску, па-нямецку, па-польску* (Шамякін, 1992, с. 310). З другога боку, выражэнне характарыстыкі, якасці, уласцівасці адным з кампанентаў не адмаўляе наяўнасці азначальных адносін. У прыведзеным прыкладзе *дырэктар-халасцяк* мае значэнне 'нежанаты дырэктар'.

Адзін з кампанентаў такіх складаных слоў можа з'яўляецца кантэкстуальным сінонімам у выніку семантычнага зруху (метанімізацыі або метафарызацыі). Параўн.: *асоба-міф, бары-акіяны, асілак-дуб, живот-ночвы, комін-шкілет, кнопка-носік, лапы-галіны, хмары-баранчыкі*. Напрыклад, кампанент *волат* 'перан. што-н. надта вялікіх памераў' у кампазіце *дуб-волат* можа з пэўнай агаворкай з'яўляцца кантэкстуальным сінонімам да кампанента *дуб* 'буйнае лісцевое дрэва сямейства букавых з **моцнай** драўнінай і пладамі жалудамі'. Адначасова выражаецца і параўнанне 'дуб як волат'. Параўн.: *Яна сама паказала <...> невялікую круглую палянку, дзе густа раслі, цягнуліся ўгору бярозкі, а на самай сярэдзіне ўзвышаліся два пракаветныя **дубы-волаты*** (Беларускія, 2000, с. 203).

Такім чынам, паміж кампанентамі-імянамі поўнаасцю матываваных складанняў назіраюцца раўназначныя адносіны або адносіны перасячэння (рода-відавья), у сувязі з чым абодва кампаненты выконваюць адну і тую ж функцыю (намінатыўную) і з'яўляюцца ўзаемазамяняльнымі пры пэўных умовах.

Асобна можна выдзеліць падгрупу складаных назоўнікаў з кампанентам-онімам: *Аўдоля-салдатка, Бяроза-рака, Васіль-сусед, Варлам-індзьянін, Волма-рака, Глушак-стары, Князь-возера, Крушына-паэт, Люба-Харытоніха, Міколка-паравоз, Міця-ляснік, Нібыто-Ігнат, Свіцязянка-Лідачка* і інш. Агульнае імя абазначае пры гэтым а) розніцу ў пакаленнях, у гадах, параўн.: *Антанюк-старэйшы, Глушак-малодшы*; б) унутраныя або знешнія якасці, параўн.: *Зайчык-штукар*, дзе *штукар* 'той, хто схільны да выдумак, хітрыкаў, махлярства; выдумшчык, жартаўнік'

(ТСБМ, V, 2, с. 403); *Хоня-гарэза*, дзе *гарэза* 'весьялун, дуронік, непаседа' (ТСБМ, II, с. 35); функцыянальныя ўласцівасці, параўн.: *Захарыха-знахарка*, дзе *знахарка* ад *знахар* 'лекар-самавучка, які карыстаецца уласнымі спосабамі лячэння: замовамі, травамі і пад.; шаптун' (ТСБМ, II, с. 500); в) звычкі (прывычкі), параўн.: *Хадосьчын бацька, якога за звычку да месца і не да месца ўстаўляць «нібыто» празвалі – Нібыто-Ізнат* (Мележ. 1987, с. 133). Кампанент-агульнае імя тыпу *салдатка, сусед, паэт, ляснік* можа таксама падкрэсліваць роднасныя, сацыяльныя, лакатыўныя і да т.п. адносіны ў дачыненні да асабовага імя, параўн.: *Аўдоля-салдатка, Міця-ляснік і інш.* Варта адзначыць выпадкі, калі такую функцыю выконваюць найменні, якія перайшлі з разраду асабовых у разрад агульных імён, дзякуючы імплікацыі адпаведных сем: *Свіцязянка* (сема 'месца'), *Харытоніха* (сема 'жонка') і інш. У такіх найменнях, як *Бяроза-рака, Волма-рака, Князь-возера*, дзе *Бяроза, Волма* – назвы рэк, *Князь* – назва возера, агульнае імя ўяўляе сабой таўталагічны кампанент, які абазначае родавае паняцце ў адносінах да імені асабовага.

Да поўнасцю матываваных складанняў адносяцца ЛА, утвораныя пры дапамозе скарачэння, паколькі іх структурная будова дазваляе атрымаць усю неабходную інфармацыю моўнага знака: *артмайстэрня, боепрыпасы, бронецягнік, ваенкамат, валвыканком, галоўбух, дзетдом, паўпрэдства, райцэнтр, сельгасустанова, сельсавет*. Пры аб'яднанні ў слоўную адзінку кампаненты словазлучэння характарызуюцца непранікальнасцю, а разам з тым і семантычнай спаянасцю.

Уласцівасцямі поўнасцю матываваных кампазітаў валодаюць складаныя назоўнікі, другі кампанент якіх – парадкавы лічэбнік: *гадок-другі, гадзіна-другая, месяц-другі, тыдзень-другі* і інш. Парадкавы лічэбнік, як здаецца, абазначае няпэўны прамежак часу.

Поўнасцю матываваныя кампазіты характарызуюцца свабодным утварэннем у маўленні.

2. **Часткова матываваныя** кампазіты вызначаюцца **сярэдняй ступенню матываванасці**: значэнне ўсяго слова суадносіцца са значэннем кампанентаў, але не роўнае іх суме. Значэнне вытворнай адзінкі атрымлівае паводле тэрміналогіі В. П. Ермаковай "сэнсавае прырашчэнне" (Ермакова, 1984). Сэнсавае прырашчэнне можна назіраць, як здаецца, пры далучэнні словаўтваральнага фарманта ў працэсе афіксацыі: *двухсэнсоўнасць, красамойства, разнатраўе, самазадаволенасць* і інш. В. І. Блінова звярнула ўвагу на тое, што фармантная частка слова выражае яго структурную матываванасць, якая звязана з увасабленнем ў ЛА класіфікацыйнай прыметы (Блінова, 2007, с. 51, 62), што і з'яўляецца, як

мы лічым, сэнсавым прырашчэннем у складаных. Часткова матываваныя кампазіты вылучаюцца разнастайнасцю словаўтваральных тыпаў.

Прырашчэнне сэнсу адбываецца за кошт словаўтваральнага фарманта ў кампазітах-назоўніках тыпу “аснова+аснова” і “аснова+слова”: а) утвораных на базе словазлучэнняў або іншых сінтаксічных канструкцый з дапамогай афіксальных сродкаў: *аднавясковец, бамбавоз, вадаспад, востраканечнік, жывёлагадоўля, землеўпарадкаванне, ікананісь, кніганоша, кулямёт, ледакол, лесагандляр, машынабудаўнік, мінамёт, навасёл, плытагон, самаахова, сухадрэвіны, танцпляцоўка, чарнасліў, шматлюддзе*; б) утвораных ад складанай асновы: *велікадушнасць, глыбакадумнасць, дзетдомавец, зубаскал, крыважэрнасць, кулямётчык, маладушнасць, Навагрудчына, немнагаслоўнасць, рэчаіснасць, штодзённасць*; в) са звязанымі іншамойнымі кампанентамі або афіксоідамі, паколькі яны рэалізуюць свае значэнні толькі ў спалучэнні з другімі ўтваральнымі асновамі: *авіябомба, авіяносец, агратэхніка, аўтабіяграфія, аўтамашына, аўтазавод, аэрадром, аэраплан, біяток, кіламетр, кубаметр, заатэхнік, мікрараён, радыёграма, радыёпрыёмнік, фатограф, фотаздымак, электрастанцыя, электрасхема*; г) з кампанентам (афіксоідам) *паў-*, таму што, як мы мяркуем, у сувязі з пераходам кампанента *паў-* у катэгорыю афіксоідаў адбываецца страта поўнай матываванасці і суадносны аб’ект рэчаіснасці не абавязкова ўяўляе сабой палову як ½ цэлага, параўн.: *паўвярсты* ‘палавіна вярсты’, *паўгадзіны* ‘палова гадзіны’, але: *паўвостраў* ‘частка сушы, якая з трох бакоў абмываецца вадой’ (ТСБМ, IV, с. 113), *паўзмрок* ‘няпоўны змрок; вельмі слабае асвятленне’ (ТСБМ, IV, с. 115). Такасама параўн.: *паўбохана, паўлусты, паўслова, паўсмерць, паўсотня, паўшубак* і г.д.

Уласцівасцямі часткова матываваных складанняў характарызуюцца канверсівы – субстантываваныя прыметнікі. Як вядома, пры пераходзе ў іншую марфалагічную катэгорыю ЛА атрымліваюць дапаўняльнае значэнне – катэгарыяльнае значэнне (прадметнасць, працэсуальнасць і г.д.), што, паводле нашага меркавання, можна таксама расцэньваць як прырашчэнне сэнсу. Параўн.: *Ён [Яўхім] хацеў сказаць што-небудзь **бесклапотна-жартаўлівае**, але Хадоська раптам прыпала да яго грудзей, горка, з глухім, поўным трывогі, адчаю стогнам зарыдала* (Мележ, 1987, с. 101). *Галоўнакамандуючы Духонін быў забіты салдатамі* (Караткевіч, 2008, с. 463]. *Ну вось, паглядзіш сёння, як на Пагосце даўгагрывыя арудуюць* (Беларускія, 2000, с. 166). Аналагічнае ўжыванне ў творах мастацкай літаратуры знайшлі складанні *касавокі [заяц], касалапы [мядзведзь], мараходнае [вучылішча]* і інш. Канверсівы захавалі празрыстую структуру і

матывавальныя прыметы кампанентаў, але з далучэннем дапаўняльнага сэнсу ілюструюць якасныя змены.

Матывавальныя прыметы захоўваюцца ў ЛА, утвораных у працэсе ўнівербацыі. Універбы характарызуюцца эліптычнасцю і імпліцытна змяшчаюць семы найменняў рэалій, паміж якімі яны дэманструюць адносіны ў аб'ектыўнай рэчаіснасці: *вужакалейка* 'вужакалейная чыгунка' (ТСБМ, I, с. 512), *саракапятка* 'гармата з калібрам ствала ў сорок пяць міліметраў' (ТСБМ, V, 1, с. 59), *двухколка* 'двухколая павозка' (ТСБМ, I, с. 161), *двухстволка* 'паляўнічая стрэльба з двума стваламі' (ТСБМ, I, с. 162) і інш.

Прырашчэнне сэнсу назіраецца і пры пры семантычных зрухах. Таму адзінкі, ЛЗ якіх у выніку семантычнага зруху значна адрозніваюцца ад ЛЗ складаючых кампанентаў, аднак не поўнаасцю страціла сувязь з матывавальнымі прыметамі (адпаведныя семы можна вылучыць і імпліцытна), могуць таксама кваліфікавацца як часткова матываваныя. Часам вытворнае слова змяшчае "нейкую нерэгулярную "дабаўку", якую немагчыма "вылічыць" з дапамогай стандартных семантычных правіл" (Плунгян, 2003, с. 46). У кампазітах, відавочна, такая "нерэгулярная дабаўка" – сэнсавае прырашчэнне – вылучаецца пры выяўленні імпліцытных сем ЛА.

Асобай увагі ў гэтым дачыненні заслугоўваюць ЛА з празрыстай структурнай будовай, але з зацеменнай семантыкай, параўн.: *асаед*, *глухамань*, *дабрабыт*, *злачын*, *злодзей*, *караед*, *летаніс*, *лубаед*, *ліхадзей*, *ліхалеце*, *насарог*, *просталюдзін*, *руканіс* і да т.п. Выразна бачна, што кампазіты ў пэўнай ступені захавалі прыметы аднаго або ўсіх кампанентаў. На падставе гэтых прымет яны ўжываюцца для наймення асобы, прадстаўніка жывёльнага свету, прадмета або з'явы. Так, *асаед* абазначае не проста 'той, хто есць восаў', а набывае ў выніку семантычнага зруху значэнне 'птушка'; параўн. слоўнікавую дэфініцыю *асаед* 'Драпежная птушка сямейства ястрабіных, якая жывіцца пераважна насякомымі, у прыватнасці восамі' (ТСБМ, I, с. 274). У дэфініцыі ЛА *глухамань* не прасочваецца значэнне другога кампанента, параўн.: *глухамань* 'Разм. Тое, што і глуш (у 1 – 3 знач.)' (ТСБМ, II, с. 57). Аднак у некаторых прыкладах можна назіраць, што слова ў сувязі з зацяменнем або частковай стратай матывавальных прымет спазнае пераасэнсаванне ў высокай ступені, што дае падставы адносіць іх да катэгорыі ідыяматызаваных кампазітаў, параўн.: *злодзей*, *летаніс*, *ліхадзей*, *ліхалеце*. Паколькі структура і ўнутраная форма разгледжаных кампазітаў застаюцца даволі празрыстымі, а матывавальныя прыметы поўнаасцю не страчаны і ўспрымаюцца рэцыпіентам, такога тыпу адзінкі адносяцца намі да часткова матываваных.

Часткова матываванымі можна лічыць складанія назоўнікі структурнага тыпу “аснова+аснова” і “аснова+слова”, у якіх матывавальныя прыметы абодвух кампанентаў захоўваюцца, а семантычны зрух цэлага складання садзейнічае таму, што вытворная ЛА суадносіцца з адным паняццем, але ўжываецца для наймення іншага дэнатата: *Бамбавоз, Цудатворац* (Мікалай), параўн.: *Шранка палонныя-палякі ахрысцілі Бамбавозам* (Брыль, 1989, с. 16); «Бог», як і тата, называецца Мікалай, а прозвішча яго – *Цудатворац* (Брыль, 1989, с. 53).

У выяўленых намі прыкладах часткова матываваных складаных назоўнікаў тыпу “слова + слова” можна зафіксаваць наступныя прырашчэнні сэнсу: ‘спецыялізаваная установа’: *беларусьфільм, хата-чытальня, сад-яслі, дом-музей*; ‘тытул, званне’: *генерал-фельдмаршал, обер-яфрэйтар, унтэр-афіцэр*; ‘артэфакт’: *сані-развалы, плашч-палатка, крэсла-канапа, крэсла-трон, мэбля-мадэрн, шкловалакно, жалезабетон*; ‘гатунак, натурфакт’: *бульба-скараспелка, папараць-кветка*; ‘статус’: *горад-герой, крэпасць-герой, мемарыял-крэпасць*; ‘народнасць, нацыянальнасць’: *татара-манголы*. Як сведчаць прыклады, назоўнікі-кампазіты тыпу “слова + слова” у адрозненне ад поўнаасцю матываваных складаных слоў з кампанентам-азначэннем (*волат-дрэва, кнопка-носік, лапы-галіны*), атрымліваюць дадатковы сэнс. У прыватнасці, яны абазначаюць від, мадэль і да т.п., параўн.: *боты-факстрот ‘мадэль ботаў’, шапка-кубанка, шапка-кучомка ‘від, мадэль шапкі’* і да т.п. Аднак нельга не адмаўляць дыфузнасць межаў некаторых адзінак, паколькі пры аналізе выразна выяўляецца, што многія складанні выконваюць як намінатыўную функцыю (частковая матывацыя), у тым ліку і ў выніку семантычнага зруху, так і характарызуючую (поўная матывацыя) адначасова. Напр., кампанент *кубанка* ў кампазіце *шапка-кубанка* можа пры пэўных умовах ужывацца замест *шапка*, дзякуючы метанімізацыі, паколькі кампанент *кубанка* змяшчае характарыстыку ‘від, мадэль шапкі’.

Сярод кампазітаў-назоўнікаў тыпу “слова+слова” вылучаюцца таксама тапонімы і антрапонімы, якія складаюцца з двух асабовых імён і адлюстроўваюць наяўнасць матывавальных прымет, але з’яўляюцца адным паняццем, адносяцца да аднаго рэферэнта: *Аўстра-Венгрыя, Багемія-Маравія, Жан-Ясь* і інш.

Факт частковай матываванасці можна канстатаваць у запазычаннях з іншых моў, такіх утварэннях, як *інфаркт-штрасе, лагеркамендатура, лагермарка, лейб-гвардыя, обер-лейтэнант, обер-яфрэйтар*. Іх частковая матываванасць, на наш погляд, грунтуецца на празрыстасці структуры і зразумеласці зместу цэлай слоўнай адзінкі (у працэсе яе адаптацыі ў мове-рэцыпіенце), дзякуючы зразумеласці зместу яе кампанентаў.

Некаторыя складанасастаўныя словы ўяўляюць сабой устойлівыя адзінкі і ўвайшлі ў лексічны фонд беларускай мовы: *абяцанкі-цацанкі, архэвістун, горад-герой, дом-музей, крэсла-канапа* і інш.

3. **Ідыяматызаваныя** кампазіты – утварэнні **з нізкай ступенню матываванасці**. Ідыяматычнасць складанага слова значыць, што яго значэнне не выводзіцца са значэнняў кампанентаў. У вытворнай ЛА семы складаючых кампанентаў (аднаго або ўсіх) або адсутнічаюць увогуле, або іх наяўнасць можа быць устаноўлена толькі ў працэсе этымалагічнага аналізу. Зварот да этымалагічнага аналізу з’яўляецца, як здаецца, мэтазгодным у сувязі з устаноўкай сучаснай навуковай парадыгмы на тлумачальнасць. Напрыклад, у ЛА *ваўкалак* ‘паводле паданняў — чалавек (часам мярцвяк), здольны абарочвацца ў воўка; пярэварацень’ (ТСБМ, I, с. 470), якую паводле структурнай будовы можна аднесці да кампазіта, дзякуючы першаму кампаненту. Значэнне ж другога кампанента зацёмнена, і не ўспрымаецца ўнутры кампазіта як аснова пэўнай ЛА. Толькі пры звароце да этымалогіі гэтага слова выяўляецца, што першая частка ўзыходзіць да *вълкъ* ‘воўк’, другая – да ц.-слав. *длака* ‘валасы, шэрсць’ (ЭСБМ² 1980, с. 76). Тым не менш, ні значэнне першага кампанента *вълкъ* ‘воўк’, ні другога *длака* ‘валасы, шэрсць’ не змяшчаюць у сабе значэнне ‘чалавек’, што і сведчыць аб зацёмненай семантыцы і высокай ступені ідыяматызацыі. Этымалагічнае апісанне дазваляе высветліць, што, напр., *живаніс* ‘1. Від выяўленчага мастацтва, які перадае прадметы і з’явы навакольнага свету пры дапамозе фарбаў. // Характар, манера мастацкага паказу, уласцівыя гэтаму віду мастацтва. 2. зб. Творы гэтага віду мастацтва: карціны, фрэскі і інш.’ (ТСБМ, II, с. 261) – гэта словаўтваральная калька з грэчаскай мовы (ЭСБМ, 1985, с. 255).

На сучасным этапе такія ЛА ўспрымаюцца як аднакаранёвыя і прадстаўляюць не толькі змяненне плану выражэння, але і плану зместу. Параўн.: *абібок, багадзельня, багамаз, беларус, Беларусь, вадохрышча, ваўкадаў, ваявода, галадранец, ліхаманка, Югаславія* і інш.

Другую падгрупу ўтвараюць адзінкі з празрыстай структурнай будовай, але з зацёмненай семантыкай (у высокай ступені) аднаго або ўсіх кампанентаў. Складаная будова (шматкаранёвасць) і адсутнасць сем кампанентаў у ЛЗ цэлага слоўнага ўтварэння характэрны для імён-натурфактаў: *белакапытнік, верхаводка, выразуб, казадой, сыраежка, чывранапёрка* і інш. У адрозненне ад аналагічных часткова матываваных адзінак, дэнататы, найменнем якіх служаць ідыяматычныя кампазіты, не характарызуюцца наяўнасцю прымет, адлюстраваных у іх кампанентах.

² Этымалагічны слоўнік беларускай мовы

Так, *сыраежку* 'ядомы грыб з пласціністай крохкай яркаафарбаванай шапкай' (ТСБМ, V, 1, с. 434) не ядуць сырой, а *белакапытнік* 'шматгадовая травяністая расліна сямейства складанакветных з духмянымі чырвонымі, бела-жоўтымі або брудна-пурпуровымі кветкамі' (ТСБМ, I, с. 363) не адлюстроўвае ніякай сувязі з белым капытам.

На падставе семантычнага зруху кампанентаў многія ідыяматызаваныя кампазіты служаць для абазначэння аб'ектаў рэчаіснасці (у большай ступені адушаўлённых) з мэтай вылучэння іх знешніх і ўнутраных якасцей: *беларучка*, *ветрагон*, *галаварэз*, *гарладзёр*, *дармаед*, *душагуб*, *душахват*, *жаўтароцік*, *прайдзісвет*, *пустабрэх*, *сэрцаед*, *чарадзей*, *чарнакніжнік*, *шкурадзёр*, *шыбайгалава* і да т.п. Да данай групы далучаюцца і вытворныя, базай якіх яны з'яўляюцца: *панібрацтва*, *дармаедства*, *душагубка* і інш. Як правіла, яны маюць асобы аксіялагічны статус – выражаюць разнастайныя эматыўна-ацэначныя адносіны, параўн.: *ветрагон* '1. Разм. *неадабр*. Легкадумны, пусты чалавек' (ТСБМ, I, с. 484); *прайдзісвет* 'Разм. Пранырлівы, лоўкі, хітры чалавек' (ТСБМ, IV, с. 329).

Таксама і рознага плану онімы (тапонімы, антрапонімы і інш.) праяўляюць схільнасць адносіцца да ліку адвольных (семантычна неабумоўленых) моўных знакаў: *Белаазёрск*, *Белабародзька* (*прозвішча*), *Белавежа*, *Бялыніцкі-Біруля*, *Бяроза-Картузская* (*лагер*), *Вялікдзень*, *Корсунь-Шаўчэнкаўскі*, *Крутагор'е*, *Салігорск*, *Светлагорск*, *Сівалан* (*прозвішча*), *Сівалоб* (*прозвішча*) і інш.

У якасці ідыяматызаваных правамерна разглядаць адзінкі – амонімы да адпаведных часткова матываваных, паколькі ў іх змесце страчана сувязь са значэннямі кампанентаў: *поўдзень* '1. Адзін з чатырох напрамкаў свету, супрацьлеглы поўначы' (ТСБМ, IV, с. 295); *поўнач* '1. Адзін з чатырох напрамкаў свету, супрацьлеглы поўдню' (ТСБМ, IV, с. 295), а таксама полісеманты, у якіх ідыяматычнасць праяўляецца ў адным з ЛСВ, параўн.: *лістапад* 'адзінаццаты месяц каляндарнага года' (ТСБМ, III, с. 50).

Не вызывае сумненняў ідыяматычнасць кампазітаў, якія ўвайшлі ў склад фразеалагічнага саставу беларускай мовы: *тары-бары*, *шахер-махер*, *шуры-муры*. Параўн.: *А ты... ты не павінна тут разводзіць з імі свае дурныя тары-бары* (Брыль, 1989, с. 179); *У вас там хтось шахер-махер Маслаку робіць, пасабляе!* (Мележ, 1989, с. 119); *Што, думаю, за ліха, ці не шуры-муры якія завёў тут мой Алесь Іванавіч* (Быкаў, 1972, с. 209).

Ёсць падставы ў якасці ідыяматызаваных кваліфікаваць народна-паэтычныя ўтварэнні тыпу *буяры-гусары*, *гуска-дружка*, *Канёк-Гарбунок*, *Плакса-вакса*, *Сарока-белабока* і да т.п.

Такім чынам, аснову ідыяматычнасці складаюць нявыражаныя кампаненты значэння. Ідыяматызаваныя ЛА характарызуюцца семантычнай

непрадкавальнасцю, нетыповасцю семантыкі, устойлівасцю і ўзнаўляльнасцю – атрыманням з памяці носьбітаў мовы ў гатовым выглядзе, а не ўтварэннем у момант маўлення. Перш за ўсё, ідыяматычнасць дэманструюць утварэнні, якія характарызуюцца адсутнасцю марфалагічнай чляннасці з прычыны зацеменнай структурнай будовы. Да ідыяматычных складанняў адносяцца толькі кадэфікаваныя адзінкі, інакш кажучы, адзінкі, якія знайшлі адлюстраванне ў лексікаграфічных крыніцах. Варта адзначыць, што складанні гэтага тыпу прадстаўлены невялікай колькасцю.

Вывады

1. У рамках праведзенага намі аналізу беларускамоўнага матэрыялу было выяўлена, што да поўнасцю матываваных кампазітаў-назоўнікаў адносяцца адзінкі структурнага тыпу “слова + слова”, радзей “аснова + слова”. Значэнне кампанентаў у складзе поўнасцю матываваных кампазітаў не дэактуалізуецца, захоўваецца без змяненняў. Як правіла, такія ЛА ўяўляюць сабой аказіянальныя ўтварэнні і ў вялікай ступені характарызуюцца свабоднай утваральнасцю ў маўленні.

2. Да часткова матываваных кампазітаў адносіцца абсалютная большасць адабраных намі ЛА. Як сведчыць аналіз, часткова матываваным адзінкам уласціва непрамае, абагульненае або спецыяльнае (тэрміналагічнае) значэнне. Перавага часткова матываваных адзінак тлумачыцца, перш за ўсё, тым, што на сённяшні дзень існуе дастаткова вялікая колькасць словаўтваральных мадэлей са сваёй структурай і семантыкай не толькі сярод афіксальных утварэнняў, але і сярод кампазітаў. У сувязі з гэтым абсалютная большасць кампазітаў данага тыпу характарызуецца ўстойлівасцю і ўзнаўляльнасцю і таму найчасцей пераходзіць у склад кадэфікаваных адзінак. Кампазіты-назоўнікі структурнай будовы “слова + слова” з’яўляюцца відавочнымі паняццямі ў адносінах да галоўнага кампанента, уяўляюць сабой тапанімічныя і антрапанімічныя найменні, адзінкі тэрміналагічнага характару і запазычаныя з ярка выражанай марфемнай чляннасцю (шматкаранёвасцю). Часткова матываваныя кампазіты тыпу “аснова + слова” і “аснова + аснова” атрымліваюць прырашчэнне сэнсу за кошт словаўтваральнага значэння і семантычных зрухаў. Часткова матываваныя кампазіты тыпу “аснова + слова” часта змяшчаюць імпліцытныя семы.

3. Уласцівасцю ідыяматызаваных кампазітаў з’яўляецца іх марфалагічная нечляннасць у сэнсе вылучэння шматкаранёвасці на сучасным этапе

і высокая ступень дэсемантызацыі кампанентаў, якая садзейнічае невывадзімасці значэння цэлай адзінкі з сумы значэнняў складаючых кампанентаў. У сувязі з гэтым, ідыяматызаваныя кампазіты кваліфікуюцца як устойлівыя і ўзнаўляльныя, і таму, за выключэннем некаторых адзінак, яны ўвайшлі ў лексічны фонд беларускай мовы. Што датычыцца суаднесенасці ідыяматызаваных кампазітаў і словаўтваральных мадэлей, было устаноўлена: мадэль “слова + слова” прадстаўлена фразеалагічнымі адзінкамі, часткай онімаў і народна-паэтычнымі ўтварэннямі. Да структурных мадэлей “аснова + слова” і “аснова + аснова” належаць кампазіты, а) ЛЗ якіх не адлюстроўвае матывавальныя прыметы (захоўваюцца імпліцытна або страчаны ўвогуле) складаючых кампанентаў пры захаванні празрыстай структурнай будовы; б) план выражэння якіх прыцярапеў змены і шматкаранёнасць можна устанавіць з дапамогай этымалагічнага аналізу.

4. Даная класіфікацыя не прэтэндуе на абсалютнасць, а з’яўляецца спробай семантычнай класіфікацыі кампазітаў для ўстанаўлення ўніверсальных і спецыфічных якасцей беларускіх кампазітаў. Складанае слова перш за ўсё з’яўляецца адзінкай намінацыі – лексічнай адзінкай з пэўным лексічным значэннем. А лексічнае значэнне, як сцвярджаюць лінгвісты, характарызуюцца асістэмнасцю, індывідуальнасцю і непаўторнасцю.

ЛІТАРАТУРА

- АПРЕСЯН, Ю. Д.: Избранные труды: в 2 т. Т.1: *Лексическая семантика*. Москва: Школа «Языки русской культуры»: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 472 с. ISBN 5-88766-043-0, 5-02-017906-X.
- БЛИНОВА, О. И.: *Явление мотивации слов: лексикологический аспект*. Москва: URSS Либроком, 2017. 208 с. ISBN 978-5-397-05696-0.
- БЛИНОВА, О. И.: *Мотивология и ее аспекты*. Томск: Издательство Томского университета, 2007. 394 с. ISBN 5-7511-1941-X.
- БУКЧИНА, Б. З. – КАЛАКУЦКАЯ, Л. П.: *Сложные слова*. Москва: Наука, 1974. 151 с. Без ISBN.
- ВИНОКУР, Г. О.: *Заметки по русскому словообразованию*. In: Избранные работы по русскому языку. Москва: Учпедгиз, 1959. 492 с. Без ISBN.
- ГОЛЕВ, Н. Д.: *О принципах номинации и методах их исследования*. In: Лингвистика. Теоретические вопросы русского языка и его говоров: материалы научной конференции, посвященной 50-летию образования СССР. Вып. 5. Томск: Издательство Томского государственного университета, 1972. с. 94 – 99. Без ISBN.
- ЕРМАКОВА, О. П.: *Лексические значения производных слов в русском языке*. Москва: Русский язык, 1984. 151 с. Без ISBN.

- КУБРЯКОВА, Е. С.: *Типы языковых значений: семантика производного слова*. Москва: URSS, Либроком, 2009. 198 с. ISBN 978-5-397-00703-0.
- КУБРЯКОВА, Е. С.: *Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа)*. In: Язык и наука конца XX века. Москва: РГУ, 1995, с. 144 – 238. ISBN 5-7281-0018-X.
- МЕШКОВ, О. Д.: *Словосложение в современном английском языке*. Москва: Высшая школа, 1985. 187 с. Без ISBN.
- ПАНОВ, М. В.: *Труды по общему языкознанию и русскому языку*. Т 1. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 568 с. ISBN 5-9551-0034-2.
- ПЛУНГЯН, В. А.: *Общая морфология: Введение в проблематику*. Учебное пособие. Москва: Едиториал УРСС, 2003. 384 с. ISBN 5-354-00314-8.
- СОССЮР, Ф.: *Труды по языкознанию*. Москва: Прогресс, 1977. 695 с. Без ISBN.
- СТЕПАНОВА, М. Д. – ФЛЯЙШЕР, В.: *Теоретические основы словообразования в немецком языке*. Москва: Высшая школа, 1984. 263 с. Без ISBN.
- СТЕПАНОВА, М. Д.: *Методы синхронного анализа лексики: на материале современного немецкого языка*. Москва: Едиториал УРСС, 2004. 199 с. ISBN 5-354-01015-2.
- ТЕЛИЯ, В. Н.: *Идиоматичность*. In: Русский язык. Энциклопедия. Москва: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. с.145. ISBN 5-85270-248-X; ISBN 5-7107-1455-0.
- УЛУХАНОВ, И. С.: *О степенях словообразовательной мотивированности слов*. In: Вопросы языкознания, 1992, 5, с. 74 – 89. ISSN 0373-658X.
- ХАРИТОНЧИК, З. А.: *О правилах в системе словообразования*. In: Вопросы словообразования и номинативной деривации в славянских языках. Материалы III республиканской конференции. Гродно: Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, 1990, с. 135 – 143. Без ISBN.
- FLEISCHER, W. – BARZ, I.: *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. Berlin: De Gruyter Studium. Edition, 4. Publisher, Walter de Gruyter, 2012. 484 S. ISBN 78-3-11-025665-9.
- ZEMSKAJA, E. A.: *Vidy semantičeskich otnoženij slovoobrazovatel'noj motivacii*. In: Wiener slawistischer Almanach, 1984. 13. S. 337 – 348. ISSN 0258-6835.

КРЫЊІЦЫ МАТЭРЫЯЛУ

- Беларускія апавяданні*. Мінск: ГА Беллітфонд, 2000. 251, [5] с. ISBN 985-6376-07-5.
- БРЫЛЬ, Я.: *Птушкі і гнёзды: Кн. адной маладосці: Раман*. Мінск.: Мастацкая літаратура, 1989. 352 с. ISBN 5-340-00583-6.
- БЫКАЎ, В.: *Сотнікаў. Абельск. Аповесці*. Мінск.: Мастацкая літаратура, 1972. с. 181 – 264. Без ISBN.
- КАРАТКЕВІЧ, У.: *Зямля пад белымі крыламі*. In: Дзікае паляванне караля Стаха: аповесць; Зямля пад белымі крыламі: нарыс. Мінск: Мастацкая літаратура, 2008. с. 257 – 492. ISBN 978-985-02-0967-2.
- МЕЛЕЖ, І.: *Людзі на балоце*. Мінск.: Юнацтва, 1987. 388с. Без ISBN.

ШАМЯКІН, І.: *Выбраныя творы*: у 3 т. Т. 2.: Снежныя зімы. Раман; Гандлярка і паэт: Аповесць. Мінск: Мастацкая літаратура, 1992, с. 5 – 350. ISBN 5-340-00793-6.

СЛОЎНІКІ

Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т.: АН БССР, Інстытут мовазнаўства імя Я. Коласа. Мінск: БелСЭ, 1977 – 1984. Т. 1 – 5. Без ISBN.

Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Інстытут мовазнаўства імя Я. Коласа. Т. 2. Мінск: Навука і тэхніка, 1980. 344 с. Без ISBN.

Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Інстытут мовазнаўства імя Я. Коласа. Т. 3. Мінск: Навука і тэхніка, 1985. 408 с. Без ISBN.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ В РУССКОЙ РЕЧИ БЕЛОРУСОВ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВ С КОМПОНЕНТОМ АГРО-)

Ольга Горицкая

Минский государственный лингвистический университет, Минск
(Беларусь)

LEXICAL INNOVATIONS IN RUSSIAN SPEECH OF THE BELARUSIANS: SOCIOCULTURAL ASPECTS

Abstract: This paper uses data from the General Internet-Corpus of Russian and other sources to study frequency, semantics and pragmatics of new words with agro- in Belarusian variety of Russian. The author demonstrates that these neologisms are usually pragmatically marked (ironic or negative) and reflect social and cultural issues (primarily stereotyped ideas about Belarusians as a rural nation).

Key words: pluricentric language, national variety, Russian in Belarus, neologisms, semantics, pragmatics, sociolinguistics

Постановка задач

Не раз высказывалось мнение о том, что русскоязычные белорусы более консервативны и менее склонны к языковой игре и словотворчеству, чем россияне. Так, например, Б. Ю. Норман в статье о русском языке в Беларуси отмечает: «Словообразовательные процессы протекают здесь [в белорусской разновидности русского языка – О. Г.], можно сказать, несколько заторможено, без той смелости, которая присуща русскому языку метрополии» (Норман, 2010), см. также (Ровдо, 2002). Подобные наблюдения можно встретить не только в лингвистических работах. Приведём пример из СМИ: *И несчастный доцент [из Беларуси – О. Г.] понимает, как несвободна его школярски правильная речь в сравнении с вольным говором уроженцев России. Он всего лишь правильно говорит и пишет по-русски, а они – пользуются русским языком как своей личной собственностью, изменяют и творят его. Потому что свободное владение языком – это и есть способность к речевому творчеству на грани нормы и полунормативного (ненормативного) узуса, а то и распространённой речевой ошибки. Сухая филологическая грамотность – смерть языка, лишённого питательной среды живой и не всегда правильной речи* (kyku.org/opinion/post-dnia-russkii-kak-inostrannyi).

Тем не менее в русской речи жителей Беларуси возникают новые слова, что свидетельствует о развитии данного идиома, и эти языковые факты необходимо ввести в научный оборот. Так, например, в XXI веке в речи жителей Беларуси появились новые лексемы с компонентом *агро-*. Приведём пример: *Думаю, каждый, кто интересовался белорусской недвижимостью, встречал множество квартир в стилистике «агрогламур» – это такой весьма своеобразный стиль, который сложно с чем-то перепутать. Откуда он взялся? Если очень вкратце, то это стиль малокультурных, но состоятельных (чаще всего – внезапно получивших состояние) людей. Очень часто это жители периферии, переехавшие в город и там внезапно разбогатевшие. Агрогламур отличает желание сделать всё вокруг «па-багатаму»¹, уместив на минимальной площади максимальное количество «роскошеств»* (maxim-nm.livejournal.com/246061.html). Такие лексемы являются лексическими маркерами русской речи белорусов, см., в частности, наблюдения о частотности слов *агрозгородок* и *агроусадьба* в (Шайкевич – Савчук, 2014, с. 589).

Цель нашего исследования – выявить семантические и прагматические особенности новых лексем с компонентом *агро-* в русской речи жителей Беларуси. Лексика рассматривается в статье в социокультурном контексте.

Основным **источником материала** для исследования послужил Генеральный интернет-корпус русского языка (webcorpora.ru, далее – ГИКРЯ) (Беликов и колл., 2013; Piperski – Selegey – Sharoff, 2013). Использовался подкорпус «Живой Журнал» (далее – «ЖЖ»). Объём подкорпуса – 8 720 миллионов слов, белорусского сегмента – 291 миллион слов. Подкорпус отражает современную русскую речь достаточно молодых людей: почти все тексты, представленные там, датированы периодом с 2006 по 2013 гг., а большинство авторов родились с 1970 по 1990 гг. Кроме того, мы использовали базу «Интегрум» – электронный архив СМИ и других источников из различных стран, в которых говорят на русском языке, в т.ч. и из Беларуси, Национальный корпус русского языка (НКРЯ, ruscorpora.ru) и собственную картотеку, в которую входят примеры, найденные при помощи поисковых систем, а также собранные в ходе наблюдения над речевой практикой.

¹ Подобное графическое оформление используется, чтобы имитировать белорусско-русскую смешанную речь (т. н. трасянку), которая подвергается стигматизации и ассоциируется главным образом с представителями социальных низов, в первую очередь из сельской местности.

История слов с компонентом **агро-**

Лексема *агрозгородок*, с которой связано распространение лексических инноваций на *агро-* в русской речи жителей Беларуси, представлена в словаре новых слов и значений 1970-х годов, где даётся следующее толкование: 'сельский посёлок с условиями быта, приближающимися к городским' (НСЗ, с. 41). В НКРЯ есть и более ранние контексты с вариантом *агрозгород*. Приведём пример из романа о коммунистическом будущем СССР: – *Нет лучшего, – сказала Кира, – нет более интересного, чем работа в агрозгородах... Я в прошлом году четыре раза работала в агрозгородах. В этом году тоже два раза. Если я ночью узнаю о требовании на рабочую силу в агрозгородах, то могу вскочить с постели и побежать к распределителю* (Я. Ларри. Страна счастливых [1931]). Слово *агрозгородок* в НКРЯ впервые фиксируется в тексте 1991 г., хотя очевидно, что оно использовалось в текстах и раньше. Лексем *агрозгородок* и *агрозгород* связываются с именем Н. С. Хрущёва, который в 1950-е годы говорил и писал о модернизации села, в т. ч. эти ассоциации представлены в современных публикациях, см., например, заголовок статьи: *Агрозгородки в Беларуси придумал Хрущёв* (charter97.org/ru/news/2010/4/18/28232).

НКРЯ, «Интегрум» и лексикографические источники демонстрируют, что слово *агрозгородок* не всегда имело белорусскую окраску. Она появилась только в XXI в., что было вызвано экстралингвистическими причинами. В Беларуси на 2005 – 2010 гг. было запланировано создание почти полутора тысяч агрозгородков. План был выполнен, поэтому частотность данной лексемы в текстах, созданных на территории Беларуси, закономерно является высокой. Кроме того, во второй половине 2000-х годов в Беларуси активно развивается сельский туризм, и, как следствие, в текстах начинает использоваться лексема *агроусадьба*. Вместе с распространением лексем *агрозгородок* и *агроусадьба* появились и другие слова с компонентом *агро-*:

В каждый агрозгородок, агрозгород и агромегаполис – по своей библиотеке (barick.livejournal.com/142085.html);

и этот... агрозгородок... с агроистами (настоящими)... (mithunchakra.livejournal.com/37371.html).

Чтобы выявить такие единицы, мы провели корпусное исследование.

Обнаружение лексических единиц с компонентом **агро-**

Вначале из подкорпуса «ЖЖ» ГИКРЯ были отобраны все лексем с первым компонентом *агро-*, которые встречаются в текстах пользователей из Беларуси. Поскольку нас интересовали новые лексем, мы исключили

из полученного списка единицы, представленные в словарях. В первую очередь мы ориентировались на электронный ресурс orfo.ruslang.ru, созданный на базе академического «Русского орфографического словаря» 2012 г. под ред. В. В. Лопатина и О. Е. Ивановой. Это объёмный лексикографический источник (более чем 200 000 единиц), в котором представлена в том числе и новейшая лексика. Так, слово *агрозгородок* зафиксировано в этом словаре, поэтому мы исключили его из выборки. Кроме того, мы не анализировали названия организаций и другие имена собственные (например, *Агропромбанк*).

Затем мы выделили слова, которые используются исключительно или преимущественно в Беларуси. Для этого при помощи ГИКРЯ мы проанализировали локализацию интернет-пользователей, использующих слово, начинающееся на *агро-*. В результате был сформирован список из 85 единиц, представленных в 251 контексте, при этом 96 вхождений приходится на лексему *агроусадьба*. Слово *агроусадьба* используется не только в Беларуси (73 %): в корпусе также представлено 28 контекстов (21 %) из России, 6 (4,5 %) из Украины и 2 (1,5 %) в других странах. В блогах пользователей, проживающих не в Беларуси, нередко обсуждаются белорусские реалии. Приведём один пример: *Так что часов через 11-12 мы уже были под Брестом, на гостеприимной агроусадьбе Аллы Поликарпчук в деревне Пески 1* (m.livejournal.com/read/user/midzu/286622).

Исследование показало, что большинство новых слов (67 из 85) зафиксированы в единичных контекстах, то есть интересующие нас единицы – это главным образом «одноразовые» игровые номинации. Кроме того, очевидно, что они известны не всем носителям русского языка из Беларуси.

Семантика и прагматика слов с компонентом *агро-*

Среди отобранных номинаций (85 единиц) было обнаружено некоторое количество нейтральных обозначений, например, *агроэкотуризм*, *агроэкоусадьба*, *агроту*. В подобных словах компонент *агро-* имеет одно из словарных значений: 1. Обозначает отнесённость чего-л. к землепользованию. 2. Обозначает отнесённость чего-л. к обработке земли, сельскому хозяйству; агрономический. 3. Обозначает связь чего-л. с почвой. 4. Обозначает отнесённость чего-л. к сельской местности (БТС, с. 28).

Однако большинство лексем в нашей выборке оказались прагматически нагруженными. Некоторые оценочные номинации употребляются неоднократно: *агроренессанс* (*агроренессансный*), *агрогламур* и *агротреш* (*агротрэш*). Примеры из СМИ и художественной литературы:

Здание не бросает вызов своей эклектичностью, не «кричит» о высоком достатке хозяев, не следует традициям привычного **«агроренессанса»**, а радуется выдержанным вкусом и уместным сочетанием камня и дерева (gomelnews.onliner.by/2014/09/16/francuz); На стенах – плохая копия Обри Бердслея, бар-стенд стилизован под *art nouveau* – короче, безвкусица и **агрогламур** с претензией (В. Мартинович. Мова).

Анализ выборки из ГИКРЯ показывает, что в блогах русскоязычных белорусов практически любое слово может присоединять к себе компонент *агро-*: *агрозвезда*, *агротворчество*, *агропиарщик*, *агропотребитель*, *агромилиция*, *агрорребёнок*, *агролюбовь* и т. п. Подобные лексемы с *агро-* выражают ироническое и/или пренебрежительное отношение белорусов к различным аспектам действительности. Таким образом, компонент *агро-* теряет связь с сельским хозяйством и сельской местностью и превращается в прагматический маркер. Ср. два контекста:

Израиль: *Молодой человек, раздающий нам на ферме указания на правах жителя фермы... не очень талантливый в сфере **агроискусства**...* (m.livejournal.com/read/user/rekka_sen/4615).

Беларусь: *Потрясающий шедевр **агроискусства**! Я не про песню, а вообще про всю эту вакханалию* (m.livejournal.com/read/user/sergzhur/17494).

Очевидно, что семантически и прагматически компонент *агро-* в рассматриваемых неологизмах близок словам типа *колхозник* (*колхозный*), *деревня* (*деревенщина*), *провинция* (*провинциальный*) и т. п., употреблённым в переносном значении. См. фрагмент из статьи, посвящённой агрогладуру: *Согласитесь, колхоз колхозом, в том самом понимании слова колхоз, с которым мы вышли из Советского Союза! Некрасиво, безвкусно, провинциально!* (people.onliner.by/opinions/2015/01/28/mnenie-142).

В нашей выборке представлены и плеонастические обозначения типа *агроколхоз* и *агропастораль*, демонстрирующие прагматикализацию компонента *агро-*. Присоединяется *агро-* и к белорусизмам, изначально прагматически нагруженным по сравнению с их русскими аналогами: *агрозмагар* (о белорусском оппозиционере), *агрозорка* (о звезде белорусской эстрады). Прагматику *агро-* ярко демонстрируют и тавтологические конструкции, в которых исследуемая языковая единица употребляется автономно, в качестве аналитического прилагательно-го: *Агрооппозиция – такая агро...* (lesnoi_slon.livejournal.com/1075044.html).

Кроме того, новые лексемы с *агро-* имеют эвфемистическое звучание. Эвфемистический потенциал префиксоида эксплицитно представлен и в высказывании белорусского президента о необходимости

преодоления негативной оценки всего связанного с деревней и сельским хозяйством: *Почему я их [агрогородки – О. Г.] предложил так называть. Знаете такое расхожее выражение: «Эй ты, колхоз, деревня»? Мы все с вами из села вышли, потому что города сожгли за две последние войны и весь Минск формировался сельскими жителями в своё время, особенно после войны. Так давайте нашим детям, которые живут в деревнях, нашим людям, которые ещё остались, создадим мало-мальски нормальные условия и психологически выведем их из этого. Я сам помню, когда я приехал студентом в университет, я там случайно оказался, все дети начальников были и из городов. Я чувствовал себя неудобно. Сейчас я, конечно, этого комплекса не имею. Да, я деревенский человек и не вижу в этом ничего плохого. Но тогда мне было как-то не по себе, психологически* (kr.by/online/news/915790).

Прагматическая нагрузка единиц с компонентом *агро-* становится и объектом метаязыковой рефлексии. В некоторых случаях носители языка протестуют против поверхностно-иронической оценки действительности, отражённой в неологизмах с компонентом *агро*. Примеры:

А давайте начистоту! – Страна у нас преимущественно аграрная? – Да! Тогда зачем слово «аграрный» пытаться наделять заведомо унижительным смыслом? (people.onliner.by/opinions/2015/01/28/mnenie-142).

забавны всё же те кто ездят в вильнюс только пожрать-попить, в икею и шмотки и любят презрительное «агрогламур». ребята. вы и есть агрогламур (twitter.com/krimhild1/status/778999779254738944).

Кроме того, компонент *агро-* имеет очевидную национально-культурную окраску, которая осознаётся носителями языка. Так, употребление одним пользователем экспрессивной лексемы с компонентом *агро-* вызвало комментарий: *да, в этом слове заложено столько белорусского* (m.livejournal.com/read/user/recoilby/12591/comments/p1). А белорусский фотограф С. Лескеть назвал один из своих фотопроектов *Агро*. Приведем фрагмент интервью:

«НН»: Ваша самая известная серия посвящена жизни в агрогородках. Почему?

СЛ: Это очень интересный феномен. Ведь агрогородки – фишка популистская, но она сработала. Я раньше думал, что люди из деревни будут только уезжать. Но нет, в агрогородках они живут, растят детей. И я захотел показать этих людей, как они видят жизнь, как они живут сами. В какой-то степени это портрет эпохи, антропологическое исследование.

«НН»: А что такое для вас сегодняшний агрогородок?

СЛ: С одной стороны, это состояние современной деревни, которая к нему сама шла, просто ей, может, немного помогли. А традиционная деревня уходит, умирает, нет преемственности. Сегодняшний сельчанин не живёт так, как его прадед. А с другой стороны, финансирование агрогородков сокращается. Эта эпоха вскоре тоже отойдёт. И я хочу это зафиксировать (nn.by/?c=ar&i=170764&lang=ru).

Понятно, что многие феномены, обозначаемые словами с компонентом *агро-*, не являются исключительно белорусскими. Приведём одну иллюстрацию: *Раздавленное предместье, вид с площади Свободы, с Немиги. Ему не место в центре города. Такой агроренессанс уместнее бы смотрелся под Баку или хотя бы на окраине Минска, но не в центре* (news.tut.by/otklik/307708.html). Однако наличие большого количества игровых экспрессивных номинаций с компонентом *агро-* в речи жителей Беларуси, а также прагматикализация префиксоида, превращение его в иронический маркер, указывает на то, что смыслы, которые выражаются словами с компонентом *агро-*, важны для жителей Беларуси.

Лексемы с компонентом *агро-* в кругу других лексических инноваций

Кроме лексем на *агро-*, в речи жителей Беларуси есть и другие неологизмы (в т. ч. семантические), которые обозначают феномены, непосредственно или опосредованно связанные с деревней и сельским хозяйством. Инновации из данной тематической зоны заслуживают внимания ввиду очевидного национального колорита.

В качестве синонимов слов *деревенщина* и *колхозник* (в переносном значении), помимо белорусизма *калгасник* 'колхозник', белорусы используют новые лексемы – *кэлх*, *кэлхарь* и др.: *О, нет. «Калгасниками» и «кэлхарями» лично я называю не тех, кто приехал из деревни. <...> «кэлхи» – это не место жительства. Это состояние души. Это те свиньи, которые сыпят мусор из окон. Те, кто паркуются на газоне. Те, кто курят свой самосад, мешая соседям жить. Те, кто хамят в ответ на мирную просьбу уйти с велодорожки... Короче, «калгасник» – это не по месту проживания. Это – по менталитету* (people.onliner.by/opinions/2016/09/08/mnenie-524).

В неформальной коммуникации русскоязычных белорусов в интернете, а иногда и в электронных СМИ особое значение имеет лексема **полкабана**: *Олицетворяет собой идеал каждого белоруса, указывая на житейскую смекалку и запасливость владельца. <...> Происходит от жалобы некоего жителя Минска на отключение электроэнергии*

и последовавшую за ним порчу хранимой половины туши кабана. Время появления – 2008 год или ранее (lurkmore.to/Полкабана). Приведём несколько примеров использования этой лексики в СМИ:

Репортаж: **«полкабана»** по-русски – на шопинг в Финляндию за икрой и легендарным качеством (people.onliner.by/2014/03/20/finka-3);

Беларуская² национальная идея – это хозяйственность и прагматизм, порядок и стабильность. Чтоб не было войны, чтоб **полкабана**, чарка и шкварка. И тут нечего стесняться. Эта национальная идея абсолютно другая, чем, например, у русских или у поляков. И это не плохо и не хорошо – это просто факт. Евразийское мессианство и космические корабли, бороздящие просторы вселенной (особенно в то время, как у тебя забор покосился, дети некормленные плачут и вообще ты сам в действительности лежишь на печи и мечтаешь) – это чуждо беларусу (belaruspartisan.org/blogs/cajcyс/16153/?fullversion=y).

В текстах о современной Беларуси специфическое значение имеет слово *Дожинки*. Сравним два определения этой лексики:

«Старинный обряд, отмечающий конец жатвы. Был известен у всех земледельческих народов, в частности у славян, немцев и др. В древности служил приёмом колдовства» (БСЭ, т. 8, с. 391).

Дожинки в Беларуси – «ежегодный “фестиваль-ярмарка тружеников села”, который проводится в Белоруссии с 1996 года. На фестивале награждают лучших работников агропромышленного комплекса республики. Официальную часть обычно открывает шествие почётных гостей, делегации областей, творческих коллективов» ([ru.wikipedia.org/wiki/Дожинки_\(фестиваль\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Дожинки_(фестиваль))).

В подкорпусе «ЖЖ» ГИКРЯ из 158 локализованных употреблений лексики *Дожинки* 97 (61 %) – в блогах из Беларуси. В российских текстах слово *Дожинки* редко встречается в контекстах о прошлом. Хотя в (БТС, с. 268) *Дожинки* называются *старинным русским праздником*, судя по блогам, сегодня россияне ассоциируют *Дожинки* с Беларусью и с Чехией. Приведём в качестве примера запись в блоге и комментарий к ней:

Побывал на первом в России **чешском празднике Дожинки** в Ботаническом саду. Это было грандиозное шоу! Таких эмоций я не испытывал уже очень давно!

² В современных текстах, созданных на территории Беларуси, в т. ч. в СМИ и научных публикациях, иногда используются некодифицированные графические варианты *беларус* и *беларус(с)кий* (Горицкая, 2014; Горицкая, 2017).

Сразу пришёл на ум **белорусский праздник Дожинки**. Но Беларуси, конечно, до них ещё далеко... (livejournal.com/read/user/shok_darvina/961509).

Для современной Беларуси Дожинки – важный социокультурный феномен, который не только широко освещается в СМИ, но и становится темой для научных исследований, см., например, (Стурейко 2013), и арт-проектов. У Жанны Капустниковой было две выставки (2013 и 2015 гг.) и альбом (2015 г.) под названием «Дажынкi», которые обозначаются как *агроромантический сериал* (xo-gallery.by/persons/artists/artists_22.html). Художница объясняет своё обращение к этой теме следующим образом:

Из огромного множества праздников на Земле праздник сбора урожая – пожалуй, самый важный, добрый и честный. Имеющий разные названия, испокон веков у всех народов и культур он несёт в себе общую и великую суть – уверенность в не зря потраченном труде и подведение его итогов. И даже если труд был тяжёлым, но результат его – очевиден, то он приносит радость, а уверенность рождает надежду и веру в лучшее завтра. Это придаёт жизни силу и смысл.

Мой кусок поля – это моя мастерская, а эта выставка – мои «персональные дожинки». Тему выбирала не я – она сама меня «выбрала». Меня, можно сказать – «внезапно настигла» национальная самоидентификация <...>.

На картинах живут, отдыхают и трудятся очень красивые, добрые белорусы. Молодые и не очень, большие и не очень, весёлые и не очень – ведь даже в раю, наверное, бывает грустно, не только в жизни... Но в нём есть место иронии и самоиронии, которых нам всем иногда не хватает, как солнца (jannakapustnikova.belorus.by/personal_exhibition_dajinki_03_10_2013).

Подобные проекты, как и новые лексемы с *агро-*, – это попытка материализовать и интерпретировать важные для белорусского общества смыслы. При этом и для языкового, и для художественного отражения явлений белорусской действительности характерна ирония (самоирония).

К вопросу о специфических картинах мира, отражённых в национальных разновидностях языков

На первый взгляд, в единицах, рассмотренных в данной статье, нет ничего специфически белорусского: большинство слов образованы от единиц русского языка при помощи характерных для него словообразовательных средств. При этом проанализированные единицы появились

и распространились в речи жителей Беларуси и, на наш взгляд, отражают особый взгляд белорусов на действительность, их внимание к определённым сторонам жизни. Мысль о том, что картины мира, отражённые в разновидностях русского языка, имеют специфику, уже звучала в научных публикациях: «Речь идёт в конечном счёте об организации особой системы ценностей и ассоциаций, отражающих не общерусскую, а “свою”, региональную картину мира» (Норман, 2010), см. также (Авина, 2004; Забашта, 2010; Сабитова 2014) о русском языке в других странах. Эта специфическая картина мира может проявляться не только в наличии особой лексики, но и в различной частотности слов в разновидностях русского языка, их сочетаемости, коннотациях, ассоциациях и т. п.

Беларусь часто считается аграрной страной, поэтому появление новых слов в этой тематической области неслучайно. Такое представление связано не столько с современными демографическими показателями (по данным переписи 2009 г., 74 % белорусов живут в городах³), сколько с вниманием к этой отрасли со стороны руководства страны и, как следствие, с широким отражением аграрной проблематики в СМИ. Кроме того, важно происхождение людей: урбанизация в Беларуси была достаточно стремительной, и поэтому у многих современных городских жителей сельские корни. Наконец, в Беларуси национальное до сих пор зачастую представляется как традиционно-крестьянское. Сельская проблематика оказывается важной и для классической белорусской литературы, что находит отражение в образовании. Вместе с тем у всего сельского обычно низкий престиж, см., к примеру, выше высказывание белорусского президента о слове *агрогогородок*. Новые слова, в т. ч. с *агро-*, позволяют проработывать эти сложные для общества проблемы.

Выводы

Таким образом, в русской речи белорусов появляются неологизмы, специфические для этого идиома, что свидетельствует о его развитии. Номинативная деятельность – это попытка осмыслить окружающую действительность и зафиксировать в лексических единицах социально значимые смыслы. Новые прагматически нагруженные лексемы из «аграрной» предметной области, в первую очередь слова с компонентом *агро-*, отражают рефлексию над стереотипными представлениями о белорусах как о сельской нации. В экспрессивных инновациях, рассмотренных в данной статье, воплощается ироническое видение действительности,

³ См. официальные данные: belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/respondent/1.1-0.pdf.

но за иронией скрываются размышления над важными социальными и культурными темами.

ЛИТЕРАТУРА

- АВИНА, Н. Ю.: *Язык русских в Литве: словообразовательные особенности*. In: Slavica Helsingiensia 24. Русскоязычный человек в иноязычном окружении, под ред. А. Мустайоки, Е. Протасовой. Helsinki: Helsinki University Press 2004, с. 136 – 142. ISBN 952-10-2265-5. ISSN 0780-3281.
- БЕЛИКОВ, В. И. и колл.: *Корпус как язык: от масштабируемости к дифференциальной полноте*. In: Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.), вып. 12 (19). Москва: Издательство РГГУ, 2013, с. 83 – 95. ISSN 2221-7932.
- БСЭ – Большая советская энциклопедия: в 30 т., т. 8. Москва: Советская энциклопедия, 1972. 592 с. Без ISBN.
- БТС – Кузнецов, С. А.: Большой толковый словарь русского языка. Санкт Петербург: Норинт 2000. 1536 с. ISBN 5-7711-0015-3.
- ГОРИЦКАЯ, О. С.: *Конкуренция графических вариантов в Интернете (на примере написаний белорусский, беларусский, беларуский)*. In: Вестник Минского государственного лингвистического университета, сер. 1. Филология, 2014, № 5 (72), с. 106 – 114. ISSN: 1819-7620.
- ГОРИЦКАЯ, О. С.: *Частотность и прагматика некодифицированных вариантов белорус и беларус(с)кий (на материале русскоязычной интернет-коммуникации)*. In: Эксплицитное и имплицитное в языке и речи. Тезисы докладов. Минск: МГЛУ, 2017, с. 145 – 147. ISBN 978-985-460-792-4.
- ЗАБАШТА, Р. В.: *Языковая вариативность и особенности номинативной системы украинского варианта русского языка*. In: Георусистика. Первое приближение. Симферополь: Антиква 2010, с. 75 – 86. ISBN 978-966-2930-58-0.
- НОРМАН, Б. Ю.: *Русский язык в современной Беларуси: практика и норма*. In: Русский язык, 2010, № 6. [Цит. 2017-09-10]. Доступно в интернете: http://rus.1september.ru/view_article.php?id=201000604.
- НСЗ – *Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов*. Под ред. Н. З. Котеловой. Москва: Русский язык 1984. 808 с. Без ISBN.
- РОВДО, И. С.: *Русский язык в Беларуси*. In: Русский язык: система и функционирование. Минск: БГУ, 2002, с. 46 – 51. ISBN 985-445-731-1.
- САБИТОВА, З.: *Русский язык в Казахстане: национальный вариант?* In: Slavica Helsingiensia 45. Инструментарий русистики: ошибки и многоязычие. Под ред. А. Никунласси, Е. Протасовой. Helsinki: Department of Modern Languages 2014, с. 208 – 217. ISBN 978-951-51-0565-3. ISSN 0780-3281.
- СТУРЕЙКО, С.: *«Дожинки» и архитектурное наследие: возможности и испытания для белорусских городов*. In: Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego, Prace Etnograficzne, 2013, tom 41, z. 2, s. 91 – 112. ISSN 0083-4351.

- ШАЙКЕВИЧ, А. Я. – САВЧУК, С. О.: *Анализ лексико-семантических особенностей региональной прессы (на примере газет Гродненского региона Беларуси)*. In: Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 13 (20). Москва: Издательство РГГУ, 2014, с. 585 – 597. ISSN 2221-7932.
- PIPERSKI, A. – SELEGEY, V. – SHAROFF, S.: *Big and diverse is beautiful: A large corpus of Russian to study linguistic variation*. In: Web as Corpus Workshop (WAC-8) 2013. [Cit: 2017-09-10]. Available on the Internet: www.webcorpora.ru/wp-content/uploads/2015/10/wac8-proceedings.pdf.

К ВОПРОСУ О ЧТЕНИИ ДЕТСКОЙ ПРОЗЫ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА ЮРИЯ ЯКОВЛЕВА)

Светлана Сергеевна Лапшина

Кафедра русского языка
Российского химико-технологического университета
им. Д. И. Менделеева,
Москва (Российская Федерация)

ON THE ISSUE OF READING CHILDREN'S STORIES AT THE LESSONS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE (ILLUSTRATED BY THE STORY OF YURY YAKOVLEV)

Abstract: The article focuses on the Russian literary text as one of the most important units with regard to teaching verbal communication to foreign students. Effective verbal communication is a well-known objective of the modern methodology of teaching Russian as a foreign language. In the article particular attention is paid to the role of authentic texts written by Russian children's writers, the methods of working with them in a foreign classroom, their linguistic value, and cultural and educational content that is displayed during oral practice. The article also presents the lesson plan aimed at reading an authentic literary text by a Russian children's writer in a foreign classroom. Eventually, the advantages, significance and possibilities of such work are shown. The activities of the lesson plan follow the traditional method of teaching reading which consists of three stages, and includes both tasks and keys to them.

Keywords: authentic literary text for children and teenagers, communication, classroom and extracurricular activities, pre-reading stage, reading, after-reading stage

В своей книге «Учимся учить» А. А. Акишина и О. Е. Коган называют метод коммуникативного обучения целой философией, которая демонстрирует совершенно новый подход к иностранному языку (Акишина – Коган, 2002, с. 25). Языку теперь отводится роль средства общения, зависящего и от говорящего, и от слушающего.

Современная методика преподавания русского языка как иностранного, опираясь на коммуникативный метод, наряду с решением учебных задач, предлагает в качестве основной цели практического языкового курса обучение речевому общению. В свою очередь, речевое общение – это обмен текстами, порождение и восприятие текстов. Важной составляющей речевого общения является результат этой деятельности, оформленный в виде устного/письменного текста (при порождении) или перекодированного (переведённого на наш внутренний язык) варианта

воспринимаемого текста, то есть, в виде проекции текста в сознании читателя или слушателя (при понимании). Таким образом, основная цель овладения иностранным языком, которой хотел бы достичь практически любой его изучающий, – это умение порождать тексты, максимально корректные с точки зрения норм, принятых в данном лингвосоциокультурном окружении, и умение адекватно понимать тексты на данном языке (Кулибина, 2012, с. 207). То есть овладение языком совсем не сводится к запоминанию языковых единиц и усвоению правил их сочетания. Это всего лишь элементарный, «подготовительный» уровень, а далее «индивидуальный речевой опыт каждого человека формируется и развивается в непрерывном и постоянном взаимодействии с чужими индивидуальными высказываниями. Этот опыт может быть охарактеризован как процесс освоения – более или менее творческого – чужих слов (а не слов языка)» (Бахтин, 1996, с. 460). «Все поступающие извне языковые впечатления органически вырастают в языковой мир личности» (Гаспаров, 1996, с. 15). З. А. Тураева, рассматривая эту проблему в ещё более глобальном аспекте, утверждает: «Текст способен изменить модель мира в сознании получателя. <...> Коммуникация – это вторжение в систему сознания реципиента, построение в его когнитивной системе определенной модели мира. <...> Таким образом, текст может обрести социальную силу» (Тураева, 1994, с. 105).

Если «освоение чужих слов» и «поступающих извне языковых впечатлений» – до некоторой степени закономерность усвоения языка, то есть это происходит независимо от того, учитываем мы, преподаватели, этот факт или нет, то каким же важным для всего учебного процесса и, главное, его результата оказывается выбор «чужих слов», иными словами – учебных текстовых материалов. И в этом смысле переоценить роль художественного текста в языковом учебном процессе нельзя (Кулибина, 2015, с. 9).

Однако продолжительное господство переводно-грамматического метода в преподавании русского языка как иностранного привело к тому, что во многих учебных пособиях тексты на русском языке были настолько адаптированы с целью раскрытия грамматического явления, что стали не только непознавательными и скучными, но и потеряли всякую связь с реальной речью, перестав быть средством обучения речевому поведению. В связи с этим необходимым видится возвращение на урок русского языка как иностранного аутентичного художественного текста в качестве одной из основных единиц обучения речевому общению, ведь только такой текст является «единицей коммуникации» (Колшанский, 2007, с. 90) и «средством общения» (Антипов и др., 1989, с. 74).

Опыт использования художественной литературы на языковых учебных занятиях в различных по возрасту, профессиональной подготовке и национальной принадлежности группах показывает, что художественный текст действительно обладает мощным лингводидактическим потенциалом: смысловое восприятие средств его языкового выражения, языковая рефлексия над ними не только даёт читателю определённые знания, но и учит тому, каким образом получить новые, помогает изучающему язык освоиться в новом языковом пространстве. Текст помогает воссоздать в условиях учебного процесса одну из самых естественных коммуникативных ситуаций – чтение книги и её обсуждение.

Особое место в ряду художественных текстов занимает современная детская литература. Необычайно ценным является языковое, культуроведческое и воспитательное содержание текстов для детей, особенно при работе с ними в иностранной аудитории. Ведь именно современные тексты для детей дают нам возможность познакомиться иностранных учащихся с живым русским словом, доступным нашим учащимся уже на начальном этапе обучения. Именно детские тексты посвящены важным философским проблемам, раскрываемым на простых жизненных примерах. И именно детские тексты способны решать воспитательные задачи в игровой форме, что так необходимо современному преподавателю в иностранной аудитории.

Качественное отличие детской литературы от литературы вообще состоит в каноническом способе художественного мышления, что необходимо для формирования эстетического восприятия русской литературы в целом у иностранных студентов. Автор детских произведений добровольно накладывает на себя определённые запреты и обязательства, что неизбежно приводит к определённому консерватизму литературы для детей, обуславливает специфику диалога: писатель выстраивает диалог с читателем с учётом различия уровней этического и эстетического восприятия. В свою очередь, каноничность мышления ведёт к воспроизведению наиболее популярных у читателя художественных форм. А в случае работы с иностранными студентами – к знакомству с этими типичными художественными формами. Несмотря на определённую консервативность мышления, язык детской литературы остаётся живым, что необходимо для лучшего восприятия и понимания русской речи иностранными слушателями. К характерным признакам детской литературы относится динамический сюжет и юмор, то есть иностранным читателям доступны самые простые формы комического. Острый, развивающийся сюжет этих текстов всегда привлекателен. Особая структура текста, диалогичность и надтекстовые элементы помогают читателю

лучше понять прочитанное. Иллюстрации, авторский комментарий к тексту служат своеобразным ориентиром для иностранного читателя, поскольку иностранный студент первые сведения получает не вербальным путём, а визуально и аудиально (Березовская – Шарафутдинова, 2015, с. 24).

Таким образом, доступность восприятия, простота изложения и все вышеперечисленные особенности позволяют художественным текстам, предназначенным детям, стать наиболее подходящим учебным материалом на уроках русского языка как иностранного даже элементарного уровня.

Для использования в качестве учебных текстов на уроках русского языка как иностранного целесообразно обращаться к так называемым «кратким» формам: сказкам, рассказам, новеллам и т. д. Для них характерны отчётливо прорисованные персонажи, ясная мысль, развитая в простой фабуле. Это обеспечивает доступность и лёгкость восприятия текстов. Чаще всего такая литература посвящена рассказу о знакомых вещах, близких людях, о природе. Читатель легче всего откликается на такие произведения. Они формируют положительный образ мира у иностранного студента. Доступность предлагаемых жанровых форм позволяет читателю лучше прочувствовать учебный материал, свободнее обращаться с ним. Занимательность сказки и рассказа, острота их сюжета вызывают у студентов живой интерес. Интерактивность анализируемых жанров позволяет сопереживать, требует от читателя соучастия в происходящем. Занимаясь реконструкцией текста, учащийся проявляет свои креативные возможности, становится сотворцом текста на языковом уровне. Сказка и рассказ представляют собой благодатный материал для актуализации различных аспектов изучения грамматики и лексики. Читатель переживает сказку или рассказ как живую ситуацию общения. Некоторые структурные и языковые особенности малых форм, такие, как, например, повторы, композиция, способствуют лучшему усвоению материала.

Нельзя, однако, забывать, что неадаптированные тексты художественной литературы, в том числе детской, требуют специальных форм работы с ними.

Невозможно не согласиться с Н. В. Кулибиной в том, что цель работы с текстами художественной литературы, как с единицами обучения речевому общению, на языковом учебном занятии — «обучение **самостоятельному** пониманию этих текстов», которые являются самостоятельными, так как «в них содержится всё, что необходимо для их понимания» (Кулибина, 2010, с. 176). При этом на материале художественного

текста решается ряд задач: практические языковые, практические речевые, страноведческие и даже воспитательные. «Разнообразные учебные задачи благодаря выделению основной цели – обучение пониманию текстов – непротиворечиво интегрируются в единый комплекс и, подчиняясь ей, параллельно решаются в процессе работы над текстом» (Кулибина, 2012, с. 210), в нашем случае над художественным текстом современного писателя для детей.

Восприятие художественного текста инофоном, оставаясь процессом смыслового художественного восприятия, характеризуется дополнительными особенностями, продиктованными как языковыми, так и экстралингвистическими причинами. Чтение иноязычного художественного текста в лингводидактических целях, то есть на языковом учебном занятии, может (или должно) быть организовано по модели соответствующего реального акта коммуникации (насколько это возможно). Недостаточно предложить учащимся оригинальный неадаптированный художественный текст, необходимо воссоздать на уроке процесс естественного общения читателя с книгой, то есть процесс чтения. Роль преподавателя при этом должна быть ключевой, но почти незаметной. Преподаватель должен уместными вопросами и заданиями направлять читательскую деятельность учащихся: «приводить в действие» механизм языковой когниции учащихся, активизировать их «способности разумного рассуждения» и т. п. Очень важно, чтобы учащиеся воспринимали свои действия не как выполнение упражнений, а как аутентичную коммуникативную деятельность – чтение художественного произведения. Таким образом, коммуникативный аспект работы над художественным текстом состоит в том, чтобы сохранить на уроке естественную ситуацию общения читателя с книгой, создать условия для его непосредственного контакта (диалога) с автором (через текст; Кулибина, 2015, с. 54). Главное для обучаемого – понимание текста, которое является результатом смыслового восприятия средств его языкового выражения, иными словами, условием успешности коммуникации является познавательная – когнитивная – деятельность читателя по освоению содержания текста.

При чтении текст предстает перед читателем прежде всего своей материальной формой в виде последовательности символов или знаков естественного языка. Однако целью чтения является, конечно, не восприятие букв или звуков, а понимание того, что за ними стоит, то есть предмета описания. Но этот предмет не дан непосредственно, он должен возникнуть в сознании реципиента в результате осмысления и понимания комбинаций этих знаков. Следовательно, применительно к тексту следует говорить как бы о двух этапах. Первый из них связан

с узнаванием материальных знаков и заканчивается, по мнению исследователей, восприятием текста на уровне слова как основной значимой единицы языка. На втором этапе осуществляется переход от образа языкового знака как материального объекта к образу его содержания. Оба эти этапа сопровождаются осмыслением, пониманием того, что воспринимается. Но понимание это различно: в первом случае оно связано с распознаванием, точнее узнаванием знаков, во втором – направлено на распознавание, или декодирование, информации, передаваемой комбинациями этих знаков. Оба этапа настолько слиты во времени, переплетены между собой, что это позволило считать происходящее единым процессом, назвав его «смысловым восприятием». Таким образом, когнитивным аспектом чтения художественной литературы является деятельность читателя, направленная, во-первых, на распознавание (узнавание) в тексте языковых знаков; во-вторых, на распознавание (осмысление) передаваемой ими художественной (образной) информации (Кулибина, 2015, с. 55).

Для смыслового восприятия художественного текста особенно важным является уяснение значения нового слова. На занятии с учащимися-инофонами самостоятельно определить значения новых слов помогают когнитивные стратегии (стратегии идентификации слова):

- анализ по частям речи;
- анализ корней и аффиксов;
- поиск родственных слов в родном языке;
- анализ сопровождающих предьявление слова картинок и жестов;
- догадка по текстовому контексту;
- опора на знания, связанные с темой текста;
- использование нескольких разных гипотез с последующим анализом и выбором лучшей;
- использование «здорового смысла»;
- поиск других слов в тексте, которые подтверждали бы гипотезу о значении незнакомого слова;
- поиск дефиниций или парафраз в контексте для проверки догадки о значении;
- использование толкового (однойязычного) словаря и др. (Кулибина, 2015, с. 57).

Однако в художественном тексте слово обычно используется в особой эстетической функции и правильнее говорить о нём как о словесном образе. Существенная часть смысла художественного текста передается автором читателю имплицитно, то есть открыто в тексте она не выражена,

но читатель (представитель той же, что и автор, этносоциолингвокультурной общности) восстанавливает при чтении и привносит в текст эти скрытые смыслы, благодаря чему и достигает адекватности его понимания. То есть когнитивная деятельность читателя, направленная только на идентификацию языковых значений, не обеспечивает полноценного смыслового восприятия художественного текста, но в условиях понимания художественного текста читателем-инофоном она нередко является необходимым условием (или основанием) успешности последующей деятельности читателя по восприятию скрытых образных смыслов, своего рода эстетической речевой деятельности.

В процессе смыслового восприятия результата художественного творчества – текста литературного произведения – деятельность читателя (в том числе и читателя-инофона) протекает в двух плоскостях: на понятийном и образном уровнях, оперируя то понятиями, то представлениями. В случае, если обучаемым неизвестна сама языковая единица, на базе которой возникает словесный образ, применяется одна (при необходимости – несколько) из стратегий идентификации, которые были описаны выше. После того, как значение соответствующей языковой единицы становится для обучаемых понятным, наступает черёд выявления её смысла, для чего могут быть использованы когнитивные стратегии выявления смысла словесного образа (подбор синонимов и анализ различий в их значениях, выявление смысла с опорой на художественный контекст, привлечение фоновых (экстралингвистических, внетекстовых) знаний для уточнения смысла словесного образа и т. д.), а также читательская рефлексия, при которой образы текста воссоздаются читателем на основе индивидуального жизненного опыта (Кулибина, 2015, с. 75).

Опираясь на методику традиционной работы над текстом в языковом учебном процессе, состоящую из трёх этапов, подробно разработанную и описанную Н. В. Кулибиной, предлагаем образец занятия на материале рассказа детского писателя Юрия Яковлевича Яковлева «Салют». Целесообразным видится проводить его в начале обучения первому сертификационному уровню владения языком. Органично также его включение в систему занятий, связанных с темой Великой Отечественной войны.

Важно помнить, что основная цель такого занятия – самостоятельное понимание учащимися художественного текста.

Урок «Читаем рассказ Ю. Я. Яковлева «Салют»

Запись на доске: Юрий Яковлевич ЯКОВЛЕВ (1922 – 1995 гг.)

САЛЮТ

Домашнее задание перед этим уроком.

Учащиеся должны заранее познакомиться с текстом о Дне Победы.

День Победы

День Победы – праздник победы СССР над нацистской Германией в Великой Отечественной войне в 1945 году, отмечается 9 мая. Нерабочий день в России и некоторых государствах на территории бывшего СССР.

Сегодня День Победы в войне над фашистской Германией является в России, бывших советских республиках и многих странах Европы одним из самых важных, трогательных и славных праздников.

В Берлинской операции 1945 года, которая стала завершающей в Великой Отечественной войне, были задействованы свыше 2,5 миллионов солдат и офицеров, 6250 танков и самоходных орудий, 7500 самолётов. Потери оказались огромными: по официальным данным, за сутки Красная Армия потеряла более 15 тысяч солдат и офицеров. Всего в Берлинской операции советские войска потеряли 352 тысячи человек.

9 мая 1945 года на Центральный аэродром имени Фрунзе приземлился самолёт «Ли-2» с экипажем А. И. Семенкова, который привёз в Москву акт о капитуляции фашистской Германии. А 24 июня на Красной площади в Москве состоялся Парад Победы.

В 1995 году 9 мая в Москве прошли два парада: на Красной площади (в пешем строю) и на Поклонной горе (с участием войск и боевой техники). С тех пор парады на Красной площади проходят ежегодно. В этот день традиционно встречаются фронтовики, в последние годы повсеместно волонтерами раздаются георгиевские ленточки, которые не только ветераны, но и молодёжь повязывают и носят как символ связи поколений и памяти о Великой победе. Также в этот день повсеместно проходят церемонии возложения цветов и венков к памятникам героям Великой Отечественной войны, проводятся различные мероприятия по чествованию ветеранов войны и работников тылового фронта, организуются праздничные концерты, уроки мужества в учебных заведениях, реконструкции сражений и многое другое, гремит праздничный салют.

День Победы Советского Союза над фашистской Германией в Великой Отечественной войне был и остаётся одним из самых почитаемых праздников как в России, так и в странах СНГ.

1 Предтекстовая работа

На этом этапе можно дать учащимся возможность самим подумать над названием текста, предположить содержание этого текста, учитывая проделанную дома работу.

- 1.1 Дома вы познакомились с некоторыми традициями празднования Дня Победы в нашей стране. Что вы узнали об этом празднике?
- 1.2 Какие чувства, по вашему мнению, вызывает этот праздник у россиян?
- 1.3 Расскажите о традициях празднования Дня Победы или другого подобного праздника в вашей стране.
- 1.4 Рассказ, который мы будем читать, называется «Салют». Предположите, о чём может быть текст с таким названием.

2 Знакомство с текстом

Преподаватель предлагает учащимся прочитать весь текст.

Салют

(1) Прохладным майским вечером отец и сын ждали салюта. Сын вскарабкался на подоконник, а отец стоял за его спиной и на всякий случай держал мальчика за лямку штанишек.

- Скоро? – нетерпеливо спрашивал мальчик и сильнее прижимался носом к стеклу.
- Скоро, скоро, – отвечал отец и посматривал то на часы, то на небо.
- Давай откроем окно, — предложил сын.
- Зачем?
- Чтобы лучше было слышно.
- И так услышим.

(2) Отец присел на край подоконника. Неожиданно мальчик повернулся к нему и спросил:

- А у дедушки была борода?
- Нет. Он был молодым.
- Разве дедушки бывают молодыми?
- Бывают... стало быть.
- А усы?
- Что усы?
- Усы у него были?
- Кажется, были.
- И винтовка была, – произнёс мальчик.

Отец удивлённо посмотрел на сына и спросил:

- Кто это тебе сказал... про винтовку?
- Знаю. А патроны он тебе дарил?
- У него не было патронов, когда он уходил на войну.
- Были. Надо было попросить. Ты не просил?

Отец ответил не сразу. То ли он подыскивал слова, то ли подумал, почему и в самом деле не просил патронов. Он сказал:

- Я плохо помню. Когда дедушка уходил, я был таким, как ты.

(3) Мальчик пропустил его объяснение мимо ушей. И снова спросил:

- А где дедушка?
- Он не вернулся с войны.
- Почему не вернулся?.. Ты напиши ему, пусть возвращается.
- Туда не ходит почта.
- А почтальоны... с толстой сумкой на ремне?
- Не ходят.
- Может быть, съездим за ним? В воскресенье?
- Туда не ходят поезда.
- Поедем на автобусе, а там пешком. Войну посмотрим.
- Войны давно нет.
- Когда дедушка вернётся?
- Никогда.
- Никогда – это долго?
- Долго.
- Подождём. Правда?

(4) – Понимаешь, какое дело, – дедушка погиб.

Как погиб?

- Фашист выстрелил в него, и он упал. Пуля попала в сердце. Вот сюда.

Отец показал, куда попала пуля, и мальчик долго рассматривал верхний карман пиджака, где отец держал палец. Потом он спросил:

- Давно?
- Ну да. Очень давно.
- Может быть, уже зажило, раз давно?
- Он уже умер.

(5) Отец долго не решался произнести это слово, но оно не произвело на мальчика никакого впечатления. И отец удивлённо смотрел на сына, словно дожидался, когда наконец слово „умер“ дойдёт до его сознания. Но мальчик как ни в чём не бывало барабанил пальцами по стеклу. Потом сказал:

- Все вернулись, и дедушка вернётся... попозже. Правда?
- Ничего ты не понимаешь.
- Понимаю, понимаю... Он без бороды, но патроны у него были.
- Сейчас салют начнётся. Смотри.

(6) Вдалеке громыхнули орудия, и тяжёлый раскат донёсся не до слуха, а ударил прямо в грудь. И сразу по тёмному небу с треском покатились разноцветные шаровые молнии. И в их коротком сиянии стремительно пронеслись призрачные стаи вспуганных голубей.

- Кто это стреляет? – спросил мальчик.
 - Солдаты.
 - Которые вернулись?
 - Разные.
 - А почему звенят стёкла?
 - Это бьют пушки.
 - С войны?
 - Из пригорода.
 - Нет, они бьют с войны, – стоял на своем мальчик. – Я точно знаю. И та белая ракета тоже с войны. Ты был на войне?
 - Нет, – ответил отец. – Я же был маленьким, как ты.
 - Вот ты и не знаешь, что пушки бьют с войны. Закрой глаза, лучше будет слышно. Бум! Бум! Это дедушка бьёт с войны.
 - Пусть будет по-твоему, – тихо сказал отец.
- Но мальчик не слушал его слов.
- Дедушка потому и не вернулся, чтобы бить из пушки, когда салют. Правда?
 - Правда.

(7) В комнате было темно. И только огни ракет на несколько мгновений освещали отца и сына то зелёным, то красным, то жёлтым светом. Над городом гремел салют. Но отец не следил за восходом ракет. Он смотрел на маленькую фигурку, прижавшуюся к стеклу, на сплюснутый нос и на широко раскрытые глаза. И отцу казалось, что глаза сына видят то, что он, взрослый человек, никогда не сможет увидеть: они видят войну, видят распалённые лица солдат и дедушку, который не вернулся с войны, чтобы бить из пушек, когда салют. (Яковлев, 1970, с. 3 – 4).

3 Притекстовая работа

Теперь можно приступить к главному этапу – пошаговой работе над текстом. Читая художественный текст по фрагментам, предлагаем учащимся ответить на вопросы и выполнить задания, с которыми они могут справиться самостоятельно; преподаватель лишь подсказывает, направляет их.

Возможные вопросы и задания к фрагменту (1):

- 3.1 С какими героями мы знакомимся в этом тексте? Что вы можете сказать о них?
- 3.2 Когда и где происходит действие рассказа?
- 3.3 Как вы думаете, что значит «вскарабкался на подоконник»? Подберите синоним к слову «вскарабкался»? Почему автор использует именно это слово?
- 3.4 Попробуйте предположить, почему герои рассказа ждут салют. Как вы думаете, какие эмоции они при этом испытывают?

К фрагменту (2):

- 3.5 О ком вспоминает мальчик в этот праздник – День Победы? Почему?
- 3.6 Каким ребёнок представляет дедушку? Какие черты в нём кажутся внуку наиболее важными? Как вы думаете, почему?
- 3.7 Что и почему удивляет ребёнка?
- 3.8 Зачем нужны винтовка и патроны? Почему мальчик так уверен, что у дедушки они были?
- 3.9 Как вы думаете, какие эмоции вызывают у отца вопросы сына? Почему он не может быстро ответить на них?

К фрагменту (3):

- 3.10 Попробуйте объяснить значение выражения «пропустил мимо ушей» или подобрать к нему синоним. Как вы думаете, почему ребёнок пропустил папино объяснение мимо ушей?
- 3.11 Что ребёнок узнаёт о дедушке?
- 3.12 В одном ли значении отец и сын используют глагол «не вернулся»? Как вы думаете, почему ребёнок в ответ на вопрос отца использует это слово в другом значении?
- 3.13 Что он предлагает сделать папе? Почему? Как вы думаете, как ребёнок представляет себе войну?
- 3.14 Почему отец прямо не говорит о том, что случилось с дедушкой?
- 3.15 Как ребёнок реагирует на сообщение о том, что ждать дедушку с войны надо долго? Как вы думаете, почему?

К фрагменту (4):

- 3.16 Назовите синоним слова «погиб» в этом же фрагменте и попробуйте объяснить разницу между этими синонимами.
- 3.17 Как погиб дедушка? Кто такой «фашист»?
- 3.18 Понимает ли ребенок значение слова «погиб»? Как вы думаете, почему?

- 3.19 О чём, по вашему мнению, думает мальчик, когда рассматривает место, где находится сердце?
- 3.20 Ребёнок спрашивает: «Может быть, уже зажило, раз давно?» Попробуйте объяснить значение слова «зажило». Определите часть речи и подберите синоним к слову «раз».
- 3.21 Какой ответ получает мальчик на этот вопрос? Легко ли было папе это сказать? Почему?

К фрагменту (5):

- 3.22 Как можно доказать, что папа очень волнуется за ребёнка, когда говорит, что дедушка умер? Что значат глаголы «решиться» и «произнести»?
- 3.23 Но это слово «не произвело впечатления». Вспомните, какое значение у этого устойчивого русского выражения. Приведите свои примеры с этим выражением.
- 3.24 Мальчик «как ни в чём не бывало барабанил пальцами по стеклу». Что делал ребёнок (попробуйте вспомнить однокоренное слово к глаголу «барабанил»)? Какие эмоции мальчик испытывает?
- 3.25 Почему, по вашему мнению, ребёнок так спокоен? Как он доказывает своё мнение о том, что дедушка вернётся? Как вы думаете, почему для него этих аргументов достаточно?
- 3.26 Почему, по вашему мнению, папа не объясняет и не доказывает сыну дальше, что дедушка не вернётся?

К фрагменту (6):

- 3.27 Перескажите начало фрагмента. Что описывает автор?
- 3.28 Какие звуки слышат герои?
- 3.29 Подберите однокоренные слова к авторским «орудия» и «громыхнуть». Опишите происходящее с помощью синонимов.
- 3.30 По какой причине стреляют?
- 3.31 Где стреляют? Что об этом думает мальчик? Почему автор использует слова «стоял на своём мальчик»? Как вы думаете, почему сын не хочет соглашаться с отцом?
- 3.32 Спорит ли отец с сыном? Как вы думаете, почему?

К фрагменту (7):

- 3.33 Почему отец не следит за салютом? Как вы думаете, какие чувства он испытывает, о чём думает и почему?
- 3.34 Как ребёнок смотрит в окно? Что может видеть этот ребёнок в отличие от отца? Как вы думаете, почему?
- 3.35 В конце этого этапа работы преподаватель предлагает учащимся прочитать рассказ целиком.

4 Послетекстовая работа.

В конце занятия можно обсудить с учащимися следующие вопросы: Какие чувства вызывает у вас прочитанный рассказ? Читали ли вы подобные произведения раньше? Если да, то были ли они похожи на этот рассказ? Подумайте, каким мы видим в этом рассказе отца, каким его показывает писатель, что отцу даёт этот разговор с сыном, как это связано с войной в жизни людей.

5 Домашнее задание (факультативно).

Можно попросить учащихся дома подготовить пересказ прочитанного текста от лица отца или сына.

Ключи к приведённым вопросам и заданиям:

- 3.1 Герои этого рассказа – отец и сын. Об отце мы ничего не знаем. Сын, скорее всего, ещё совсем маленький мальчик (маленького роста, нетерпеливый, любопытный, отец ему помогает).
- 3.2 Отец с сыном находятся дома, в квартире. Это майский вечер, вероятно, 9 мая, праздник – День Победы. В этот день всегда бывает праздничный салют. Поэтому герои, скорее всего, ждут праздничный салют.
- 3.3 Ребёнок смотрит в окно, а папа стоит за ним и держит его. Ребёнок низкого роста, поэтому подоконник для него высокий, ему, конечно, трудно влезть на него. Вскарabкался – это влез с трудом. Карabкаться – это лезть с трудом, а префикс вс- имеет значение наверх. Использование именно этого глагола помогает сконцентрировать внимание читателя на том, что ребёнок ещё совсем малыш.
- 3.4 Ребёнку очень интересно, он ждёт салют с радостью, с нетерпением; очень хочет быстрее увидеть салют, даже прижимается носом к стеклу и хочет открыть окно, чтобы лучше слышать.
- 3.5 Мальчик думает о дедушке, который участвовал в войне.
- 3.6 Он видит дедушку старым, с бородой и усами. Эти черты особенно важны, потому что в сознании маленького мальчика именно они делают человека старым и более мужественным.
- 3.7 Ребёнка удивляет, что дедушка был молодым, когда ушёл воевать. Конечно, его дедушка, отец его папы, был молодым человеком, когда ушёл на войну, он был таким, как сейчас отец этого мальчика, только юношей. Но ребёнку трудно это понять, потому что в его сознании слово «дедушка» всегда соотносится с

- пожилым человеком (обязательно с бородой и усами), он ещё мал и плохо оперирует понятиями времени. Ребёнок привык, что дедушки – это старые люди, так как в мирной жизни это нормально. Он ещё не знает, что такое война, что люди погибают на войне и многие солдаты погибают молодыми, даже детьми, не успевают постареть.
- 3.8 Винтовка и патроны нужны солдату, чтобы стрелять. Возможно, это детское понимание войны. У каждого солдата должны быть винтовка и патроны, даже если он ещё не на войне, а дома. Если дедушка – это старик с бородой, то солдат – это человек с оружием. Ребёнок спрашивает, дарил ли дедушка папе патроны. Как многие мальчики, он увлекается оружием, но не относится к нему серьёзно, для него это, может быть, только игра.
- 3.9 Отцу трудно и грустно отвечать на эти вопросы сына, так как дедушка – это его отец, которого он плохо помнит. Ведь этот человек был ребёнком, когда его отец ушёл на войну, он потерял своего отца ребёнком, не знал отцовской ласки и любви, слишком рано понял, что такое смерть, чего пока не понимает его маленький сын.
- 3.10 «Пропустил мимо ушей» – значит не слушал и не услышал, что папа объяснял. Так как ему интересно узнать о дедушке, он не думает, что чувствует папа, ему это сейчас не важно, главное спросить то, что интересно. Фразеологизм «пропустить мимо ушей» в русском языке разговорный, ироничный, имеет значение 'совершенно не реагировать на то, что говорится, на то, что сказано'. Как видим, мальчик из любопытства продолжает свои расспросы, не обращая внимание на объяснения отца.
- 3.11 Мальчик узнаёт, что дедушка не вернулся, не пришёл с войны.
- 3.12 Отец использует глагол в значении «умер, погиб», а сын в значении «ещё не приехал обратно». Дедушка погиб на войне, как многие солдаты, но мальчик не понимает этого. Он думает, что дедушка живёт в другом месте и просто не приезжает по каким-то причинам. Он ещё слишком юн, не знает, что такое война и смерть, невозможность вернуться домой с войны.
- 3.13 Мальчик предлагает написать дедушке письмо или поехать за ним, потому что ему кажется, что это игра, весёлое путешествие. Ему интересно посмотреть войну, как спектакль, представление. Он не понимает, как война страшна.

- 3.14 Отец щадит чувства ребёнка, сына, боится напугать и расстроить его столкновением с жестокой стороной жизни. Отцу и самому тяжело говорить об этом, потому что он скучает, скорбит по отцу.
- 3.15 Этот ребёнок хочет и готов ждать дедушку сколько нужно. Это значит, что он очень любит родных людей, что он всегда, как все дети, верит, что всё будет хорошо, что дедушка вернётся.
- 3.16 Погибает человек от неестественных причин, например, на войне, а умирает своей (естественной) смертью.
- 3.17 Дедушка был убит на войне пулей в сердце. Фашист – это немецкий солдат, он выстрелил дедушке в сердце, и тот погиб, то есть умер не своей смертью, его убили. Исторически фашист – это солдат гитлеровской Германии, уже потом последователь фашизма – идеологии, основанной на идее национального и расового превосходства. Можно попробовать обсудить с учащимися историческую и нравственную тему фашизма.
- 3.18 Этот ребёнок ещё не понимает, что такое «погиб» и смерть, так как, скорее всего, раньше он ещё не встречал смерть в своей жизни, не испытывал страшной душевной боли от потери близкого человека.
- 3.19 Он думает, что дедушка только заболел. Мальчик долго смотрит на это место, наверное, думает, сколько будут лечить дедушку.
- 3.20 Зажило – это прошло, вылечилось, не болит, а раз – это союз со значением «если». Мальчик спрашивает: «Может быть, дедушка уже здоров, если это было давно?» Один из омонимов «зажить» имеет значение ‘затянуться кожей, стать здоровым’. Из контекста действительно можно понять, что это антоним слова «заболеть» с такой же приставкой за- в значении начала действия.
- 3.21 Отец говорит, что дедушка умер, и волнуется за сына. Он не знает, как поймёт это ребёнок, что подумает.
- 3.22 Автор пишет, что он «долго не решался произнести это слово». Не решался – боялся, сомневался, был не уверен; произнести – сказать. Решиться – это после обдумывания избрать какой-либо способ действия; отважиться на что-либо. Произнести – сказать, выговорить вслух.
- 3.23 Ребёнок не волнуется и не боится, он спокоен, потому что сам ещё, наверное, не видел и не знает смерть. Книжный фразеологизм «произвести впечатление» имеет значение ‘вызывать, породить сильное чувство в ком-либо; оказывать воздействие на кого-нибудь’. То есть мы видим, что слово «умер» не затронуло чувств ребёнка, не взволновало его.

- 3.24 Глагол «барабанить» образован от слова «барабан». Мальчик бил, стучал пальцами по окну. Он не волнуется. «Как ни в чём не бывало» – это спокойно. Разговорное выражение «как ни в чем не бывало» имеет значение ‘словно ничего не случилось, не произошло; невозмутимо, спокойно’.
- 3.25 Мальчик верит в счастливый конец, он уверен, что все возвращаются с войны, поэтому дедушка тоже вернётся «попозже» – немного позже. У дедушки есть патроны, и этого достаточно, чтобы вернуться с войны. Ребёнок в силу своих детских представлений о войне и оружии, а также благодаря любви к деду и детской непоколебимой вере в хороший конец уверен, что дедушка вернётся.
- 3.26 Отец – взрослый человек, он понимает, что его сын – ещё ребёнок, хочет, чтобы он как можно дольше не встречался со смертью. И он предлагает ему смотреть салют, чтобы мальчик вспомнил о нём и забыл трудный разговор. Возможно, детская непоколебимость, уверенность и надежда сына влияют на отца, помогают его грусти, скорби стать светлее.
- 3.27 В начале фрагмента описан салют и выстрелы из ружей и пушек.
- 3.28 Герои слышат, как «громыхнули орудия, и тяжёлый раскат донёлся не до слуха, а ударил прямо в грудь».
- 3.29 Однокоренное к слову «орудие» – «оружие», а к слову «громыхнуть» – «гром». Герои слышат громкие выстрелы салюта, которые отдаются в их груди как гром.
- 3.30 Стреляют в память о героях войны.
- 3.31 Стреляют в пригороде, то есть недалеко от города. Но мальчик уверен, он точно знает (стоит на своём), что это «стреляют с войны», что это стреляет дедушка. А папа не понимает этого, потому что сам не был на войне. Это ещё раз подтверждает, что ребёнок не знаком с войной и смертью, он ещё мал. Но также автор показывает нам его веру и надежду на то, что дедушка жив, что он герой.
- 3.32 Отец не спорит с сыном, он говорит: «Пусть будет по-твоему» и «правда», чтобы мальчик продолжал верить, что его дедушка живой, потому что отец очень любит сына.
- 3.33 Отец не смотрит салют, он смотрит на сына, который с помощью своей фантазии и веры может «видеть» то, что не может видеть сам отец. Автор специально использует словосочетание «маленькая фигурка», чтобы показать отношение отца к сыну, к этому маленькому мальчику, детство которого взрослый, рано потерявший отца, папа хочет сохранить. Возможно, он видит в своём

сыне и маленького себя, вспоминает своё детство и отца, ушедшего на войну. В этой «маленькой фигурке», по мысли автора, вероятно, соединены все дети войны, целое поколение, потерявшее на войне отцов и дедов.

- 3.34 «Маленькая фигурка» – это сын, он прижался к стеклу, внимательно смотрит салют, широко открыл глаза, потому что ему очень интересно и нравится. Глаза ребёнка в отличие от глаз взрослого могут «видеть» войну, людей, которые, как его дедушка, не вернулись с войны, чтобы стрелять из пушек, когда салют. Потому что он ещё маленький и не знает все стороны жизни, как его отец. Он верит в хорошее, в добро, поэтому он легко может поверить, что дедушка не умер.

Всё вышеизложенное подтверждает, что работа по предложенной методике действительно не требует от обучаемого каких-то специальных филологических углублённых знаний, поэтому урок может быть включён в систему занятий в иностранной аудитории первого сертификационного уровня владения языком нефилологического профиля. Эта работа ориентирована на понимание, а не на анализ текста, что и служит лучшим средством для достижения поставленной нами цели – обучения речевому общению. При этом предтекстовая работа направлена на то, чтобы заинтересовать читателя, сделать так, чтобы учащемуся самому захотелось прочитать текст; притекстовая работа моделирует естественную деятельность читателя, встречаемые трудности (в основном лексические) преодолеваются с применением когнитивных стратегий, в том числе языковой догадки, с использованием рефлексивного механизма. В процессе чтения единицы художественного текста – словесные образы – преобразуются в сознании читателя в читательские представления, которые могут быть зрительными, слуховыми, осязательными и т. д. У каждого читателя свои собственные представления, поэтому задача преподавателя состоит в пробуждении творческой активности читателя. Эту цель позволяют достичь задания, предлагающие читателю-инофону представить то, о чём он читает, и описать возникающие в воображении образы – представления. Подобная работа побуждает читателя к эмоциональному переживанию и эстетическим эмоциям. Вся деятельность, таким образом, направлена на самостоятельную работу читателя-учащегося.

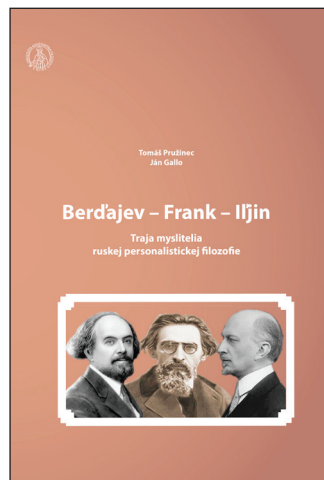
ЛИТЕРАТУРА

- АКИШИНА, А. А. – КОГАН, О. Е.: *Учимся учить*. Для преподавателя русского языка как иностранного. Москва: Рус. яз. Курсы, 2002. 256 с. ISBN 5-88337-044-6.
- АНТИПОВ, Г. А. – ДОНСКИХ, О. А. – МАРКОВИНА, И. Ю. – СОРОКИН, Ю. А.: *Текст как явление культуры*. Новосибирск: Новосибирское отделение издательства Наука, 1989. 197 с. ISBN 5-02-029125-0.
- БАХТИН, М. М.: *Собрание сочинений в 7 томах*. Т. 5.: Работы 1940-х – начала 1960-х годов. Москва: Русские словари, 1996. 732 с. ISBN 5-89216-011-4.
- БЕРЕЗОВСКАЯ, Я. Л. – ШАРАФУТДИНОВА О. И.: *Русский язык как иностранный. Чтение: учебное пособие*. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2015. 135 с. [Цит. 2018-09-22]. Доступно в Интернете: <http://ilic.susu.ru/wp-content/uploads/2017/09/RUSSKIY-YAZYK-KAK-INOSTRANNYIY-CHTENIE.pdf>.
- ГАСПАРОВ, Б. М.: *Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования*. Москва: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с. ISBN 5-86793-020-3.
- КОЛШАНСКИЙ, Г. В.: *Коммуникативная функция и структура языка*. Москва: Издательство ЛКИ, 2007. 176 с. ISBN 978-5-382-00091-6.
- КУЛИБИНА, Н. В.: *Сборник лекций и методических материалов по проблемам преподавания русского языка*. Москва: Издательство ИКАР, 2010. 252 с. ISBN 978-5-7974-0238-1.
- КУЛИБИНА, Н. В.: *Текст как ресурс обучения речевому общению на уроках русского языка как иностранного/неродного*. In: *Тексты лекций и образцы уроков (для преподавателей русского языка как иностранного)*. Выпуск 1. Москва: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2012. 372 с. ISBN 78-5-98269-113-2.
- КУЛИБИНА, Н. В.: *Зачем, что и как читать на уроке. Художественный текст при изучении русского языка как иностранного*. Санкт-Петербург: Златоуст, 2015. 208 с. ISBN 978-5-86547-897-3.
- ТУРАЕВА, З. А.: *Лингвистика текста и категория модальности*. In: *Вопросы языкознания*. Москва: Российская академия наук, 1994, № 3, с. 105 – 114. ISSN 0373-658X.

ИСТОЧНИКИ

- Фразеологический словарь современного русского языка*. Ю. А. Ларионова. Москва: Аделант, 2014. 512 с. ISBN 978-5-93642-359-8.
- ЯКОВЛЕВ, Ю. Я.: *Позавчера была война*. Москва: Молодая гвардия, 1970. 85 с. [Цит. 2018-07-24]. Доступно в Интернете: <http://www.rulit.me/books/pozavchera-byla-vojna-download-free-293542.html>.

PRUŽINEC, T. – GALLO, J.: *Berdajev – Frank – Iljin. Traja myslitelia ruskej personalistickej filozofie*. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, Filozofická fakulta 2018. 104 s. ISBN 978-80-558-1283-0.

Traja ruskí filozofi

Monografia T. Pružinca a J. Galla, ako napovedá samotný názov, je venovaná trom osobnostiam ruskej filozofie konca 19. a prvej polovice 20. storočia. Publikácia svojím zameraním, dedukovaným už z názvu naznačuje, že jej cieľom nie je sledovať peripetie života spomenutej trojice filozofov, ale v popredí je zameranie sa na ich osobnú filozofiu. T. Pružinec v úvode poznamenáva, že každý z nich by si zaslúžil svoju vlastnú monografiu, čím by sa však nenaplnil cieľ autorov monografie, a to zameranie na personalistické východiská. Týmto autor súčasne určil nielen jej rozsah, ale aj obsahové priority.

Filozofická tvorba Berdajeva, Franka a Iljina by si zaslúžila rozsiahlejší úvod, podrobnejší rozbor podstaty myslenia ruského človeka,

a napokon, aj podrobnejšiu analýzu filozofického prístupu. V texte absentuje vysvetlenie špecifického modelu filozofie v ruskom prostredí – jeho dejovosť, religiozita, hĺbavosť, psychologické aspekty a iné. Pravdou však zostáva, že v našom geografickom prostredí ide skôr o neznámych filozofov, preto takéto ľahšie predstavenie personalizmu každého z uvedenej trojice patrí – najmä svojou formou – skôr do vysokoškolských učebných textov. Samotná vedecká spoločnosť vníma a reflektuje spomínaných filozofov v súvislosti s inými – známejšími filozofmi či literátmi (Lermontov, Dostojevskij, Soloviov). Práve tieto osobnosti – ich život a tvorba – prinášali čitateľovi impulz klásť si nie jednoduché otázky a vzápätí hľadať odpovede.

Pre všetkých troch autorov je spoločným menovateľom fakt, že píšú

v dobe, kedy sa Rusko najviac mení. Táto premenlivosť, ako aj ich životné skúsenosti kreovali ich vzťah k Bohu a spoločnosti. Rovnako ich postavenie, resp. spoločenský status predurčoval ich tvorbu a anticipoval budúce možnosti. Každý, kto by sa dnes chcel zaoberať práve Dostojevským, nemôže nepoznať veľké práce Berďajeva, či nezaoberať sa otázkou Boha, resp. vzťahom človek – Boh. Rovnako dôležité je poznať názor východoeurópskych filozofov, teda aj práce Semiona Franka, ktoré je nevyhnutné vnímať v kontexte nemeckého nihilizmu zastúpeného vo filozofii F. Nietzscheho.

Ivan Iljin svojou tvorbou reaguje na leninizmus a podoby jeho realizácie v Sovietskom zväze, čím mu vytvára myšlienkové opozitum. Jeho tvorba je vzácna najmä tým, že je písaná ruským filozofom. Ako Rus lepšie rozumie svojmu národu, jeho tradíciám a zvykom. Nezanedbateľný je jeho prínos v politickej filozofii. Vo všeobecnosti tvorba všetkých troch filozofov je zdrojom nezanedbateľných príspevkov k ruskej idealistickej filozofii, resp. ruskej personalistickej filozofii, a to najmä tým, že prinášajú a súčasne reprezentujú pohľad na ruské problémy jedinečnými ruskými očami.

Autori recenzovanej monografie zvolili pre lepšie pochopenie tvorby troch popredných ruských filozofov inovatívny postup. Jadro knihy rozčlenili do troch kapitol, pričom každá je venovaná jednému z mysliteľov.

Kapitoly autori ďalej systematicky členia na tri celky. Prvý celok približuje osobnosť daného filozofa, jeho výberovú bibliografiu a pokiaľ bolo možné určiť, tak aj miesto jej publikovania. Tieto faktografické údaje nie sú zoradené v strohom prehľade, ale sú vpletené do životného príbehu, ktorý vystupuje a tvorí jednotný celok. Tým sa stráca prehľadnosť, ktorá by vhodným usporiadaním napr. do tabuľky, text sprehľadnila a vytvorila priestor pre rozsiahlejšiu biografiu či podrobnejší výklad filozofických konceptov.

V závere T. Pružinec približuje filozofické východiská mysliteľa vzťahujúce sa k personalizmu v konotáciách na celok. Nejde však o podrobné vhlbenie sa do filozofických modelov či problematiky celého textu, ale o vytvorenie ťažiskových bodov, ktoré sa viac-menej automaticky anticipujú u čitateľa ako záujemcu o filozofický text.

V druhom a treťom celku každej kapitoly J. Gallo prezentuje preklad filozofického textu do slovenčiny doplnený výberovým slovníkom kľúčových slov a slovných spojení. J. Gallo nielenže verne preložil autentické filozofické východiská – konkrétne texty, ale ním vytvorený výberový slovník slúži ako príručka pre ich úplné a bezvýhradné pochopenie. V tomto kroku vidíme najväčší prínos recenzovanej monografie. V českom prostredí vznikajú mnohé preklady filozofických textov, ktorých charakteristickou črtou je, že sú bilingválne.

To platí najmä o prekladoch nemeckej filozofie, ktorá je svojim názvoslovím výrazne komplikovanejšia než ruská. Tu analyzované diela troch mysliteľov, filozofov a spisovateľov súčasne obsahujú obdobné termíny v ruskom jazyku. Treba poznamenať, že ruština ako slovanský jazyk, je slovenskému čitateľovi bližšia.

Na tomto mieste zdôrazňujeme, že ak by autori zvolili podobný prístup ako ich českí kolegovia, narazili by na problém súvisiaci s rozdielnym písmom. Ruština, na rozdiel od nemčiny, nepoužíva latinku, ale azbuku. Tú však v dnešnej dobe ovláda čoraz menej ľudí, a v dôsledku toho by bilingválne uvádzanie textu bolo neopodstatnené. J. Gallo vytvoril pre potreby čitateľa slovník, ktorý obsahuje vybrané pojmy v azbuke. Sú uvedené v prepise do latinky a následne preložené do slovenčiny. Tento slovník utvára priestor na inšpiráciu ako v budúcnosti pristupovať k prekladu filozofického textu v rámci dvoch príbuzných jazykov. Relevantný postup môže na Slovensku predstavovať pozitívny vklad do metodológie prekladu filozofického textu.

Jedným z nedostatkov recenzovanej monografie je bibliografia. V knihe absentuje zahraničná literatúra, zvlášť ruská, ale aj nemecká. Autori neuvádzajú ani práce zahraničných autorov, ktorí sa systematicky a dlhodobo venujú týmto trom mysliteľom, ako sú napr. W. Offermanns, D. Budde, R. Paradowski, N. Poltorackij či V. Tomšinov. V prípade Iljina a Berďajeva je

to z českého prostredia M. Jarůbek a zo zahraničia N. Losskij, O. Volkogonova či G. Kočetkov, resp. v súvislosti s Frankom P. Boobbyer či L. Chamberlain a iní. Časť tvorby od uvedených autorov je dostupná na internete, z čoho vyplýva, že jej nepoužitie nebolo spôsobené problémom dostupnosti. Na Slovensku v slovenskom vedeckom literárno-filozofickom kontexte sa ruskou filozofiou, ale najmä literatúrou dlhé roky zaoberal A. Červeňák, ktorý posledné roky svojho vedeckého pôsobenia pôsobil na UKF v Nitre. T. Pružinec pri koncipovaní tu analyzovanej monografie nepoužil žiadnu z prác A. Červeňáka.

Celé monografické dielo je zjavne postavené na tvorbe J. Letza, J. Komorovského či J. Febera. Pri vedeckej monografii sa predpokladá, že daná téma je obsiahnutá aj v partiálnych publikačných výstupoch týkajúcich sa danej problematiky. Z posudzovaného textu je však zrejmé, že také výstupy absentujú, keďže T. Pružinec uviedol autocitáciu len raz. Konštatujeme, že autorov osobný vklad do recenzovanej monografie mohol, resp. mal byť väčší. Tým by sa stala hodnotnejšou pre celú slovenskú filozofickú obec.

Ďalším nedostatkom recenzovanej monografie je jej adresnosť, či skôr neadresnosť. Kniha svojim rozsahom i obsahom nie je primárne určená vedeckej filozofickej obci na Slovensku. Jej využitie je otázne aj v školskom prostredí. Pri štúdiu

filozofie sa totiž semináre zameriavajú na diela reprezentujúce svetovú filozofiu. Pokiaľ by mala recenzovaná monografia spĺňať požiadavky vysokoškolského učebného textu, tak by mala byť rozsiahlejšia, no je pomerne útla. Ak by predsa len bola použitá ako základ seminára na vysokej škole, tak vyučujúcemu odporúčame doplniť ju inou primárnou či sekundárnou odbornou literatúrou. Bežný rozsah textu, ktorý slúži ako podklad pre seminár, je približne 15 – 25 strán formátu (B5), t. j. identického s danou knihou. Monografia, ktorú recenzujeme, má však len 104 strán. Pokiaľ by kniha bola určená ako doplnková literatúra k výberovým prednáškam, tak sa stráca jej vydavateľské opodstatnenie, nakoľko jej edícia je hradená z prostriedkov vedeckého grantového projektu VEGA, t. j. projektu primárne určeného na vedecký výskum.

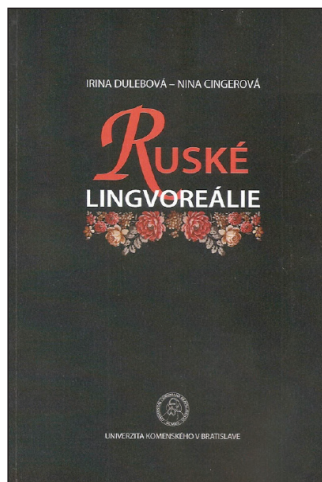
Odhládnuv od vyššie uvedených nedostatkov konštatujeme, že predsa len ide o krok vpred, ktorý smeruje k hlbšiemu chápaniu ruskej filozofie. Ako sme už spomenuli, priložený slovník J. Galla znamená pozitívum z aspektu sprostredkovania prekladu ruskej terminológie. Filozofia 20. storočia je z celosvetového hľadiska postavená na porozumení terminológie. Anglosaská či kontinentálna, resp. nemecká alebo ruská filozofia používa pomenovania (jednoslovné)

i viacslovné), ktoré sa bežnému čitateľovi javia podobné. Práve nepatrnými rozdielmi vo významoch slov sa však traja myslitelia – Berďajev, Frank a Iljin – snažili čitateľovi čo najvernejšie priblížiť svoje postoje, názory a stanoviská. J. Gallo doložením slovníka kľúčových slov a slovných spojení vytvoril priestor na lepšie porozumenie názorom, postojom a zámerom, ktoré traja ruskí filozofi svojou tvorbou prezentujú.

V závere T. Pružinec súhrnne porovnáva prístup trojice mysliteľov k problematike ruskej idealistickej filozofie, resp. ruskej personalistickej filozofie, čím sumarizuje ich názor na spoločnosť, človeka a spoločenské vzťahy. Autor mohol v závere načrtnúť oblasti, ktoré by čitateľa výraznejšie obohatili, a to najmä vzťah súčasnej ruskej filozofie voči trojici Berďajev – Frank – Iljin alebo reflexie stredoeurópskej a východoeurópskej filozofickej obce voči trojici Berďajev – Frank – Iljin v období trvania železnej opony. Aj napriek vyššie uvedeným nedostatkom recenzovanej monografickej práce pevne veríme, že sa od autorskej dvojice T. Pružinec a J. Gallo dočkáme viacerých vedeckých prác, ktoré sprostredkujú krásu a aktuálnosť ruského filozofického myslenia.

Vavrinec Žeňuch

DULEBOVÁ, I. – CINGEROVÁ, N.:
Ruské lingvoreálie. Bratislava: Univerzita
Komenského v Bratislave, 2017. 276 s.
ISBN 978-80-223-4431-9.

Панорама ключевых русских лингвокультурем в новом учебнике И. Дулебовой и Н. Цингеровой *Ruské lingvoreálie*

В рецензируемом нами вузовском учебнике *Ruské lingvoreálie*, написанном в рамках грантового проекта KEGA 072UK-4/2015 *Vysokoškolská učebnica Ruské lingvoreálie* – И. Дулебова, – кандидат филологических наук, доцент кафедры русистики и восточноевропейских исследований Философского факультета Университета им. Коменского в Братиславе, вместе с соавтором Н. Цингеровой, кандидатом филологических наук, старшим преподавателем из одноимённой кафедры, предлагают вниманию студентов и более широкой научной общественности новый

вузовский учебник, затрагивающий проблематику русских лингвокультурем с целью предложить подходящий учебный материал не только для студентов-филологов, но также и тех, кто исследует определённый ареал. В своём учебнике авторы представляют отдельные лингвокультуремы на основе своей почти десятилетней лингводидактической практики на занятиях со студентами в стенах Университета им. Коменского в Братиславе. Замыслом И. Дулебовой и Н. Цингеровой является повышение лингвокультурологической компетенции студентов-русистов, расширение их представления не только о роли и месте русских лингвокультурем, но также об особенностях их действия в рамках межкультурной коммуникации. Авторы

акцентируют внимание, прежде всего, на безэквивалентной лексике, ключевых прецедентных феноменах русского языка, а также на паремии, фразеологизмах, символах и стереотипах с целью «предоставить студенту возможность параллельной систематизации сведений о реалиях России, материализованных в языке, чаще всего именно в его лингвокультурах» (с. 6). Таким образом, авторы правильно подчеркнули ожидаемый результат рецензируемого нами учебника, касающийся повышения языковой и коммуникативной компетенции студентов, включая аспект перевода в словацком культурном пространстве.

Следует признать, что объём учебника не позволяет «объять необъятное» (с. 7), и поэтому, анализируемые в книге лингвокультуры, авторы считают ключевыми. Сам выбор лингвокультурем является субъективным, т.к. авторы исходили большей частью из личных представлений об их иерархии, а также из собственных наблюдений частотности их появления в современном русском дискурсе с акцентом на СМИ и политику. Более подробное объяснение выбранных лингвокультурем, обозначенных в тексте учебника звёздочкой, можно посмотреть в работе *Glosár ruských lingvoreálií*, изданном коллективом авторов И. Дулебовой, Н. Цингеровой и К. Грчковой в 2016 году.

Представленный вузовский учебник И. Дулебой и Н. Цингеровой отличается чёткостью композиции и продуманной структурой. Он состоит из шести глав, а также содержит предисловие и список литературы. В конце каждой главы авторы приводят задания. Можно оценить положительно то, что основной текст почти каждой главы учебника соответствующим образом дополняют тщательно подобранные чёрно-белые фотографии, картины, портреты писателей, карикатура и обложка журнала. В каждой главе также имеется дополнительный лингвокультурологический, страноведческий, лингвистический и другой комментарий, подобранный из сети Интернета, научных статей И. Дулебовой или других источников, и, таким образом, облегчающий читателю понять факты, события и реалии, упоминаемые в соответствующей главе.

В первой главе *Lingvoreálie ako didaktická aplikácia lingvokulturologie* И. Дулебова и Н. Цингерова вводят читателя в проблематику лингвокультурологии и обучения лингвореалиям. В данной главе авторы также знакомят читателя с теоретическими основами, основными понятиями и подходами для исследования лингвореалий. Авторы более подробно рассматривают важное лингвокультурологическое понятие *precedentný fenomén*, акцентируя своё

внимание на литературных прецедентных феноменах, являющиеся основными для русской культуры в сфере литературы. В заключительной части данной главы авторы много места отводят проблематике ключевых лингвокультурем литературного происхождения в рамках русской языковой картины мира.

Во второй главе *Ruská história a súčasné dianie v zrkadle jazyka* авторы тематизируют историю России в зеркале языка. Данная глава состоит из трёх подразделов. В первом подразделе *Ruské dejiny v zrkadle jazyka* речь идёт о том, откуда пошла Русская земля. Затем отмечается проблематика российского общества, включая социальные слои и людей. Далее говорится о крепостничестве и много места отводится разным историческим вехам России. Во втором подразделе *Nová spoločnosť, nový človek a nový jazyk* освещается проблематика советского периода, акцентируя внимание на семантических, лексико-словообразовательных, стилистических советизмах, включая также советскую ономастику (антропонимы, топонимы и урбонимы). В подразделе *Postsovietske obdobie v okrídlených výrokoch politikov* авторы приводят примеры крылатых выражений политиков постсоветского периода, таких как черномырдинки, лебедизмы и путинизмы. Отдельно даются оригинальные и вновь

актуализированные прецедентные выражения В. Путина. Особое внимание уделяется неологизму 2014 года – крымнаш.

В третьей главе учебника представляется православие в русской лингвокультуре, акцентируя внимание на понятии православия на Руси, специфике русской религиозности (Богородица, культ предков, обрядовое, обряд как догма) и православном мире (православное вероучение, структура православной церкви, православный спиритуализм, старчество, юродивые Христа ради в православной церкви и православные праздники).

В четвёртой главе *Ruské tradície a zvyky* авторы знакомят читателя с традиционной русской кухней (супы, мясные и рыбные блюда, блюда без мяса, салаты, выпечка и напитки), с традиционной русской одеждой (женская одежда, женские головные уборы, мужская одежда, мужские головные уборы, зимняя одежда, обувь). Третий подраздел данной главы посвящён вопросам русских праздников и обрядов.

В пятой главе И. Дулебова и Н. Цингерова рассматривают специфику авто- и гетеростереотипов о русской культуре, менталитете и образе жизни в языковой рефлексии.

В шестой главе *Frazeologizmy a ruský jazykový obraz sveta* после краткой теоретической трактовки

основных понятий (frazeológia, frazeologické celky, frazeologické spojenie, frazeologické zrasty, frazeologické výrazy, príslovie, porekadlo) даются примеры ключевых фразеологизмов, связанных с семьёй, дружбой, гостеприимством, питанием, обучением, здоровьем, деньгами, временем и чертами характера. Составной частью данной главы являются примеры разных концептов, связанных с их рефлексией во фразеологии.

Достоинством рецензируемого учебника является чётко продуманная композиция и тщательно проработанный и представленный огромный фактический материал, который подкреплён подходящими примерами. Книга написана

соответствующим научным и одновременно доступным языком. В целом, учебник представляется серьёзным и заслуживает самой высокой оценки. Можно согласиться с мнением авторов, что учебник будет полезным «не только на семинарских занятиях, посвящённых лингвореалиям, интеркультурности, теоретическим и практическим аспектам лингвистики, но также и при исследовании материалов СМИ, анализе текста, при руководстве курсовыми работами, темой которых являются разные коды культуры и т. п.» (с. 7).

Ян Галло

AUTORI ČÍSLA

doc. PaedDr. Ján Gallo, PhD.

Katedra rusistiky Filozofickej fakulty Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre (SR)
jgallo@ukf.sk

Горицкая Ольга Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент

Минский государственный лингвистический университет, Минск (Беларусь)
goritskaya@gmail.com

Кавалёва Ина Яўгеньеўна

ст. выкладчык кафедры нямецкай мовы факультэта сацыякультурных камунікацый, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск (Беларусь)
inru@rambler.ru

doc. Alena Kalechyts, CSc.

Katedra rusistiky Filozofickej fakulty Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre (SR)
akalechyts@ukf.sk

prof. PhDr. Natália Korina, CSc.

Ústav slavistiky Viedenskej univerzity (Rakúsko) – Katedra rusistiky Filozofickej fakulty Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre (SR)
natalia.korina@univie.ac.at

Лапшина Светлана Сергеевна, кандидат филологических наук

Кафедра русского языка Российского химико-технологического университета им. Д. И. Менделеева, Москва (Российская Федерация)
lapshinass@mail.ru

prof. PhDr. Jana Sokolová, CSc.

Katedra rusistiky Filozofickej fakulty Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre (SR)
jsokolova@ukf.sk

Mgr. Vavrinec Žeňuch

doktorand v Slavistickom ústave Jána Stanislava Slovenskej akadémie vied v Bratislave (SR)
vavrinec.zenuch@savba.sk

SLAVICA NITRIENSIA
časopis pre výskum slovanských filológií

Ročník 7, 2018, 2

Toto číslo vyšlo v novembri 2018

Vydavateľ: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre
Tr. A. Hlinku 1, 949 74 Nitra
IČO: 00157716

Návrh obálky: PhDr. Ľuboslav Horvát
Sadzba: Mgr. Peter Horváth

Rozsah: 74 strán

Adresa redakcie:
Katedra rusistiky FF UKF, Štefánikova 67, 949 74 Nitra
krusistiky@ukf.sk
www.krus.ff.ukf.sk

Evidenčné číslo Ministerstva kultúry SR: EV 4625/12

ISSN 1338-7464